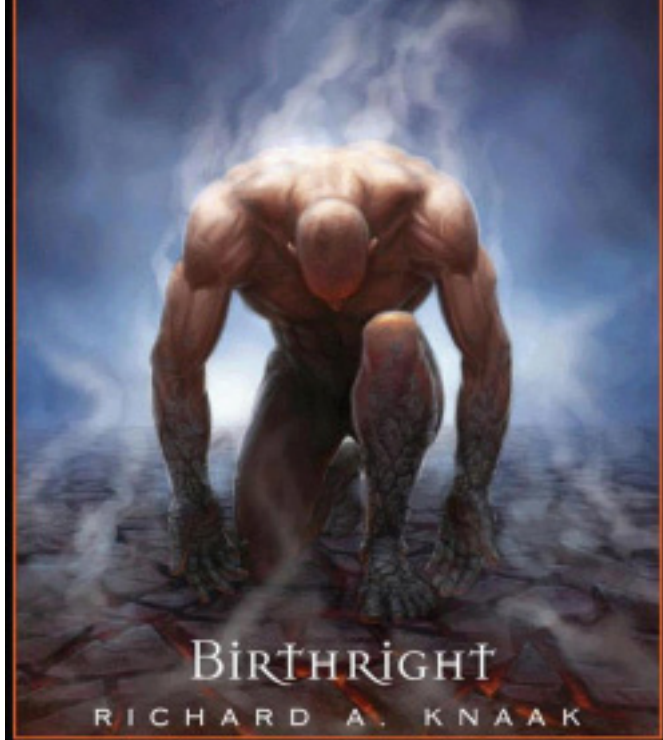

A NEW TRILOGY FROM *THE NEW YORK TIMES*
BESTSELLING AUTHOR

DIABLO®

THE SIN WAR

BOOK ONE

BIRTHRIGHT

RICHARD A. KNAAK

Ричард Кнаак

Война Греха

Книга первая. Право по рождению

Только для ознакомительного чтения. Все права на книгу принадлежат её автору и компании Blizzard Entertainment.

Подготовил ExileLiNk, специально для сайта:

<http://indiablo.ru/>

Автор перевода: D@mmу

2012

Перевод книги осуществлён Гутковским Дмитрием (aka D@mmy) в 2011-2012 гг. специально для <http://indiablo.ru/> - фансайта по игре Diablo III. Изменение переведённого текста без уведомления переводчика не приветствуется. С другой стороны, сообщить о найденных ошибках, а также оставить свои пожелания и предложения вы можете, написав по адресу: dimchik2001@mail.ru.

Перевод любительский и предназначен для общего ознакомления с содержанием книги. Все права на книгу принадлежат её автору Ричарду Кнааку и компании Blizzard Entertainment.

Содержание

<u>ПРОЛОГ</u>	5
<u>ГЛАВА ПЕРВАЯ</u>	6
<u>ГЛАВА ВТОРАЯ</u>	13
<u>ГЛАВА ТРЕТЬЯ</u>	22
<u>ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ</u>	29
<u>ГЛАВА ПЯТАЯ</u>	37
<u>ГЛАВА ШЕСТАЯ</u>	45
<u>ГЛАВА СЕДЬМАЯ</u>	54
<u>ГЛАВА ВОСЬМАЯ</u>	62
<u>ГЛАВА ДЕВЯТАЯ</u>	70
<u>ГЛАВА ДЕСЯТАЯ</u>	76
<u>ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ</u>	83
<u>ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ</u>	91
<u>ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ</u>	98
<u>ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ</u>	104
<u>ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ</u>	112
<u>ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ</u>	119
<u>ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ</u>	125
<u>ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ</u>	131
<u>ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ</u>	139
<u>ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ</u>	147
<u>ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ</u>	154
<u>ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ</u>	162
<u>ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ</u>	170
<u>ОБ АВТОРЕ</u>	174

Пролог

Мир тогда был юн, и мало кто называл его «Санктуарием» или знал, что не только ангелы и демоны существуют, но кое-кто из них придал Санктуарию первостепенное значение. Губ смертных ещё не коснулись имена сильных – сильных и зачастую вселяющих страх – таких как Инарий, Диябло, Ратма, Мефисто и Баал.

В это время всё было проще. Не ведая о бесконечной битве между Высшим Небом и Пылающим Адом, люди боролись и процветали, рождались и умирали. Им было невдомёк, что вскоре бессмертные Неба и Ада узрят в них потенциал, и так начнётся конфликт, который продлится не одно столетие. И среди всех не ведающих об ужасной судьбе Санктуария Ульдиссиана уль-Диомеда – Ульдиссиана, сына Диомеда, – можно назвать самым слепым. Слепым, несмотря на то, что он сам окажется в самом сердце того, что позднее знатоки тайной истории мира назовут Войной Греха.

Это не была война в смысле войск вооружённых воинов, сражающихся друг с другом, – хотя и это тоже случалось – но скорее испытание человеческих душ, борьба за человеческие души. Война, которая навсегда покончила с невинностью Санктуария и его обитателей, изменив их всех, пусть даже без их ведома.

Война, в которой была одержана победа... И понесено поражение.

Из книги Калана
Первый том, второй лист

Глава первая

Через стол Ульдиссиана уль-Диомеда пролегла тень, охватившая не только большую часть стола, но и руку Ульдиссиана, и ещё не отпитый эль. Рыжеватому фермеру не нужно было поднимать глаз, чтобы узнать, кто прервал его короткую передышку от дневных работ. Он слышал, как новоприбывший говорил с другими в «Кабаньей голове» – единственной таверне отдалённой деревушки Серама, – слышал и молился тихо, но пылко, чтобы тот не подошёл к его столу.

Иронично было то, что сын Диомеда *молился*, чтобы незнакомец держался подальше, ибо тот, кто стоял и ждал, что Ульдиссиан посмотрит на него, был не кто иной, как проповедник Собора Света. Блистательный в своей серебристо-белой мантии с воротником – блистательный, несмотря на грязь Серама на подоле, – он без сомнения произвёл впечатление на многих жителей деревни. Но в фермере его присутствие не пробудило ничего кроме ужасных воспоминаний, и сейчас он изо всех сил старался не отрывать взора от своей кружки.

-Узрел ли ты *Свет*, брат мой?- наконец задал вопрос обладатель серебристой мантии, когда стало ясно, что потенциальный новообращённый продолжает его игнорировать.- Коснулось ли твоей души Слово великого Пророка?

-Найди себе кого-нибудь другого,- пробормотал Ульдиссиан, и его свободная рука непроизвольно сжалась в кулак. Наконец он сделал глоток эля, надеясь, что его высказывание завершит нежелательный разговор. Но проповедник не желал сдаваться.

Положив руку на предплечье фермера – и тем самым помешав ему в очередной раз вкусить эля, – бледный молодой человек сказал:

-Подумай если не о себе, так о тех, кто тебе дорог! Неужели ты оставишь их души без...

Фермер взревел, его лицо покраснело от гнева, который он больше не мог сдерживать. Единым движением Ульдиссиан подскочил и схватил испуганного проповедника за воротник. Стол опрокинулся, и эль разлился по дощатому полу, но тот, кто его только что пил, этого не заметил. Другие посетители в помещении, включая нескольких редких путников, что были здесь проездом, наблюдали стычку с беспокойством и интересом... И по своему опыту предпочитали держаться подальше. Некоторые из местных, кто хорошо знал сына Диомеда, качали головами или бормотали друг другу, что новоприбывший выбрал плохую тему для разговора.

Проповедник был на ладонь выше, чем Ульдиссиан, сам человек немаленький, чуть больше шести футов ростом, но широкоплечий фермер был наполовину тяжелее за счёт мускулов, которыми его вознаграждал ежедневный труд по возделыванию почвы и заботе о домашних животных. Ульдиссиан был человеком с квадратным, покрытым бородой подбородком и грубыми чертами лица, какие часто встречаются к западу от большого города-государства Кеджана, «жемчужины» восточной части света. Тёмно-карие глаза вперились в более бледные, худые и на удивление юные черты поборника веры Собора.

-Души большинства членов моей семьи недоступны собранию Пророка, *брат*! Они погибли от мора почти десять лет назад!

-Я помолюсь... За них...

Его слова только подстегнули ярость Ульдиссиана, которому довелось самостоятельно молиться за своих родителей, своего старшего брата и двух сестёр на протяжении месяцев, которые длились их страдания. Днём и ночью – зачастую без перерывов на сон – он должен был молиться силам, какие бы ни наблюдали за ними свыше, сначала о том, чтобы они поправились, а затем, когда надежды уже не стало, чтобы смерть пришла быстро и безболезненно.

И эта молитва тоже осталась неслышанной. Ульдиссиан, обезумевший от горя и беспомощный, должен был наблюдать, как они один за другим умирают в мучениях. Только он и его младший брат Мендельн выжили и смогли похоронить остальных.

И даже после этого приходили проповедники, и даже тогда они говорили о душах членов его семьи и о том, что именно у их секты есть ответы на все вопросы. Например, они обещали Ульдиссиану, что, если он выберет именно их путь, то больше не будет страдать от потери тех, кого любил.

Но Ульдиссиан, некогда благочестивый верующий, во всеуслышание отвергал всех и каждого из них. Их слова

звучали впустую, а отказы оказывались обоснованными, когда миссионеры того или иного вероисповедания исчезали с той же неотвратимостью, с какой весна сменяет зиму.

Но не все. Собор Света, хотя и появился совсем недавно, казался куда сильнее, чем большинство его предшественников. В самом деле, он и основанный ранее Храм Триединого, похоже, быстро становились доминирующими силами, борющимися за души народа Кеджана. По мнению Ульдиссиана пылкий энтузиазм, с которым обе веры изыскивали новых поборников, сопровождавшийся напряжённым соревнованием между ними, шёл вразрез с духовным посылом каждой из сект.

И это было ещё одной причиной, по которой Ульдиссиан не хотел принадлежать ни к той, ни к другой.

-Молись лучше за себя, а не за меня и моих близких,- прорычал он.

Глаза проповедника выступили из орбит, когда Ульдиссиан с лёгкостью оторвал его за воротник от пола.

Приземистый лысеющий человек выскользнул из-за прилавка, намереваясь вмешаться. Тибион был на несколько лет старше и не имел ничего против Ульдиссиана, но он был хорошим другом Диомеда, и потому его слова могли подействовать на разъярённого фермера.

-Ульдиссиан! Если не беспокоишься за себя, то подумай хоть о моём заведении.

Ульдиссиан колебался, слова хозяина таверны прорывались сквозь его боль. Его взгляд метался от бледного лица перед ним к круглому лицу Тибиона и обратно.

Не меняя рассерженного выражения, он ослабил хват и бросил свою ношу на пол, как нечто не достойное внимания.

-Ульдиссиан... - начал Тибион.

Но сын Диомеда не стал дожидаться окончания фразы. С дрожью в руках он размеренными шагами направился к выходу из «Кабаньей головы», его тяжёлые, изношенные кожаные сапоги громко стучали по хорошо подогнанным доскам пола. Снаружи свежий воздух помог Ульдиссиану немного прийти в себя. Он почти сразу начал сожалеть о том, что произошло внутри. Не потому, что считал свои действия неправильными, а потому, что совершал их на виду у многих, кто знал его... И это было уже не в первый раз.

И всё же присутствие прислужника Собора в Сераме тяжело давило на него. Сейчас Ульдиссиан был человеком, который верил только в то, что могут увидеть его глаза и потрогать его руки. Он мог посмотреть на небо и сказать, надо ли ему поспешить закончить работу на поле или времени достаточно и можно трудиться не спеша. Урожай, который поднимался из земли благодаря его труду, кормил его и других. Этому он мог доверять, в отличие от бормочущих молитвы священников и проповедников, которые ничего не сделали для его семьи, кроме того, что дали ложную надежду.

В Сераме жило около двухсот человек. Кто-то считал деревню маленькой, кто-то называл её размеры надлежащими. Ульдиссиан мог пересечь её в несколько шагов. Его ферма стояла в двух милях к северу от Серамы. Раз в неделю Ульдиссиан отправлялся в деревню, чтобы запастись нужными вещами, и всегда позволял себе сделать короткий перерыв, чтобы поесть и утолить жажду в таверне. Обед он съел, выпить эль ему не удалось, и теперь осталось только разобраться с делами, прежде чем возвратиться на ферму.

Помимо таверны, которая также служила постоянным двором, в Сераме было ещё всего несколько значимых строений: зал собраний, торговый пункт, казармы деревенской стражи и кузница. Все они были похожи друг на друга и на остальные постройки в Сераме: крытые соломой заострённые крыши, стены из деревянных досок, прибитых к каркасу, фундаменты из нескольких слоёв камня и глины. Окна круто изогнуты наверху, и их всегда по три с одной стороны – так было принято в большинстве областей, находящихся под влиянием Кеджана. Откровенно говоря, издали было практически невозможно отличить одно здание от другого.

Грязь пристала к сапогам Ульдиссиана, пока он шёл, – Серам был слишком захолустной деревней, чтобы замостить улицы или хотя бы насыпать камней. Была проложена небольшая сухая тропка на противоположную сторону, но сейчас у Ульдиссиана не было терпения, чтобы идти по ней, и к тому же он как фермер привык иметь дело с землёй.

На восточном краю Серамы – ближе всего к Кеджану – стоял торговый пункт. После таверны это было самое посещаемое место в Сераме. Сюда местные приносили свои товары, чтобы обменять их на нужные им вещи или даже продать путешествуящим торговцам. Когда на склад попадали новые предметы, синий флаг поднимали вверх перед его дверями, и теперь Ульдиссиан нашёл за этим занятием Серентию, дочь Сайруса. Семейство Сайруса уже четыре поколения руководило торговым пунктом и было одним из самых известных семейств в деревне, хотя и одевались они не более модно, чем все остальные. Торговец не смотрел свысока на своих

клиентов, которые были к тому же, в большинстве своём, его соседями. Серентия, к примеру, была одета в простое тканое коричневое платье со скромным вырезом, спускавшееся до лодыжек. Подобно большинству жителей деревни, она была обута в практичные сапоги, в которых было удобно ездить верхом и ходить по грязным дорожкам на главной улице.

-Есть что-нибудь интересное?- спросил он Серентию, желая отвлечься от мыслей об инциденте и болезненных воспоминаний из прошлого, которые он воскресил.

Дочь Сайруса обернулась на звук его голоса, её длинные волосы всколыхнулись густой волной. При виде её ясных голубых глаз, кожи цвета слоновой кости и естественно алых губ Ульдиссиан укреплялся во мнении, что, стоит её одеть в подходящее платье, и она сможет посоперничать в красоте со знатными дамами Кеджана. Простое платье не скрывало изгибов её тела и не могло утаить той изящности, с какой она двигалась вне зависимости от того, где находилась.

-Ульдиссиан! Ты что, был здесь целый день?

В её голосе сквозили нотки, которые заставляли фермера хмуриться. Серентия была младше его больше чем на десять лет, она росла у него на глазах. Он воспринимал её как сестру, наравне с теми, которых он потерял. Тем не менее, было ясно, что для неё он значит гораздо больше. Она отвергала ухаживания более молодых и богатых фермеров, не говоря уже о попытках заезжих торговцев заигрывать с ней. Из других мужчин она проявляла интерес разве что к Ахилию, доброму другу Ульдиссиана и лучшему охотнику в Сераме, но трудно было сказать, не крылась ли причина в том, что он был связан с фермером.

-Я пришёл после первого часа дня,- ответил фермер. Приблизившись, он заметил по крайней мере три повозки позади заведения Сайруса.- Немаленький обоз для Серама. Что везут?

Закончив поднимать флаг, Серентия привязала верёвку. Глядя через плечо на повозки, она сказала:

-Вообще-то они потерялись. Они ехали дорогой через Тулисам.

Тулисам был ближайшим населённым пунктом; это был город, по меньшей мере в пять раз больший, чем Серам. Через него проходила дорога от Кеджана к морю, где были расположены главные порты.

Ульдиссиан усмехнулся.

-Проводник, должно быть, новичок.

-Не знаю, что вызвало ошибку, но они решили немного поторговать с нами. Отец старается скрыть свой восторг. Знаешь, Ульдиссиан, у них есть по-настоящему красивые вещи!

Для сына Диомеда красивыми были крепкие, надёжные инструменты или, например, телёнок, родившийся здоровеньким. Он хотел сказать это, но потом заметил, что кто-то ходит возле повозок.

Она была одета подобно знати какого-нибудь из Домов, что жаждали занять лидирующую позицию, ставшую вакантной после недавней междоусобной борьбы сильнейших магических кланов. Её пышные золотистые волосы были повязаны сзади серебристой тесьмой, оставляя открытым взору величественное белоснежное лицо. Сверкающие зелёные глаза смотрели по сторонам. Тонкие губы были совершенны. Она слегка приоткрыла рот, рассматривая пейзаж к востоку от Серама. Плечи её ниспадающего изумрудного платья покрывали меха. Лиф платья был тесно затянут, и, несмотря на то, что одежда была символом правящих сословий, она в ней выглядела очень женственно.

Сразу, как только приковывающая взор незнакомка бросила быстрый взгляд в направлении Ульдиссиана, Серентия взяла его за руку:

-Ты бы зашёл и посмотрел сам, Ульдиссиан.

Когда она повела его к парным деревянным дверям, фермер быстро оглянулся, но благородной девы и след простыл. Если бы он не знал, что его воображению просто не под силу нарисовать такое, он бы поверил, что она ему почудилась.

Затянув его в дом, дочь Сайруса закрыла за ним дверь особенно плотно. Её отец прервал беседу с торговцем в сутане с капюшоном. Похоже было, что они, оба люди немолодые, торговались за свёрток, который фермер принял за довольно роскошную пурпурную ткань.

-А! Славный Ульдиссиан!- торговец обращался ко всем с этим словом, включая членов своей семьи, что всегда вызывала улыбку у Ульдиссиана. Сайрус даже не замечал, что делал это.- Как поживаете ты и твой брат?

-Мы... У нас всё в порядке, господин Сайрус.

-Вот и славно.- С этими словами торговец вернулся к своим делам. Сайрус со своими серебристыми волосами, кольцом покрывающими наполовину лысую голову, со своим умным взором больше напоминал фермеру священнослужителя, чем любой из остальных, кто носил мантию. В сущности, он высказывал куда более здравые мысли. Ульдисиан очень уважал Сайруса, частично из-за того, что торговец, самый образованный человек в Сераме, взял Мендельна под свою опеку.

Подумав о своём брате, который проводил в этом доме больше времени, чем на ферме, Ульдисиан огляделся вокруг. Хотя его брат одевался примерно как он – тканая туника, килт и сапоги – и походил на него глазами и широким носом, одного взгляда на него было достаточно, чтобы возник вопрос: а на самом ли деле он фермер? По правде говоря, хотя он и помогал на ферме, работа на земле явно не была призванием Мендельна. Он всегда хотел проникнуть в смысл *чего-либо*, будь то жуки, закапывающиеся в землю, или слова на пергаменте, который дал ему Сайрус.

Ульдисиан тоже умел читать и писать и гордился этим достижением, но видел в нём только практическую сторону дела. Когда нужно было заключить соглашение, удобно было записать его условия на бумаге, чтобы не сомневаться, что они будут выполнены. Это старший брат мог понять. Но просто читать ради чтения или изучать что-нибудь, чему не найти применения в их ежедневной работе... Такое влечение обошло Ульдисиана стороной.

Он не увидел своего брата, в этот раз прибывшего в деревню вместе с ним, но заметил нечто, что привлекло его внимание и живо пробудило в памяти болезненное воспоминание о том, что произошло в «Кабаньей голове». На первый взгляд ему показалось, что это напарница проповедника, с которым он повздорил, но затем девушка повернулась к нему, и фермер увидел, что она одета в совсем другую мантию. Она была тёмно-лазурного цвета, на груди к ней была прикреплена фигурка золотого барашка с большими завитыми рогами, а под ним находился перегибающийся треугольник, верхний угол которого упирался прямо в копыта барашка.

Волосы, спадавшие до плеч, окаймляли круглое лицо, юное и очень привлекательное. Но, на взгляд Ульдисиана, ему недоставало чего-то, и это убивало в нём всякий интерес к незнакомке. Ощущение было, как если бы она была пустой оболочкой, а не целостной личностью.

Он встречал таких и прежде – без остатка посвятивших себя рьяному служению своей вере. Видел он раньше и такую мантию, и то, что она была одна, заставило его насторожиться и ещё раз осмотреть комнату. Они *никогда* не путешествовали в одиночку, всегда по трое. По одному на каждую ветвь их веры...

Серентия пыталась показать ему какие-то женские безделушки, но он пропускал её слова мимо ушей. Он решил попробовать выскользнуть из комнаты.

Затем к незнакомке присоединился ещё один человек. Это был мужчина средних лет со строгой выправкой и аристократическими чертами лица, раздвоенным подбородком и густыми бровями. Его присутствие было закономерным: девушки никогда не путешествовали без сопровождения мужчин. Он был одет в золотистую мантию с узким воротником, к которой также был прикреплен треугольник, но на этот раз над ним располагался зелёный лист.

Третьего в их отряде нигде не было видно, но Ульдисиан знал, что он где-то неподалёку. Служители Храма Триединого не расставались надолго. Это проповедники Собора зачастую действовали в одиночку, прислужники же Триединого работали сообща. Они проповедовали путь Трёх, путь направляющих духов – Балы, Диалона и Мефиса – которые наблюдали за людьми как любящие родители или добрые учителя. Диалон был духом Предопределения, и потому его символизировал упрямый баран. Бала отвечал за Созидание, обозначаемое листом. Мефис, чей служитель отсутствовал, знаменовал Любовь. Его прислужники носили на груди красный круг, который в Кеджане являлся символом сердца.

Ульдисиан, который слышал прежде проповеди всех трёх орденов и не желал очередной стычки, постарался укрыться в тени. Наконец Серентия поняла, что Ульдисиан больше не слушает её. Она подперла руками бока и посмотрела на него таким взглядом, который, когда она была ребёнком, заставлял выполнять любые её прихоти.

-Ульдисиан, я думала, ты хочешь посмотреть...

Он прервал её:

-Серри, мне нужно идти. Твои братья собрали то, что я просил?

Она поджала губы, припоминая. Ульдисиан взглянул на двух проповедников, которые углубились в беседу друг с другом. Оба казались сбитыми с толку, словно что-то шло не так, как они планировали.

-Тиэль мне ничего не сказал, иначе я бы разузнала раньше, что ты в Сераме. Давай, я найду его и спрошу.

-Я пойду с тобой.- Что угодно, лишь бы укрыться от псов Триединого. Храм был основан за несколько лет до Собора, но только этим двум сектам удалось укрепить своё влияние. Поговаривали, что верховный судья в Кеджане был теперь приверженцем Храма, а начальник кеджанской стражи являлся, по слухам, членом Собора. Разлад среди магических кланов, приведший чуть ли не к войне, побудил многих искать поддержку в посыле той или другой секты.

Но прежде чем они успели выйти на задний двор, Сайрус позвал дочь. Она с извинением посмотрела на Ульдиссиана.

-Подожди здесь. Я недолго.

-Я могу поискать Тиэля самостоятельно,- предложил он.

Должно быть, Серентия поймала его быстрый взгляд в сторону проповедников. Теперь её лицо выражало неодобрение.

-Ульдиссиан, не начинай снова.

-Серри...

-Ульдиссиан, эти люди – посланники священных орденов! Они не желают тебе зла! Если бы только ты смог услышать их! Я не предлагаю тебе присоединиться тебе к тем или иным, но речи их проповедей определённо стоят внимания.

Она уже выговаривала ему так прежде, когда, после последнего визита проповедников из Храма Триединого, он пошёл в таверну и произнёс там длинную речь о том, что простым людям ни к чему внимать любому из этих посланников. Предлагали ли прислужники помощь в подстрижке овец или сборе урожая? Помогали ли они чистить одежду, пропитанную грязью, приложили ли они руки к починке изгородей? Нет. Ульдиссиан отметил тогда, как делал это и раньше, что вся их работа состоит в убеждении людей в том, что их вероисповедание лучше любого другого. Людей, которые имели представление об ангелах и демонах, но едва ли в них верили.

-Они могут сколько угодно бросать красивые слова, Серри, но по-моему они просто соревнуются друг с другом: кто наберёт больше дураков под своё крыло, тот и победил.

-Серентия!- снова позвал Сайрус.- Иди сюда, моя девочка!

-Мне нужно помочь отцу, - сказала она с грустным видом.- Я сейчас вернусь. Ульдиссиан, пожалуйста, держи себя в руках.

Фермер смотрел, как она убегает, потом попытался сосредоточиться на предметах, выставленных на продажу или обмен в торговом пункте. Здесь были самые разные инструменты, какиегодились бы на ферме: мотыги, лопаты, множество молотов. Ульдиссиан попробовал пальцами новый железный серп. В таком месте, как Серам, не найти серпа, выполненного более искусно, но он слышал, что в поместьях вокруг Кеджана некоторые хозяева давали своим работникам серпы со стальным покрытием. Это производило на Ульдиссиана гораздо большее впечатление, чем любые рассуждения о духах и душах.

Вдруг кто-то проскользнул мимо него в заднюю часть помещения. Он заметил мельком пучок перевязанных золотистых волос и тень улыбки, которая, он мог поклясться, была адресована ему.

Сам не понимая, что делает, Ульдиссиан пошёл следом. Благородная дева исчезла в задних дверях, словно торговый пункт был её собственным домом.

Он проскочил вслед за ней через дверь... И поначалу не обнаружил никаких признаков её присутствия. Зато он увидел, что его повозка уже была наполнена. Тиэля поблизости не оказалось, но в этом не было ничего удивительного. Старший брат Серентии наверняка уже выполнял какое-нибудь другое поручение.

Ульдиссиан расплатился заранее, так что он направился к своей повозке. Но, как только он приблизился, что-то зелёное блеснуло рядом с конём.

Это была она. Благородная дева стояла по другую сторону животного, поглаживая его морду изящной рукой и что-то ему нащёптывая. Очевидно, конь Ульдиссиана был очарован ей – он стоял, не шелохнувшись. Старый мерин был сущим зверем, и только те, кого он знал, могли спокойно подходить к нему без страха быть укушенными. И то, что женщине удалось приблизиться к нему, говорило о многом.

Она тоже заметила его. Улыбка осветила её лицо. Ульдиссиану казалось, что её глаза светятся.

-Простите меня... Это ваш конь?

-Да, моя леди... И вам повезло, что у вас до сих пор две руки. Он любит кусаться.

Она снова погладила морду коня. Зверь продолжал стоять неподвижно.

-О, он не укусит меня,- Женщина наклонилась к морде.- Вы ведь не возражаете?

Ульдисиан рванулся было к ней, внезапно испугавшись, что она ошибается. Тем не менее, опять ничего не случилось.

-У меня когда-то был конь, очень похожий на него,- продолжала она.- Мне его так не хватает.

Вспомнив, где она находится, Ульдисиан сказал:

-Госпожа, вы не должны быть здесь. Вам следует оставаться с обозом,- иногда путешественники присоединялись к торговцам, чтобы воспользоваться защитой, которую предоставляла их охрана. Ульдисиан мог только предполагать, что в данном случае это было так, хотя до сих пор и не видел рядом с ней никакого сопровождения. Даже под защитой обоза молодой женщине путешествовать одной было очень рискованно.- Вы же не хотите отстать.

-Но я не с обозом,- прошептала благородная дева.- Я вообще никуда намерена уходить.

Он не мог поверить, что правильно расслышал.

-Моя леди, вы, должно быть, шутите! Для вас ничего нет в таком месте, как Серам...

-Для меня нет ничего ни в каком другом месте... Так почему бы не Серам?- уголки её рта дрогнули, она нерешительно улыбнулась.- И нет никакой нужды вам обращаться ко мне «моя леди» или «госпожа». Зовите меня Лилией.

Ульдисиан раскрыл рот, чтобы ответить, но в это время позади него открылась дверь, и раздался голос Серентии:

-А, вот ты где! Ты нашёл Тиэля?

-Нет, но всё уже на месте, Серри,- ответил он через плечо.

Конь внезапно фыркнул, затем метнулся от него. Схватив поводья, Ульдисиан напряг все силы, чтобы успокоить вздорное животное. Зрачки коня расширились, а ноздри вздулись, он казался напуганным. Это было странно, потому что он любил Серентию больше, чем Ульдисиана. Что до благородной девы, то...

Её нигде не было. Ульдисиан исподтишка огляделся вокруг, гадая, как ей удалось скрыться так быстро и беззвучно. Его взор охватил всю местность вокруг, но здесь стояло только несколько повозок и больше ничего не было. Фермер не мог сообразить, куда она пропала, если только она не забралась в одну из крытых повозок.

Серентия подошла к нему, слегка удивлённая его поведением.

-Что ты ищешь? Здесь что, чего-то не хватает?

Он пришёл в себя достаточно, чтобы ответить:

-Нет... Как я сказал, всё на месте.

Знакомая – и нежелательная – тень проскользнула через двери. Проповедник осмотрелся вокруг, словно он разыскивал что-то или кого-то конкретного.

-Да, брат Атилий?- спросил Серентия.

-Я ищу брата Калиджио. Он не здесь?

-Нет, брат, здесь только мы.

Брат Атилий посмотрел на Ульдисиана, но в его взгляде не было привычного религиозного пыла, который фермер привык наблюдать у людей подобного рода. Вместо этого во взгляде проповедника было что-то похожее... На подозрение?

Наклонив голову в сторону Серентии, Атилий удалился. Внимание дочери Сайруса вернулось к Ульдисиану.

-Уезжаешь так быстро? Я знаю, тебе неудобно, когда рядом брат Атилий и другие, но... Не мог бы ты остаться и побыть со мной подольше?

По непонятным ему самому причинам Ульдиссиану было не по себе.

-Нет... Нет, мне пора возвращаться. К слову о розыске, ты не видела Мендельна? Я думал, что он с твоим отцом.

-Ой, я же должна была сказать тебе! Совсем недавно приходил Ахилий. Он хотел что-то показать Мендельну, и они вдвоём отправились в западный лес.

Ульдиссиан хмыкнул. Мендельн обещал, что в нужное время поедет домой вместе с ним. Вообще его брат привык держать своё слово, но Ахилий, должно быть, наткнулся на что-то необычное. Величайшей слабостью Мендельна было его неуёмное любопытство, и охотнику, прежде чем подогреть его, следовало бы сначала подумать. Начав заниматься изучением чего-либо, младший сын Диомеда терял счёт времени.

Но, хотя Ульдиссиан не уехал бы без единственного оставшегося брата, он не желал находиться рядом с последователями Триединого.

-Я не могу оставаться. Я поведу повозку к лесу – глядишь, и встречу и их. Если я всё же пропущу их, и Мендельн вернётся сюда...

-Я скажу ему, где ты.- Серентия не пыталась скрыть своего разочарования.

Чувствуя себя неуютно по более благоразумной причине, фермер быстро – и чисто дружески – обнял её и взобрался на повозку. Дочь Сайруса отступила назад, когда он подстегнул коня.

Когда повозка двинулась, он оглянулся в её направлении и сила выражения, с которым он смотрел, заставил Серентию просить. Ульдиссиан не обратил на это никакого внимания, ибо его мысли витали не рядом с черноволосой дочерью торговца.

Нет, в его голове возникло лицо другой – той, чьи локоны были *золотыми*.

И чей род стоял много, много выше, чем род простого фермера.

Глава вторая

Мендельн хорошо понимал, что брат будет сердит на него, но любопытство на этот раз взяло над ним верх. К тому же Ахилий и вправду был сам виноват: ему следовало хорошенько подумать, прежде чем затевать это.

Между оставшимися в живых сыновьями Диомеда было добрых девять лет разницы, и этого было достаточно, чтобы порой воспринимать их не как двух братьев. Ульдиссиан зачастую вёл себя так, словно приходился дядей или даже отцом Мендельну. В самом деле, судя по тому, что Мендельн сам мог припомнить о своём отце, вкупе с тем, что о нём рассказывали Сайрус, Тибион и другие старейшины, Ульдиссиан походил на Диомеда как внешностью, так и поведением.

Мендельн чем-то походил на брата, но он был короче на полфута и, пусть и закалённый нуждами фермерской жизни, всё же был далеко не таким сильным. Лицо его было у же и более вытянутым – как ему говорили, в мать – а чёрные глаза сверкали, словно тёмные камни. Никто в деревне не мог сказать, откуда это, но Мендельн рано выяснил одно: его пристальный взгляд мог выбить из колеи любого за исключением его брата и того, с кем он находился сейчас.

-Ну, что скажешь? – прошептал Ахилий, держась позади.

Мендельн с трудом оторвал взор от чудесной находки охотника. Ахилий был крепко сложенным малым со светлыми волосами и ростом почти с Ульдиссиана. В отличие от Мендельна, одетого практически так же, как его брат, не считая более тёмного оттенка туники, одежда Ахилия являла смесь зелёного и коричневого и состояла из короткой куртки и штанов, которые позволяли ему слиться с теперешним окружением. Обут он был в кожаные ботинки, в которых он мог красться по лесу так же неслышно, как любой зверь. Его стройный стан подразумевал стремительность движений, но в то же время изобличал немалую силу. Брат Ульдиссиана как-то попытался натянуть большой лук, которым так гордился Ахилий, но его попытка не увенчалась успехом. Охотник с ястребиным взором превосходил умением не только жителей Серамы, но и – по крайней мере, по оценкам Мендельна – всех охотников за его пределами. Мендельну доводилось воочию наблюдать мастерство Ахилия, когда он одерживал верх над опытными стражниками из проходящих обозов. Они не превзошли его ни разу.

-Оно выглядит... Очень древним, – наконец сумел выговорить Мендельн. Он ощущал некоторое замешательство; даже Ахилий заметил *это*.

Но охотник кивнул так, словно внимал мудрецу. Хотя он и был больше чем на пять лет старше Мендельна, он обращался с младшим сыном Диомеда так, как будто Мендельн был средоточием всех знаний мира.

Это был один из немногих источников разногласий между Ахилием и Ульдиссианом, который видел мало проку в учениях его брата, просто стараясь их терпеть.

-Штука в том, что... – лучник пробежался рукой по волосам, густотой напоминавшим львиную гриву, – ...я был здесь много раз, но клянусь, этого никогда здесь не было!

Мендельн только кивнул, его внимание было вновь поглощено находкой товарища. Он мог только завидовать острому взору Ахилия, его же собственное зрение зачастую заставляло его ближе размещать пергамент, чтобы добыть из него столь драгоценные для него слова.

И конкретно в данный предмет ему пришлось всмотреться с особенно близкого расстояния, ибо символы, выгравированные на его лицевой стороне, были во многих местах почти полностью истёрты временем и непогодой. Некоторые из них невозможно было различить, даже упершись в камень кончиком носа. Было ясно, что объект перед ним долгое время подвергался воздействию погодных явлений, и, в то же время, как такое было возможно, если, по словам Ахилия, он появился совсем недавно?

Встав на колени перед ним, Мендельн оценил его размеры. Чуть больше длины стопы с каждой стороны квадратного основания и, если встать, на ширину ладони ниже колена. Ровный верх примерно в половину меньше ширины основания. Уже из-за одних размеров каменное изваяние было невозможно пропустить.

Мендельн потрогал землю перед ним.

-Не заметил в округе никаких изменений?

-Нет.

Мендельн чуть ли не с благоговением провёл пальцами по наиболее чётко различимым символам. Различимым лишь в том смысле, что он мог видеть их, но не понимать их значения. Один выступающий знак петлял внутри и вокруг себя, не имея конца. Когда Мендельн прикоснулся к нему, его охватило ощущение глубокой старины.

Он непроизвольно покачал головой. «*Не старины*, - подумал брат Ульдисиана, - *но вечности*».

Разум Мендельна остановился на этой мысли, никогда прежде ему не приходилось постигать ничего подобного. Вечность. Как такое может быть?

Камень был чёрным, но знаки блестели, словно серебряные. Это тоже восхитило его, так как было не похоже, чтобы их раскрашивали. Умение, с каким весь предмет был выточен, лишило бы дара речи ремесленника куда более искушённого, чем жившие в Сераме или даже во всём западном регионе.

Мендельн поздно спохватился, что Ахилий трясёт его за плечо.

-Что?

Лучник неловко склонился над ним, его лоб прорезали морщины беспокойства.

-Когда ты коснулся его, ты будто застыл! Ты не моргал, и, клянусь, ты даже не дышал!

-Я... Не заметил, - Мендельну не терпелось снова потрогать артефакт, чтобы проверить, произойдёт ли это снова. Но он подозревал, что Ахилию это не понравится. - Ты прикоснулся к нему раньше?

-Да, - признался охотник после видимого колебания.

-Но то же самое не случилось с тобой, не так ли?

-Нет. Нет. - Ахилий силился вспомнить.

-А что? Ты почувствовал что-нибудь?

-Я почувствовал... Я почувствовал пустоту, Мендельн. Это напомнило мне... О *смерти*.

Как охотнику, светловолосому мужчине приходилось иметь дело со смертью практически постоянно, в первую очередь, когда он убивал животных, но так же и тогда, когда ему случалось столкнуться с диким вепрем, котом или медведем и на время он сам становился добычей в глазах зверя. Но когда Ахилий заговорил о смерти теперь, в его словах послышался новый, куда более зловещий подтекст, который, странное дело, не пробудил в его товарище страха, а только разжёл его любопытство.

Как это – *о смерти*? - спросил Мендельн чуть ли не радостно. - Ты можешь описать подробнее? Было ли это...

Ахилий, лицо которого внезапно сделалось непроницаемым, прервал его взмахом руки.

-Это всё. Сразу после этого я пошёл за тобой.

Очевидно, за этим скрывалось гораздо большее, но брат Ульдисиана решил не давить. Возможно, со временем ему удастся выведать новые сведения. А сейчас он удовольствуется каменным артефактом. Мендельн взял небольшую сломанную ветвь и стал скрести землю у основания. Похоже, таинственная реликвия глубоко зарыта в землю, но насколько глубоко? Быть может, под землёй скрыта большая её часть? Вновь появилось искушение прикоснуться к ней, на этот раз схватив камень обеими руками, чтобы проверить, сможет ли он его хоть немного сдвинуть. Насколько удобней было бы отнести артефакт на ферму, чтобы изучать его там в свободное время.

И тут Мендельн вспомнил. «Ферма! Ульдисиан!»

Он вскочил на ноги, напугав обычно невозмутимого Ахилия. Похоже, обнаружение камня выбило лучника из колеи так, как с ним раньше не случалось. Ахилий был известен своим бесстрашием, но сейчас он впервые ожидал от Мендельна слов поддержки.

-Мне нужно вернуться, - объяснил тот охотнику. - Ульдисиан будет меня искать. - Мендельн не любил разочаровывать своего старшего брата, хотя тот никогда не подавал виду. Тем не менее, Мендельн никогда не забывал о тяжкой ноше, которая легла на плечи Ульдисиана в связи с болезнью и последовавшей смертью родных. Младший брат чувствовал себя обязанным ему по этой причине, не говоря уже о множестве более мелких.

-А что с *этим*? - буркнул Ахилий, указывая луком на камень. - Мы так и оставим его?

-Мы должны прикрыть его. Помоги мне,- ответил Мендельн после короткого раздумья.

Вдвоём они набрали опавших веток и покрытого листьями кустарника. Хотя они быстро скрыли артефакт от глаз, Мендельну казалось, будто камень по-прежнему стоит открытый всему миру. Мендельн подумал, не стоит ли прикрыть его ещё, но затем решил оставить так. При первой же возможности он вернётся сюда.

На обратном пути Мендельн с запозданием заметил резкие и странные перемены в погоде. До этого было светло и ясно, но теперь тучи начали собираться на западе, словно готовясь к большой буре. Также начал подниматься ветер.

-Это странно,- прошептал Ахилий, видимо, тоже только что впервые заметивший перемену.

-В самом деле.- Брат Ульдиссиана воспринимал погоду и ветер не с точки зрения охоты, как его товарищ, но с позиции движения потоков и тому подобных понятий. Мендельн всегда рассматривал жизнь на ферме, опираясь на них, и хотя Ульдиссиан, который знал только, как погода влияет на его животных и урожай, постоянно качал головой по этому поводу, он не мог отрицать, что периодически Мендельну приходили в голову идеи, которые немного облегчали их труд.

Тучи быстро сгущались. Мендельн больше не делал высказываний о странной погоде, но однажды, когда лучник оказался впереди, брат Ульдиссиана оглянулся назад в направлении камня.

Оглянулся... И погрузился в раздумья.

Ульдиссиан тоже заметил необычную перемену в погоде, но посчитал её одной из причуд природы, к которым фермер привык с малых лет. Он надеялся, что Мендельн скоро вернётся, куда бы Ахилий его ни завёл. Даже в этом случае было вероятно, что часть пути домой им придётся ехать под дождём. Внезапное скопление туч могло говорить о надвигающейся мощной буре, но Ульдиссиан надеялся, что она наберёт полную силу немного погодя. Если только они с Мендельном успеют миновать низко расположенную развилку, где дорогу часто заливают, то они сумеют благополучно проделать остальную часть пути.

Он сидел на повозке, держа поводья, и смотрел в том направлении, в каком, как указала ему Серентия, ушли двое. Конечно же, Мендельну и Ахилию хватит здравого смысла правильно отреагировать на то, что он сделал... Ну, Ахилию уж точно.

Пока он ждал, его мысли вернулись к лицу, заключённому в золото. Даже хотя Ульдиссиан виделся с ней два коротких раза, он знал, что не сможет скоро её позабыть. Дело было не только в её красоте, памятной самой по себе, но и в том, как она говорила и вела себя.

В благородной деве было что-то такое, что заставляло Ульдиссиана инстинктивно желать защищать её как никого другого, даже брата в то время, когда погибли их родные.

Лилия. Фермер снова и снова прогонял имя в своей голове, смакуя его почти музыкальную красоту.

В конце концов прогремевший гром вернул его к реальности. Вспомнив о Мендельне, Ульдиссиан встал, чтобы лучше видеть. Парочка уже точно должна была быть недалеко от Серама.

Что-то зелёное привлекло его внимание, но это был не тот зелёный, каким отличался лесной наряд охотника. Нет, это был изумрудный цвет, который мгновенно поглотил внимание Ульдиссиана, заставив его полностью забыть о его брате и друге.

Лилия медленно брела по направлению к лесу, оставляя позади безопасность деревни. По безразличию, написанному у неё на лице, было видно, что она, вероятно, даже не заметила возможной угрозы со стороны небес. В этом регионе бури бывали такой яростной силы, что без труда вырывали деревья с корнями.

Спрыгнув, Ульдиссиан подпёр повозку и направился к ней. Хотя фермер чуть ли не бежал к Лилии из чувства тревоги, трепетание переполняло его. Он не питал пустых надежд сойтись с женщиной столь благородной крови, но в то же время сердце его громко стучало при одной мысли, что он сможет снова с ней поговорить.

Ульдиссиан снова увидел её, когда ветер задул с удвоенной силой. Несмотря на ухудшающиеся погодные условия, Лилия всё ещё не замечала опасности. Её губы были плотно сжаты, а взгляд устремлён вниз, на землю.

Несмотря на быстрый шаг, Ульдиссиану удалось настигнуть её, только когда она уже подобралась к лесу. Громадный фермер хотел было схватить её за мягкую руку, но потом передумал. Он не собирался пугать её

больше, чем требовалось. Что бы ни было у неё на уме, сидело оно там прочно.

Не придумав ничего другого, Ульдиссиан кашлянул.

Лилия резко выпрямилась и оглянулась.

-О! Это вы!

-Простите меня, моя леди...

Застенчивая улыбка немедленно коснулась её губ.

-Я же сказала вам. Для вас я – Лилия. Кем я являлась когда-то, мне никогда не быть снова, - потом на её лице отразилось замешательство, и она спросила. - Но как мне следует звать вас, сударь фермер?

Тут он осознал, что сам так и не представился.

-Я Ульдиссиан, сын Диомеда, - громовой раскат напомнил ему об их теперешнем положении. - Моя... Лилия, вам не следует здесь находиться. Похоже, надвигается страшная буря! Лучше бы вам найти убежище, таверна бы сгодилась. Это одна из самых крепких построек в Сераме.

-Буря? - Она взглянула на небо и точно в первый раз заметила перемену. Тучи сгустились до такой степени, что стало темно, почти как ночью.

Он осмелился взять Лилию за запястье.

-Должна нагрянуть совсем скоро!

Но Лилия обратила взгляд в другом направлении... И короткий вздох вырвался у неё из груди.

Ульдиссиан тоже посмотрел туда, но ничего не увидел. Однако благородная дева стояла, замерев, будто то, что привлекло её внимание, обрubiло её чувства.

-Лилия... Лилия, что такое?

-Мне показалось, я увидела... Мне показалось... Но нет...

Даже стоя рядом с ней, фермер не видел причины её тревоги.

-Где это? Где вы увидели?

-Здесь! - она указала на особенно густые заросли. - Я... Думаю...

У него было искушение забрать её в Серам и вернуться после бури, но сила её реакции заставила его забеспокоиться. Внезапно на ум пришёл Мендельн. Мендельн, которого всё ещё не было.

-Стойте здесь. - Ульдиссиан пошёл вперёд, доставая нож.

Заросли сгустились, временами трава была по пояс. Как Лилия могла разглядеть здесь хоть что-нибудь, было ему неизвестно, но он сомневался, что это были дикие гуси.

Когда Ульдиссиан приблизился к отмеченной области, волосы поднялись у него на затылке. Ужас обуял его и чуть не заставил стойкого фермера вернуться назад.

Слабый, но тошнотворный запах коснулся его носа. Он освежил в памяти воспоминания об эпидемии, о его семье.

Ульдиссиану не хотелось этого делать, но он сделал ещё один шаг.

То, что он увидел перед собой, заставило фермера припасть на одно колено. Лишь это он и мог сделать, чтобы удержать свой обед в желудке. Нож выпал из его руки – он совсем забыл про него перед лицом приводящего в ужас открытия.

То, что когда-то было человеком – по крайней мере, так решил Ульдиссиан, судя по размерам, – лежало распротёртым на земле у стволов первых деревьев. Весь его торс был порезан на куски, примерно так делал фермер, когда забивал корову. Кровь окропила всё вокруг и местами превратила грязь в алую слякоть. Часть желудка жертвы была извлечена из разреза, и мухи уже собирались над жутким источающим зловоние щедрым подарком.

Словно порезать тело было недостаточно, сбоку на горле проходил разрез, в который можно было просунуть кулак. Лицо было покрыто кровью из ран, листья и прочий сор служили как бы отделкой для причудливого яморочного экспоната. После длительного изучения Ульдиссиан наконец определил, что не знает человека, который был примерно его возраста и чьи чёрные волосы были теперь в запёкшейся крови.

Определить личность несчастного сыну Диомеда помогла искромсанная одежда. Одного цвета мантии уже было достаточно, а символ ордена проповедника не оставлял и тени сомнений.

Ульдиссиан нашёл брата Калиджио, пропавшего прислужника Триединого.

Вздых позади напугал его. Повернувшись, он увидел Лилию, которая с широко открытыми глазами смотрела на страшное зрелище.

Внезапно она побледнела. Её глаза закатились, оставляя видимыми только белки... А потом она начала падать.

Вскочив на ноги, Ульдиссиан сумел поймать её, прежде чем она успела упасть на землю. Он держал её безжизненное тело, раздумывая, что делать. Нужно рассказать кому-то об убийстве, например капитану Тиберию, начальнику стражи Серама. Дорий, глава деревни, тоже должен знать.

Благородная дева застонала у него на руках. Ульдиссиан решил, что прежде всего он должен позаботиться о Лилии.

К счастью, громадному фермеру не составило усилий нести её. Ульдиссиан шёл так быстро, как было возможно без угрозы для его драгоценной ноши. Он должен был всё время смотреть на землю: боялся, что один неосторожный шаг приведёт к тому, что рухнут они оба.

С огромным облегчением Ульдиссиан достиг края деревни. Небо продолжало гроыхать, но буря задерживалась.

-Ульдиссиан!

Он запнулся при звуке своего имени, чуть не выронив Лилию. Убедившись, что ему удалось сохранить равновесие, он повернулся на зов.

Волна страха сошла с Ульдиссиана, когда Мендельн и Ахилий торопливо приблизились к нему. Было ясно, что они сами только что прибыли. Мендельн немного запыхался, а лицо Ахилия было бледным, отражая, показалось старшему сыну Диомеда, его собственное выражение... Хотя Ахилий ещё и не мог знать о скверной находке.

Когда пара подошла к нему, он не мешкая прорычал:

-В лесу за моей спиной лежит тело! Там, где лес начинает сгущаться.

Глядя на ношу фермера, охотник пробормотал:

-Несчастный случай?

-Нет.

Ахилий мрачно кивнул. Он достал стрелу из колчана, приложил её к тетиве лука и без колебаний пошёл в направлении, которое указал Ульдиссиан.

-А с ней что?- спросил Мендельн.- Кто она? С ней что-нибудь случилось?

-Она потеряла сознание,- Ульдиссиан был необычайно обеспокоен. Он всё ещё надеялся, что Лилия очнётся, но она продолжала лежать безвольным грузом в его руках.- Она тоже увидела тело.

-Стоит ли нам отнести её к Йорилии?- Йорилия была почтенным лекарем Серама, некоторые считали её наполовину ведьмой, но её уважали за мастерство. Именно она дала братьям травяные настойки, которые, по крайней мере, облегчили агонию заболевших членов их семьи. Она сделала для Ульдиссиана и Мендельна гораздо больше, чем все молитвы вместе взятые.

Ульдиссиан покачал головой.

-Ей просто нужен покой. Должно быть, она занимает комнату в «Кабаньей голове»,- он колебался.- Но мы не можем пронести её так через парадный вход.

-Там есть чёрный ход рядом с лестницей на верхние комнаты,- сказал Мендельн с гораздо большим хладнокровием, чем сумело бы сохранить большинство людей в подобной ситуации.- Ты можешь пронести её

там, а я пока схожу и тихо переговорю с Тибионом, чтобы узнать, какую комнату она занимает.

Предложение брата было разумным. Ульдисиан выдохнул с облегчением.

-Так и поступим.

Мендельн некоторое время изучал его, возможно, заглядывая глубже в душу Ульдисиана, чем тому хотелось. Насколько понимал младший сын Диомеда, Лилия была прекрасной незнакомкой, но она не была с Ульдисианом.

Не пускаясь в объяснения, Ульдисиан заторопился вперёд. Спустя секунду Мендельн присоединился к нему. Они больше не говорили, сосредоточившись на деле.

Вследствие резкой смены погоды они никого не повстречали на пути. Это одновременно порадовало и раздосадовало Ульдисиана: он хотел, чтобы Лилия без проблем оказалась в своей комнате, но и хотел, чтобы кто-нибудь из представителей власти узнал об отвратительном убийстве проповедника. В конце концов, он удовлетворился тем, что Ахилий наверняка уведомит стражу или главу деревни.

Дойдя до «Кабаньей головы», они разминулись. Ульдисиан обошёл таверну кругом и нашёл заднюю дверь. Не без усердия ему удалось пронести благородную деву внутрь, ни разу не выпуская её из рук.

Внутри он не стал терять времени и сразу начал взбираться наверх по деревянной лестнице. К счастью, глаза посетителей таверны были в это время устремлены на его брата, который рассчитал время, чтобы войти одновременно с ним. Быстро поднимаясь, Ульдисиан слышал, как Мендельн приветствует пару сидевших внизу людей, немного перекрывая остальные голоса в таверне.

Наверху ему ничего не оставалось, кроме как ждать. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем его младший брат наконец присоединился к нему.

-Она не занимала комнаты,- объяснил Мендельн.- Так что мне пришлось самому заказать одну, за наш счёт. Я правильно сделал?

Ульдисиан кивнул. Он взглянул на пять дверей.

-Какая?

-Вот эта,- ответил его брат, указывая на одинокую дверь, отдалённую от остальных,- Здесь спокойнее.

С видом мрачного одобрения Ульдисиан указал Мендельну, чтобы тот открыл ему дверь. Комната была скромно обставлена – это был Серам. Здесь не было никакой другой мебели кроме кровати с опорной рамой со стёганным ватным одеялом на ней, стола и стула возле единственного окна. На стене висели крюки для верхней одежды, немного места было отведено для сумки или дорожного сундука.

Мендельн указал на последнее, прежде чем Ульдисиан успел вставить слово:

-Она, должно быть, путешествует с обозом. Может, мне пойти к Серентии и уладить это?

Хотя Ульдисиану не хотелось вовлекать в это дочь Сайруса, выбора у него не было:

-Действуй.

Мендельн остановился в дверях. Встретившись взглядом с братом, он спросил:

-Откуда ты знаешь эту женщину?

-Случайная встреча,- только и вымолвил Ульдисиан в ответ. Спустя секунду Мендельн наконец кивнул и покинул комнату.

Осторожно положив благородную деву на кровать, фермер задержался, чтобы посмотреть на неё. И вновь он был поражён совершенством её лица, и вновь гадал, что могло заставить её путешествовать по миру в одиночку. Без сомнения, Лилия могла выйти за одного из многих знатных господ. Быть может, кровные узы связывали её с одним из потерпевших поражение магических кланов? Это бы всё объяснило...

Пока он размышлял об этом, её глаза распахнулись. Тяжело дыша, Лилия приняла сидячее положение.

-Что... Что произошло?

-Вы помните, что было в лесу?

Поддавив очередной тяжёлый вздох, она приложила руку к губам.

-Так это всё... Была правда? То, что я... Видела?

Ульдиссиан кивнул.

-И вы... Принесли меня сюда... Где это мы?

-«Кабанья голова». Это единственный постоянный двор в Сераме, гос... Лилия. Мы подумали, что у вас здесь есть комната.

-Но у меня нет.

Он пожал плечами.

-Мой брат позаботился об этом, а потом мы принесли вас сюда. После этого Мендельн пошёл к обозу за вашими вещами.

Она долго смотрела на него испытующим взглядом.

-Мендельн и ваш брат... насколько я понимаю, это один и тот же человек?

-Да.

Благородная дева кивнула сама себе, потом спросила:

-А... А тело?

-Этим занимается мой друг. Ему можно доверять в таких делах. Ахилий уведомит стражу, потом нашего главу.

Лилия подобрала колени к подбородку, затем обняла ноги. Это сильно смяло её элегантное платье, но, похоже, её это не заботило.

-Был ли... Был ли человек, которого мы нашли, тоже вашим другом?

-Он? - Ульдиссиан покачал головой. - Треклятый проповедник... Из Храма Триединого. Его напарники искали его, - подумав, он добавил. - Они прибыли вместе с обозом. А вы...

-Да, я видела их, но никогда не говорила с ними. Я мало доверяю их учениям... Как, впрочем, и учению Собора.

От этого признания, столь созвучного с мыслями Ульдиссиана об обеих сектах, у него почему-то отлегло от сердца. Но фермер быстро одёрнул себя. Отвергал Ульдиссиан или нет его воззвания, ни один человек не заслужил такого чудовищного конца.

Думая об этом, Ульдиссиан понял, что должен идти и проследить, как развиваются события. Он первым наткнулся на мёртвого проповедника, и это обязывало его рассказать представителям власти в деревне всё, что он знал.

Его бровь изогнулась, когда он подумал о благородной деве. Ему следует стараться говорить о Лилии как можно меньше. Она и так пережила слишком многое.

-Я хочу, чтобы вы оставались здесь, - приказал он, внутренне дивясь тому, что должен так говорить с высокородной госпожой. - Оставайтесь здесь и отдохните. Я должен увидеть тех, кто позаботится о теле. Вам не нужно приходить.

-Но мне следует быть там... Разве нет?

-Только если потребуется. В конце концов, вы видели то же, что и я. И вы тоже его не знаете.

Она больше ничего не сказала, но у Ульдиссиана сложилось стойкое впечатление, что Лилия знает о том, что он рискует своей репутацией, защищая её. Она вновь улеглась на кровати.

-Хорошо. Если вы этого хотите. Я подожду вас.

-Хорошо, - и он пошёл к двери, формулируя своё объяснение.

-Ульдиссиан?

Он посмотрел на неё.

-Спасибо.

Фермер вышел с пылающим лицом. Несмотря на крупное сложение, он спустился по ступеням неслышно. Внизу он осмотрелся. Все вели себя так, будто ничего не произошло – значит, новости о трупке ещё не просочились внутрь. За такую осмотрительность стоило благодарить Ахилия. Совсем скоро Серам ждёт потрясение: в последний раз здесь произошло убийство более четырёх лет назад, когда в пьяной ссоре по поводу прав на ферму старый Ароний убил своего пасынка, Геммеля. Мгновенно отрезвевший Ароний признал свою вину, и фургон повёз его в большой город, чтобы там он ответил за своё деяние.

Но резня, исход которой видел Ульдиссиан, не была вызвана крепким напитком. Это больше походило на работу сумасшедшего или зверя. Определённо, не кого-нибудь из местных, скорее какого-нибудь разбойника, проходящего мимо.

Всё более убеждаясь в этом, Ульдиссиан дал себе слово поделиться размышлениями, когда будет говорить с главой или начальником стражи. Жители Серама охотно согласятся прочесать местность, чтобы найти ублюдка. На этот раз с делом справятся на месте: крепкая, надёжная верёвка – и делу конец. Ничего другого злодей не заслуживал.

Он открыл дверь и выскользнул...

-Вот он! Вот человек, о котором я говорю!

Ульдиссиан отступил к дверному проёму, застигнутый врасплох. Перед ним стоял Тиберий – мускулистый человек, с которым фермеру довелось бороться на последнем фестивале и *проиграть* больше раз, нежели выиграть, – и седовласый, похожий на лиса Дорий, который смотрел на него так, будто никогда не видел прежде. За ними стояло больше дюжины человек, по большей части стражники, но также и Ахилий... И оба прислужника Храма. Тот из них, что был старше, и говорил сейчас, обвинительно указывая на ошеломлённого фермера.

Оправившись, он посмотрел на охотника.

-Ты всё рассказал им?

Прежде чем Ахилий ответил, вмешался Дорий:

-Не говори с ним, охотник. Пока нельзя. Нельзя до тех пор, пока не станут известны все факты.

-Факты уже *известны*!- провозгласил агент Триединого. Его напарница всё время кивала головой, когда он говорил. - Это *твоих* рук дело! Тебя выдали твои собственные слова! Признайся ради спасения своей души!

Ульдиссиан старался сдерживать свою неприязнь к прислужнику, чтобы она не превзошла голос разума. Если он правильно понял, его обвиняют в том самом преступлении, о котором он намеревался сообщить.

-Я? Вы думаете, я это сделал? Во имя неба, я должен отвести вас туда и...

-Ульдиссиан...- пробормотал Ахилий с беспокойством.

К сыну Диомеда вернулось самообладание. Он сказал, обращаясь к охотнику:

-Ахилий! Я сказал тебе, где найти тело! Ты видел моё выражение и...- он запнулся, не желая упоминать Лилию, - и ты знаешь меня! Дорий! Ты был другом моего отца! Я клянусь его могилкой, что не я злодей, который так зверски убил приятеля этих бормочущих дураков!

Он хотел продолжить, но глава деревни взмахом руки остановил его. С суровым выражением Дорий ответил:

-Ульдиссиан, сейчас мы говорим не о нём. Нет, мы говорим о другом... Хотя очень даже вероятно, что начать придётся именно с этого, поскольку я не верю в совпадения.

-О другом? О каком ещё другом?

Капитан Тиберий щёлкнул пальцами. В этот же миг полдюжины человек – полдюжины человек, которых Ульдиссиан знал с детства – окружили фермера.

Ахилий попытался вмешаться:

-Дорий, неужели это необходимо? Это же Ульдиссиан.

-Твоё слово чтут, молодой Ахилий, но это наш долг. - Глава деревни кивнул окружённому человеку. - Ульдиссиан, я уверен, что всё уладится. Просто позволь нам поступать так, как того требуют обстоятельства.

-Но за что?

-За возможное убийство человека, - рявкнул капитан Тиберий, рука которого лежала на мече, подвешенном к поясу. Ульдиссиан всего несколько раз видел начальника стражи носящим оружие, и во все разы за исключением одного он делал это в честь вышеупомянутых фестивалей и других особых случаев.

Единственным исключением был случай с убийством Геммеля.

-Но я же сказал, что *не убивал* его напарника! - прорычал фермер, качая головой.

-Мы говорим не о нём, - заявил Дорий. - Но об одном из подобных ему, что только ухудшает положение, молодой Ульдиссиан. Убитым был найден один из агитаторов Собора Света...

-Один из... - Ульдиссиан умолк, его мысли пришли в полное расстройство. - *Но я же говорил с этим человеком совсем недавно! Меньше часа назад, может, меньше половины!*

Говорил с человеком... И угрожал ему при этом на глазах у нескольких свидетелей.

-Ага, ты вспомнил его, хорошо. Да, молодой Ульдиссиан, уважаемый агент Собора был найден с перерезанным горлом... И это твой *нож* торчал из раны!

Глава третья

Ульдиссиан никогда не задумывался над тем, как выглядит здание стражи изнутри. Фермер то и дело проходил мимо него, но, поскольку его никогда не арестовывали за хождение в пьяном виде или драку, у него не было никаких причин заходить внутрь.

Но сейчас он сидел в одной из камер в задних казармах. Чтобы добраться досюда, посетители – как и заключённые – должны были пройти во внутреннюю деревянную дверь и миновать короткий коридор. Ульдиссиан, которого поместили в первую камеру, чувствовал себя полностью отрезанным от мира. Обветшавшая деревянная лавка служила одновременно стулом, столом и кроватью. Ульдиссиан жил здесь уже четыре дня, два из которых его ферма оставалась без присмотра. Нужно было полоть и поливать посаженные растения, ухаживать за животными. Мендельн пообещал, что присмотрит за всем, но Ульдиссиан боялся, что тот сам не справится, тем более когда покоя не даёт тревога за старшего брата. Больше того, хотя начавшаяся была буря, по иронии, бушевала несильно и быстро стихла, с тех пор над Серамом продолжали висеть тучи, и Ульдиссиан боялся, что новая буря – возможно, более мощная – может последовать за первой. В первый раз ферме повезло, но второй натиск может её полностью погубить и разрушить.

Он знал, что менее всего ему сейчас следует волноваться о ферме. Случай с убийствами вылился в гораздо худшее, чем Ульдиссиан мог себе представить. Обе жертвы были членами главенствующих сект, и Дорий посчитал своим долгом отослать известие в Тулисам, где у Собора и Храма были свои пункты. В записках он просил прислать представителей одной и другой организации, чтобы они проследили за ходом дела. Два выживших проповедника отбыли вместе с посланиями, наверное, чтобы дать свидетельские показания своим непосредственным начальникам. И, хотя глава деревни продолжал уверять Ульдиссиана, что всё будет хорошо, он настоял на том, чтобы капитан Тиберий держал в этом время под замком сына Диомеда, чтобы никто не подумал, будто бы в Сераме поступают несправедливо по отношению к жертвам.

Ульдиссиан по-прежнему был поражён тем, что случилось со вторым проповедником. Как позднее рассказал ему начальник стражи, агент Собора был найден лежащим на спине с выражением, по словам Тиберия, «беспримесного» страха на лице, и нож фермера – на деревянной рукоятке которого Ульдиссиан поставил свою метку – был вонзён глубоко в грудь.

По сравнению с телом, которое обнаружил он, второй труп был едва тронут. От этого, тем не менее, преступление не становилось менее ужасающим. По сути, такого большого несчастья в Сераме не случалось со времени, когда пронеслась эпидемия... Та самая эпидемия, которая забрала родных Ульдиссиана.

Серентия навещала его каждый день, принося обнадеживающие вести от тех, кто не мог прийти. Все, кто знал его, пришли к выводу, что Ульдиссиан совершенно невиновен. Ахилий уже подбил глаз одному человеку, который засомневался в этом.

Сидя со спрятанным в ладонях лицом, Ульдиссиан думал не о себе – о Лилии. Она не пришла к нему ни разу с момента его заключения, да он и не ждал, что это случится. В самом деле, фермер даже надеялся, что она будет продолжать оставаться в стороне, а то как бы она сама не оказалась втянута во всё это безумие. Скоро, обещал он себе, совсем скоро его выпустят, и тогда они смогут встретиться вновь.

Если она всё ещё будет в Сераме...

Опасение, что он никогда уже больше не увидит благородной девы, ещё больше усилило и без того немалое беспокойство Ульдиссиана. Казалось, вся его жизнь превратилась в какой-то кошмар. Так не было, даже когда погибла его семья, но теперь эти воспоминания прибавились к общему страшному грузу, лёгшему на его отягощённые плечи.

Стены его маленькой клетушки, казалось, сомкнулись над ним. Ульдиссиан родился и вырос на ферме. Он никогда не знал ничего кроме свободы. Когда погибла его мать, Ульдиссиан убежал в поля и там выплеснул свою боль, зная, что никто не сможет его услышать, кроме брата.

«Я должен выбраться... Я должен выбраться...». Слова вновь и вновь проносились в голове, становясь всё значительнее с каждым повторением. Ульдиссиан смотрел туманным взором на дверь в его камеру и не мог смириться с прутьями и замком. Это животных запирают в загоне, не его. Не...

Послышался лёгкий скрип и щелчок.

Дверь камеры отъехала назад с металлическим визгом.

Ульдисиан бросился к задней стене, когда это произошло. С крайним изумлением он наблюдал, как дверь полностью открывается и ударяется снаружи о решётку.

Вход в камеру был открыт, но фермер стоял, не шелохнувшись. Он понятия не имел, что только что произошло, и, несмотря на его горячее желание выйти из этого места, свободный дверной проём нисколько его не соблазнял.

В это время открылась деревянная дверь в конце коридора. Тиберий с двумя стражниками шли к камерам.

Увидев камеру Ульдисиана, командир замер на месте.

-Что за...

Придя в себя, он щёлкнул пальцами, и двое стражников запрыгнули в камеру, чтобы удержать заключённого. Когда они отрезали ему выход, Тиберий исследовал дверь.

-Ни царапинки, в полной целости,- объявил он.- Общайте его, чем-то он должен был её открыть.

Стражники обыскали Ульдисиана, но, как и следовало ожидать, ничего не нашли.

Тиберий подошёл к узнику. Дав знак стражникам отступить назад, он наклонился ближе и прошептал:

-Мне даже больше твоего не по себе, что ты здесь, Ульдисиан. Можешь мне не верить, старый друг, но я не думаю, что ты виновен в смерти этих двух больше, чем я.

-Тогда почему...

-Может, это и всего-навсего Серам, но я управляю здешней стражей не хуже, чем в самом Кеджане! Мой отец служил здесь три года и наладил здесь всё! Я не оскверню память о нём, не выполнив свой долг. Мы здесь соблюдаем закон, как бы это ни выглядело со стороны.

Ульдисиан понимал позицию Тиберия, но ему от этого было не легче.

-Я просто хочу, чтобы это закончилось! Я ничего не сделал!

-И это будет доказано. Вот увидишь,- командир указал на дверь.- Но это только усугубляет положение.

-Я не делал этого! Она сама открылась.

Тиберий выглядел разочарованным.

-Ульдисиан, от тебя я ожидал лучшего. С дверью всё в порядке. Я проверил.

-Клянусь моим отцом!

Всё больше хмурясь, командир хмыкнул и развернулся. Он вышел из камеры, стражники последовали за ним. Один из них закрыл дверь и проверил, что она не открывается.

-Заперто прочно,- доложил он своему командиру. Тем не менее, Тиберий сам её проверил, схватив обеими руками и всем весом рванув назад. Вся стена камеры затрещала, но осталась на месте.

Капитан Тиберий оставил её. Несмотря на демонстрацию, он облокотился на прутья решётки и сказал фермеру:

-Больше этого не делай. А не то я могу вынести приказ, который я не хотел бы видеть исполненным. Ульдисиан, просто потерпи.

Испытывающий тревогу и совершенно сбитый с толку узник смог только кивнуть. Удовлетворённый, командир отпустил своих людей.

Один из стражников скоро вернулся с миской тушёного мяса. Он ещё раз проверил дверь, а затем, кивнув, просунул обед фермера внутрь.

Пока Ульдисиан ел, он вновь раздумывал над тем, почему дело так затянулось. Он был совершенно невиновен. Ещё он гадал, как настоящий убийца смог перемещаться так быстро. Между первой ужасной находкой и моментом, когда был убит проповедник Собора, был совсем короткий промежуток времени. Злодей должен был чуть ли не лететь от одного к другому, когда у него оказался нож фермера. Ульдисиан исключал возможность того, что сумасшедшим был Ахилий: охотник был хорошим человеком и настоящим другом... А ещё во время

происшествия он всё время был с Мендельном.

Тогда... Кто?

В коридоре слышались шаги, но шаги гораздо более лёгкие, более деликатные, чем топот сапог Тиберия и его людей. Ульдисиан поднял голову... И увидел Лилию.

-Я должна была увидеть вас,- прошептала она с нерешительной улыбкой. Очевидно, она боялась, что он разозлится на неё за непослушание.

Но в данном случае Ульдисиан просто не мог злиться на неё. Она и так ждала долго. Он был благодарен уже за то, что благородная дева не уехала из Серама, предоставив его своей собственной участи.

И всё же вместо приветствия он сказал:

-Вам не следует быть здесь.

-Я больше не могла оставаться в своей комнате. Это неправильно! Снова происходит то же самое!

-О чём это вы?

Она облокотилась о прутья решётки. Ульдисиан поставил миску на пол и подошёл к ней. У него было огромное желание схватить её в своих объятьях и утешить. Ему казалось, что это она была в опасности, а не он.

-Вы были добры к незнакомому человеку,- прошептала она, её руки потянулись сквозь решётку к его рукам.- К человеку, которому некуда идти. И знаете, почему?- Лилия посмотрела вниз.- Из-за игры, которую затеяли между собой Собор и Храм!

-Из-за чего?

Она подняла глаза, и он восхитился красотой её взора. Ему хотелось утонуть в этих глазах.

-Игры. Для них всё это игра, а победителем станет тот, кто выживет. Они не позволяют никому и ничему встать у них на пути, больше всего они ненавидят инакомыслящих.

Ульдисиану не нравилось, куда ведёт разговор.

-Что... К чему вы это всё, Лилия?

Она оглянулась на дверь, ведущую к камерам, затем, снова шёпотом, ответила:

-Такое уже случалось прежде. С моей семьёй было так. У нас были деньги и влияние – то, чего те и другие так желали. Но мы публично их отвергли... А потом всё перевернулось вверх ногами. Был сожжён небольшой храм, многие верующие страшно пострадали. Огонь распространился на другие здания. Позднее каким-то образом выяснилось, что поджог был устроен и что это моя семья замешана в этом.

Он смотрел на неё с изумлением.

-Всё это ложь!- быстро прибавила она, очевидно, решив, будто он считает её семью виновной. Но Ульдисиану никогда бы не пришло в голову подозревать Лилию в таком злодеянии... Ни её, ни её родных.

-Я верю вам,- вставил он поспешно.- Я верю вам. Продолжайте.

-Мы отвергли всех их, но находились другие, более могущественные, чем мы, которые принимали ту или иную сторону. Нашу вину не могли доказать, тем не менее, у нас отняли всё. Моих родителей увезли, и мы их никогда больше не видели! Моего брата отправили в темницу, а сестру заставили выйти замуж за одного из самых ярых поборников Собора! Мне была уготована похожая участь, но я взяла все деньги, какие могла, и убежала из города...

-И так вы оказались в Сераме?

-Не сразу... И уж точно не в сопровождении служителей того зла, от которого я пыталась сбежать!- она прикусила губу.- Я рассказала вам так много... Теперь я боюсь, что вы можете подумать, будто бы я стою за тем, что случилось с этими двумя!

Ульдисиан тут же покачал головой:

-Такое вряд ли возможно! Это сделал кто-то гораздо более сильный и уж конечно более жестокий, чем вы вообще

можете быть! Им гораздо проще подозревать *меня!*- но тень пробежала по его лицу.- И всё же не говорите этого никому! Они могут подумать, что я действовал по вашему указанию!

Осознав это, она приложила ладонь ко рту:

-Я не думала, что...

-Не важно. Вам лучше всего уйти и не возвращаться. Всё будет хорошо...

-Нет, не будет! Я слышала на постоялом дворе! Инквизиторы Собора Света придут завтра утром, и кто-то намекал, что надзиратели мира из Храма вскоре последуют за ними! Повторяется та же история, что и со мной!

Это новость потрясла его. Ему ничего не говорили о том, что инквизиторы и надзиратели мира едут в Серам. Руки правосудия своих сект, две эти группы действовали одновременно как стражи и судьи. Да, были убиты их собратья, но Ульдисиан не думал, что потребуется вмешательство тех или иных.

На некоторое время фермер замолчал, обдумывая услышанное. Тишину прервала благородная дева:

-Мы совершим ошибку, если позволим действовать им первыми, Ульдисиан! Ты не можешь этого допустить! Они всё представят в другом свете, так что, пусть ты даже не виновен, твоя вина будет очевидна каждому! Ты должен подняться против них! Выказать непокорность, какую ты всегда выказывал! Твои друзья вступятся за тебя, я уверена! И тогда ни Собор, ни Храм не смогут использовать твою ненависть против тебя самого!

Я... он был согласен не со всем, но его доводы не могли противостоять красоте этих глаз. В конце концов, он решил, что Лилия права; Ульдисиан должен извлечь урок из истории её семьи, чтобы спасти себя... И её вместе с ним.

-Ты должен сделать это...- выдохнула она.- Пожалуйста... Ради нас.

Вдруг ни с того ни с сего благородная дева наклонила своё лицо к прутьям и поцеловала его. И пока фермер стоял в полном ошеломлении, она побежала с пылающим лицом из помещения.

Ульдисиан смотрел, как она убегает. В тот же миг он вспомнил о двери. Как и стражник, фермер проверил её. Дверь оставалась надёжно запертой.

Для Ульдисиана этот визит определил всё. Лилия была совершенно права. Ему нужно постоять за себя. Инквизиторы – да и надзиратели мира, если они тоже на пути сюда, – едут, чтобы обвинять, а не оправдывать.

Ему нужно приложить все силы, чтобы оставить их ни с чем.

Серентия отступила, чтобы её не было видно со стороны казарм, пока не уйдёт Лилия. У неё не было на то причин за исключением, как она осознала, зависти, что та, по всей видимости, так быстро смогла увлечь Ульдисиана. Ей одним своим видом удалось достичь того, чего Серентия надеялась добиться на протяжении долгих лет. Даже в молодые годы она восхищалась стойкостью Ульдисиана, его внутренней силой и особенно тем, как он сумел перенести ужасную смерть своих родных.

Лилия ушла в направлении «Кабаньей головы». Дочь Сайруса подождала ещё немного, а потом вышла из-за угла кузницы... И столкнулась с Ахилием.

-Серри!- выпалил он.- Где ты...

-Прошу прощения!- Серентия почувствовала, что краснеет. Так же, как она всю свою жизнь бегала за Ульдисианом, Ахилий действовал по отношению к ней. Не сказать, чтобы это было ей нелестно, потому что он был красив и уважаем и обходился с ней так, как нравится женщинам. Здравый смысл твердил, что дочь торговца должна с радостью принять его ухаживания, но, хотя Серентия всегда была рада охотнику, она не могла расстаться с мечтой однажды завоевать любовь Ульдисиана.

Так, конечно, было до того, как появилась Лилия.

-Я искал Мендельна,- наконец смог выговорить Ахилий, тоже краснея.- Но это приятная встреча!

Его радостный тон казался ей неуместным сейчас, когда Ульдисиан был взят под стражу за то, чего не совершал и в чём никогда не признается. Должно быть, её недовольство его весёлостью не ускользнуло от Ахилия, потому что он тут же посерьёзней.

-Прости меня! Я не хотел показаться легкомысленным! Ты шла к Ульдиссиану?

-Да, но я не хотела беспокоить его. У него был другой посетитель.

-Вот как? - бровь охотника изогнулась. - А! Прекрасная Лилия...

Серентии стало ещё хуже от того, что Ахилий выбрал такие слова. Да, благородная дева была красива, но дочь Сайруса знала, что тоже может привлечь внимание мужчин... За исключением одного, которого она действительно желала.

-Она только что ушла. Я думаю, она пошла назад к гостинице.

Ахилий почесал подбородок:

-Интересно, как Ульдиссиан на это отреагировал. Он говорил, будто хочет, чтобы она держалась подальше, а не то как бы её саму не втянуло в эту ситуацию больше, чем требуется.

У Серентии зародился проблеск надежды, что Лилия разозлила Ульдиссиана своим приходом, но надежда тут же погасла. Как и большинство мужчин, он, конечно же, простил её, как только она подарила ему взгляд или улыбку.

Она вспомнила, зачем здесь Ахилий:

-Я не видела Мендельна. Вообще-то я не видела его уже два дня. Он хоть приходил к брату?

-Насколько я знаю, его не было целых три дня,- ответил лучник, теперь всерьёз возмущённый.- И когда я подъехал к ферме, я нашёл там молодого Жустивио – второго сына Маркуса аль-Амфеда, – который работал там по хозяйству. Он сказал, что Мендельн заплатил ему за работу, но не сказал, куда он собирается.

Серентия ещё могла понять, почему Мендельн мог оставить ферму, передав её в руки кого-нибудь более сведущего в вопросах сельского хозяйства, но то, что он сразу после этого не поехал к брату и не остался у него, не укладывалось у неё в голове. Мендельн был очень предан Ульдиссиану, и, когда он слышал новости о своём брате, то принялся защищать его с таким рвением, какого не ожидали от учёного малого.

-Я волнуюсь за него, Серри,- продолжал Ахилий.- Не думаю, что он может представить себе этот мир без Ульдиссиана,- я это не к тому, что его могут осудить за эти кошмарные преступления! Нет, я говорю сейчас только о Мендельне. Он сам не свой с того момента, как мы... С того дня.

Дочери Сайруса показалось, что Ахилий подразумевает не убийства, но ничего сравнимого с этим просто не могло прийти ей в голову.

-Возможно, он сейчас с отцом,- в конце концов предположила Серентия.- Я не была дома с утра.

-Может быть... Я вот думаю...- охотник перевёл взгляд, словно что-то ещё пришло ему на ум. Покачивая головой, он добавил.- Иди к Ульдиссиану, Серри, как и собиралась. Я скоро найду Мендельна, я в этом уверен. Ты только не...

Он закрыл рот и теперь во все глаза, в которых читалась тревога, смотрел на что-то позади собеседницы. Боясь, что она уже знает, что найдёт там, черноволосая девушка оглянулась.

Группа всадников только что достигла края деревни. Они ехали медленно и уверенно, словно осматривали собственные владения. Ошибки быть не могло, уже одни блистающие серебристые мантии и нагрудники выдавали их, не говоря уже о серебристых лучах по центру нагрудников: это были инквизиторы Собора Света. Круглые шлемы, украшенные гребнями, покрывали головы всех за исключением переднего всадника, чья седая грива была окаймлена золотым капюшоном. Позади него струилась остальная часть передвигающегося плаща, подол которого почти полностью закрывал обзор скакавшей сзади лошади. Священнослужитель был гладко выбрит, как и все, кто служил непосредственно под началом Пророка. Это делалось не просто так, но с определённым умыслом. Всё-таки, сам Пророк не носил бороды... И, если верить слухам, на вид годился во внуки этому служителю, несмотря на то, что был гораздо старше.

Группа состояла по меньшей мере из дюжины человек – количество, испугавшее обоих наблюдателей. Дорий ясно дал понять, что ожидает максимум двух, и уж точно ни одного столь знатного, как тот, что слезал сейчас с лошади.

Верховный инквизитор – Серентия знала по виду, что он не может занимать низший пост, – оглядывал Серам так, словно не был уверен, что такое захоустье могло быть пунктом его назначения. Внезапно он заметил пару и тут же жестом поманил их. Прекрасно осознавая, что от этого человека во многом зависит судьба Ульдиссиана,

Серентия тут же повиновалась, и сразу за ней последовал лучник.

-Я брат Микелий! – прогремел верховный инквизитор, словно объявлял это всем в районе мили вокруг. - Это ли Серам, место столь ужасных злодеяний?

-Да, это Серам, Ваша Святость, - смиренно ответила Серентия, делая реверанс. В отличие от Ульдиссиана и Ахилия, она немного верила в учения как Собора, так и Храма Триединого, но ещё не решила, кому отдать предпочтение. Храм проповедовал силу личности, в то время как Собор учил, что только совместными усилиями человечество может выполнить своё истинное предназначение.

-Кто здесь главный? Мы должны были встретиться.

-Наш глава – Дорий, который...

Брат Микелий прервал её:

-Не важно! Ты! - он указал на Ахилия. - Знаешь ли ты, где лежит тело нашего несчастного брата?

Следуя примеру Серентии, охотник склонил голову.

-Думаю, я знаю, где он погребён, - и, видя, что верховный инквизитор хмурится, Ахилий добавил. - Прошло несколько дней, Ваша Святость. Оба тела следовало предать земле, иначе... - он развёл руками. - Ну, вы понимаете.

-Конечно, сын мой, конечно. Тогда отведи нас к могиле.

-При всём уважении, Ваша Святость, уместнее будет, если мастер Дорий или капитан Тибериус отведёт вас к...

-Мы здесь, - провозгласил брат Микелий твёрдо. - А их здесь нет. Мы переговорим с ними при первой же возможности... И с бесчеловечным еретиком тоже.

У Серентии перехватило дыхание, когда она услышала такую характеристику Ульдиссиана. Она гадала теперь, что посыльный Дория передал верховному инквизитору. Слова брата Микелия прозвучали так, будто он уверен, что настоящий убийца уже пойман.

-Ваша Святость... - начала она.

Но брат Микелий уже проходил мимо неё в сопровождении четырёх стражников. Остальная часть его группы начала рассредоточиваться, словно с намерением захватить Серам, и, признать, судя их по виду, они были способны выиграть подобную битву, даже отнюдь не превосходя числом.

-Сюда, - сказал Ахилий, сдаваясь.

Верховный инквизитор больше не обращал на Серентию никакого внимания, но и не удерживал её от того, чтобы следовать за ними. Дочери Сайруса хотелось побежать к Ульдиссиану и предупредить его о прибытии членов Собора, но в то же время она не хотела пропустить ничего, что скажет или сделает брат Микелий, пусть Ахилий тоже был здесь и видел всё.

Несколько жителей деревни, видимо, встревоженные громким голосом верховного инквизитора, выходили посмотреть, что происходит. Брат Микелий приветствовал их простым взмахом руки или скромным кивком, с повелительным видом шествуя по направлению к кладбищу.

Небо рокотало, при этом клонившийся к вечеру день был неестественно тёплым. Странно, но не было ни малейшего ветерка. Когда Серентия позади остальных вступила на деревенское кладбище, ей казалось, будто духи мёртвых бесшумно встают вокруг них.

Высокая, влажная каменная стена опоясывала кладбище, имевшиеся здесь и там выбоины говорили о некоторой запущенности. Нетрудно было найти, где зарыты жертвы, ибо это не только были единственные свежие могилы, но и находились они в дальнем углу кладбища. Хотя это и не оглашалось, жители деревни надеялись, что погребение было временным и что Собор и Храм заявят свои права на тела, и тогда Серам сможет забыть о том, что произошло.

Удастся ли забыть деревне или нет, но Серентия видела, что брат Микелий и в самом деле намеревается что-то сделать с телом мёртвого прислужника. Он указал на пару лопат, прислонённых к стене, и двое из его конвоя немедленно пошли за ними.

-На этом с вас будет довольно, - сказал верховный инквизитор Ахилию, а заодно и стоящей поодаль Серентии. - Дальше Собор справится сам.

Охотник благоразумно склонил голову и отступил. У обеих могил были помещены деревянные таблички, на которых был грубо высечен знак принадлежности жертвы. Брат Микелий презрительно фыркнул при виде могилы Триединого, затем подошёл ко второй. Двое стражей с лопатами сразу же последовали за ним. Верховный инквизитор припал на одно колено перед табличкой. Он приложил палец к символу на табличке, затем, бормоча что-то, что Серентия приняла за молитву, положил руку на могильный холм.

И почти ту же резко отнял её, словно скорпионы там повывлезали из земли в большом количестве.

С ещё более мрачным выражением брат Микелий снова подался вперёд, затем снял со своей шеи цепочку, которая была скрыта под одеждой. На конце цепочки висел золотистый медальон в виде солнца с отходящими от него лучами. Его сердцевинкой служил цельный драгоценный камень, который сверкал, несмотря на облачную погоду.

Священник поднёс медальон к месту, которое вызывало у него сомнения, пробормотал ещё что-то, и вдруг отпрянул назад, очевидно, снова чем-то ошеломлённый.

С пылающим взором брат Микелий повернулся к паре:

-Кто сделал это? Кто осмелился на такое святотатство?

Ахилий посмотрел на неё, но у неё не было объяснения. Верховный Инквизитор встал прямо, затем указал на могилу:

-Ты! Судя по твоей одежде и луку, ты охотник!

-Правильно.

-Значит, у тебя намётанный глаз. Используй его! Подойди ближе и скажи мне, что ты видишь!

Ахилий неохотно подчинился. Под пристальными взглядами стражей инквизитора, он подошёл к насыпи.

-Посмотри поближе,- потребовал брат Микелий.

Серентия видела, как, подобно верховному инквизитору, Ахилий припал на колено. Он даже приложил руку к тому же месту, где это сделал первый.

И, точно так же, как и брат Микелий, охотник непроизвольно тут же отдёргнул руку.

Этого было достаточно, чтобы подозрения священнослужителя подтвердились.

-Да, охотник, ты тоже видишь это?

Дочь Сайруса хотела пройти вперёд, но облачённая в нагрудники стража без труда преградила ей путь. Она глядела в полнейшем недоумении, как Ахилий медленно встаёт, чтобы встретиться лицом к лицу с верховным инквизитором.

-Наверно... Небольшой зверёк, Ваша Святость. В конце концов, Серам окружён лесами, и...

-Это сделал не зверёк,- прошипел брат Микелий.

Серентия начала догадываться, о чём они говорят, и от этой мысли у неё вырвался вздох. Брат Микелий посмотрел в её направлении.

-Кто?- спросил он, словно она знала ответ.- Кто это сделал?

-Ваша Святость,- сумела выговорить Серентия.- Я не понимаю...

-Она не могла...- попробовал вмешаться Ахилий.

Он не стал выслушивать их возражения. Верховный инквизитор рассёк рукой воздух, и повелительно взглянул на обоих сверху вниз.

-Я задаю вопрос кратко, чётко и в последний раз!- стражники внезапно окружили пару, словно те были преступниками.- Кто осквернил могилу и тело нашего убитого брата?

Глава четвёртая

В голове у Мендельна ужасно стучало, уже не в первый раз с тех пор, как его брата несправедливо обвинили в смерти двух проповедников. Брат Ульдиссиана стоял, прислонившись к дереву, в лесу далеко к северу от деревни, одну руку приложив к виску и пытаясь унять боль.

Но хуже, чем пульсация, было то, что он потерял сознание уже *третий* раз за это время. Он был на пути с фермы, чтобы увидеть брата, – и это было *последним*, что он помнил. Поднеся пальцы к переносице, младший сын Диомеда плотно закрыл глаза. Он надеялся, что это немного ослабит давление...

Образ кричащего человека в мантии заполнил его сознание.

С мычающим стоном Мендельн, спотыкаясь, отошёл от дерева. Он посмотрел вокруг, уверенный, что увиденное им происходит прямо сейчас.

Но лес был пуст. Мендельн постепенно осознал, что, хотя рот человека был раскрыт, из него не вылетало ни звука. Мендельн припомнил шелест травы и даже звук грома, но не звук голоса.

Минутный кошмар? Продукт его взвинченного воображения, вызванный отвратительными убийствами? Это похоже на правду... И всё же, всё было таким *правдоподобным*.

Внезапно в голове застучало с новой силой. Не в силах превозмочь боль он закрыл глаза.

И снова образ мужчины встал перед глазами Мендельна, только на этот раз тело беспомощно распростёрлось на земле, и что-то нависало над ним. Жуткий страх отражался на лице проповедника, и он напрасно пытался отползти от того, что бы к нему ни приблизилось.

Мендельн открыл глаза... И картина исчезла.

Однако на этот раз брат Ульдиссиана понял, что то, что он наблюдал, не было ни вымыслом, ни событием настоящего. Он и в самом деле был один в лесу. Нет, на этот раз видение продлилось достаточно долго, чтобы он успел узнать одеяние кричащего человека, если не самого человека.

Это был наряд прислужника из Триединого... А человек был агентом, которого так зверски убили.

По телу Мендельна пробежала дрожь. Что это значило? Почему его вдруг стали посещать эти чудовищные видения убийства миссионера?

В его роду никто никогда не занимался колдовством, и Мендельн сомневался, что это его проявление. Должно быть более разумное, более правдивое объяснение.

Нос у него чесался. Мендельн вдруг понял, что на переносице что-то есть. Он поскрёб её, и на его ладони посыпалась грязь. К тому же он обнаружил, что свежая грязь почти целиком покрывает пальцы.

А когда *это* произошло? Брат Ульдиссиана некоторое время не был на ферме и тем более не работал в поле. Он был слишком озабочен тем, как помочь брату. Может, он почему-то упал, пока ехал? Это объяснило бы и потерю сознания, и грязь.

«Что *происходит*?» – пробормотал Мендельн. Его жизнь всегда была совершенно обычной – и даже скучной. А теперь всё пошло вверх дном. Эти потери сознания, опасное положение Ульдиссиана, древний камень...

Камень.

Мендельн не верил в совпадения. Эти помрачения не начались, пока он не притронулся к артефакту. Каким-то образом он подействовал на него, и это воздействие было для него непостижимо. О да, Мендельн слышал в детстве истории о магических местах и существах, но ведь это были только *сказки*.

Теперь он задумался о том, почему он видит именно убийство проповедника. Первое, что пришло ему на ум, заставило кровь отхлынуть от его лица.

«Нет! Это был не я! Я не мог!» Неужели он видел убийство... Да ещё прямо перед собой... Потому что *он* был виновен в нём?

Но здравый смысл взял верх. Мендельн был с Ахилием в то время, когда произошли убийства. Таким образом, он не мог принимать участия в гнусных событиях, как и Ульдисиан.

Тем не менее, это не объясняло ни грязи на руках, ни странных и повторяющихся случаев потери памяти. И это очень сильно пугало Мендельна.

Он снова подумал о своём брате, узнике. Образ Ульдисиана в камере леденил Мендельна. Своими проблемами он займётся позднее; гораздо важнее, чтобы Ульдисиан как можно скорее вышел из клетки.

Распрямившись, Мендельн направился в Серам. Однако по пути он позаботился о том, чтобы начисто вытереть руки. Возможно, грязь ничего и не значила, но он решил не испытывать судьбу.

Очень много странного произошло, и невинные комочки почвы могут обличить ещё в каких-нибудь страшных деяниях. Он нисколько не поможет брату, если его самого начнут подозревать в преступлении.

Мендельн усмехнулся своей глупости. О каком преступлении могут говорить грязные руки в регионе фермерских хозяйств?

Тем не менее, брат Ульдисиана продолжал вытирать свои ладони и пальцы об одежду всю дорогу в Серам.

Двое стражников пришли за Ульдисианом как раз тогда, когда ему удалось забыться беспокойным сном. Когда он пошевелился, один из них загрохотал дверью камеры, затем открыл её.

-Пойдешь с нами,- пролаял тот из них, что был выше,- плосколицый молодой человек, в котором Ульдисиан узнал пасынка Дория.- Только без шуточек, а?

Вместо ответа фермер молча заложил руки за спину и повернулся, чтобы стражники могли обвязать запястья. Сделав это, они вывели его.

Тиберий встретил их у выходной двери. Капитан не делал попыток скрыть раздражение, но и не спешил объяснять Ульдисиану причину своего настроения. Фермер только предположил, что ничего хорошего это ему не сулит.

И точно, когда он оказался снаружи, Ульдисиан понял, что дела ещё хуже, чем прежде. Он сразу же увидел главного представителя Собора Света и понял, что это не простой священник из соседнего города. Это был верховный инквизитор, одно из самых высокопоставленных лиц в Соборе. Хуже того, надменный человек был в сопровождении нескольких мрачных стражников... И очень испуганных Серентии и Ахилия.

Священник подошёл к нему. Глядя свысока на фермера, он произнёс нарочито громко:

-Знай, Ульдисиан, сын Диомеда, что с тобой говорит брат Микелий, верховный инквизитор этих мест, служащий во славу драгоценного Пророка! Я пришёл, чтобы установить глубину твоей вины, и отсюда определить, что следует предпринять для спасения твоей души!- он остановился, затем добавил.- А после этого – души того, кто осквернил могилу нашего агента, кто бы это ни был!

Ульдисиан побледнел. Брат Микелий дал понять, что судебным разбирательством будет править он. Не это обещал Дорий!

Прежде чем он успел раскрыть рот, чтобы выразить протест, верховный инквизитор повернулся туда, откуда с меньшим энтузиазмом, чем желал бы Ульдисиан, за процессом наблюдал глава деревни:

-С вашего разрешения, мастер Дорий, мы используем ваши казармы, чтобы допросить этого. Разумеется, я приношу извинения за неудобства! Собор избегает подобных просьб, но иногда это необходимо, сами понимаете.

-Я писал также верховному прокуратору в Кеджан,- ответил Дорий, пытаясь вернуть контроль над ситуацией.- Я не получил ответа, но, уверен, он пришлёт уполномоченного...

Брат Микелий покачал головой:

-Волей Пророка, слава ему, я сам уполномочен разрешить этот вопрос! Верховный прокуратор доверится моему слову...

«И судя по тону верховного инквизитора,- подумал Ульдисиан,- Дорию и остальным тоже придется довериться

его слову, хотя бы они этого или нет». Фермер нахмурился. Принимая во внимание, как брат Микелий до сих пор вёл дело, Ульдисиан сомневался, что ему дадут надлежащим образом высказаться в свою защиту... Его выслушают, разве только если он признает вину.

-Это дело касается и Триединого,- добавил Дорий.- С их стороны тоже была жертва...

-Собор сейчас здесь; Храма здесь нет. Если Храм медлит с правосудием за убийство своих детей, это их собственный промах.

Побеждённый, глава затих. Ульдисиан еле сдержал крепкое словцо. Брата Микелия не удастся остановить.

Ульдисиан попытался утешить себя мыслью, что хотя бы Лилия не втянута во всё это. Фермер бы этого не выдержал. Она и так уже довольно пострадала от рук обеих сект...

И в тот миг, когда он подумал об этом, уголкем глаза он уловил зелёный проблеск. У фермера мороз пробежал по коже. Непроизвольно Ульдисиан посмотрел в этом направлении.

К несчастью, то же сделал верховный инквизитор.

Лилия стояла, как зверь, пойманный в ловушку. Видимо, она подкралась из-за «Кабаньей головы», чтобы подсмотреть, как разворачиваются события; без сомнения, это страх за Ульдисиана заставил её забыть его предостережения.

Брат Микелий мог без труда определить, что она не местная. Само по себе это могло ничего и не значить, но Ульдисиану показалось по его взгляду, когда он встретился со взглядом Лилии, что верховный инквизитор как будто бы узнал её.

Микелий поднял на неё осуждающий перст:

-Эй, ты, там! Ты...

Прогремел гром, на этот раз с такой силой, что некоторые, в том числе брат Микелий, были вынуждены заткнуть ладонями уши.

Внезапно поднялся ветер, завывая, как голодный волк. Людей отбросило назад мощным порывом, даже некоторые из стражей инквизитора не смогли остаться на занятых позициях. Только троих не сдвинула с места страшная буря – по крайней мере, пока.

Брата Микелия, Лилию и Ульдисиана.

Но верховному инквизитору пришлось бороться, чтобы удержаться на месте. Он оторвал взгляд от Лилии и снова посмотрел на заключённого.

На брата Микелия было страшно глядеть. Когда он посмотрел на фермера, на его лице отразилась смесь ярости и... *Страх.*

-Во имя Пророка. Что...

Свирепая молния ударила в центр деревни... И в верховного инквизитора.

Он не успел закричать. Тошнотворный запах горелого мяса наполнил воздух, быстро разносимый ветром. Заряд оставил после себя обуглившуюся массу. Ульдисиану довелось видеть, на что были способны другие молнии, но ни одна из них не била с такой силой.

Вторая молния ударила рядом с первой. Кто-то закричал. Люди стали разбегаться во всех направлениях. Ветер продолжал завывать по Сераму, опрокидывая тех, кто не держался ни за что твёрдое.

Ульдисиан искал глазами Лилию, но её нигде не было видно. Какой-то хлам полетел прямо к нему в лицо, и фермер инстинктивно остановил его рукой.

Только тогда он заметил, что снова свободен. Верёвки свободно болтались на одном запястье, и, когда он потянул за них, они свободно спали, словно никогда не были завязаны.

Не тратя время на размышления о безалаберности своих стражей, Ульдисиан сосредоточился на том, что ему делать дальше. Правда, люди из конвоя брата Микелия решили вопрос за него: они пытались добраться до заключённого, несмотря на ужасный ветер. Трое из них уже были в пределах досягаемости оружия, четвёртый недалеко позади.

Но прежде, чем передние добрались до него, принесённая бурей прилетела толстая скамья, в которой Ульдисиан запоздало узнал обычную лавку перед таверной. Скамья почти точно налетела на стражников, одних разбросав по сторонам, других унося с собой.

Без колебаний ошеломлённый фермер побежал к благородной деве. Предметы вокруг него свободно кружились в воздухе. Люди спешили укрыться в зданиях. Ещё одна молния ударила совсем рядом с деревней, проделав брешь в опоясывающей Серам каменной стене.

Несмотря на многочисленные угрозы, Ульдисиану удалось невредимым добраться до Лилии. Похоже, она тоже была в порядке, не считая того, что ветер разметал золотые локоны.

Беспокойство за неё пересилило все другие заботы.

-Лилия! Ты должна найти убежище...

Она схватила его руку, но, вместо того, чтобы пойти с ним к входу в кузницу, Лилия потянула его к лесу. Она делала это с поразительной энергией, и, зная, что сопротивление задержит их на открытом месте, что было опасно, фермер позволил ей вывести их из Серама. Здравый смысл твердил ему, что лучше бы им укрыться в одном из зданий, но Ульдисиан каким-то образом убедил себя, что они наверняка найдут безопасное место в глуши.

И в самом деле, ветер дул всё слабее по мере того, как они углублялись в лес. Сор ещё пролетал мимо них, но чудесным образом их не коснулось ничего тяжелее листьев.

Со стороны Серама раздался уже знакомый треск. Небо мгновенно осветилось, словно солнце проблеснуло из-за туч. Ульдисиан стал смотреть из-за плеча, но Лилия потянула его вперёд.

Гром продолжал рокотать, словно лошади тысячи всадников скакали по земле. Это навело фермера на мысль об инквизиторах и несчастном брате Микелии. Стражники наверняка устроят погоню за Ульдисианом, как только погода установится, несмотря на внезапную смерть их начальника. Пусть Ульдисиан и винил в ужасной кончине священника непостоянство природы – даже хотя никогда прежде фермер не видел такой странной и смертоносной её перемены – он почему-то был уверен, что судьба, постигшая брата Микелия, каким-то образом связана с ним, как бы смешно это ни звучало.

-Продолжай бежать!- позвала Лилия, оглядываясь на него.- Продолжай бежать!

Но из-за заботы о нём благородная дева не замечала сама, куда бежит. Ульдисиан увидел, что земля впереди неё идёт под откос. Он попытался предупредить её, но его спутница уже падала.

Её рука выскользнула. Короткий крик сорвался с её губ, Лилия летела вперёд. Приземлившись, она перевернулась.

Спотыкаясь, Ульдисиан подлетел к ней. Лилия лежала, её глаза были открыты, но сейчас она глядела невидящим взором.

-Лилия!- все заботы об испортившейся погоде и стражах инквизиторов испарились, как дым. Для фермера была важна лишь та, чья распростёртая фигура лежала перед ним.

К его великому облегчению благородная дева моргнула. Её глаза снова сфокусировались. Она посмотрела на Ульдисиана, и выражение её лица заставило Ульдисиана покраснеть.

Пытаясь скрыть своё смущение, Ульдисиан подал ей руку. Когда Лилия попыталась встать, из её груди вырвался стон, а её правая лодыжка подогнулась.

-Наверное... Наверное, вывих,- смогла проговорить она.- Можешь посмотреть?

Ему хотелось отказаться, но он знал, что не может оставить её страдать. Бормоча извинения, Ульдисиан подтянул длинную юбку вверх ровно настолько, чтобы оказалась видна лодыжка.

По ней уже расплывалось чёрно-синее пятно, и она уже немного распухла. Когда фермер слегка коснулся её, у Лилии вновь перехватило дыхание.

-Я должен отнести тебя к лекарю...- пробормотал он.

-Нет! Если ты это сделаешь, они снова поймут тебя! Я не позволю им!

Ульдисиан нахмурился. Чего она в конце концов ожидала? Он не мог просто взять и убежать. Это был его дом. Его род жил в Сераме на протяжении нескольких поколений, возможно даже, с самого его начала. К тому

же здесь были те, кого он не мог оставить, в первую очередь Мендельн. Мендельну наверняка пришлось бы расплачиваться, если бы брата не отыскиали. Был там и Ахилий, лучший друг Ульдиссиана, и даже Серентия, возможно, уже была втянута.

С другой стороны, как он мог вернуться? Инквизиторы в конце концов могут и уехать, но Тиберий считает своим долгом арестовать Ульдиссиана сразу, как только он объявится. Также ещё оставалась возможность, что надзиратели мира из Триединого могут прибыть, чтобы вершить справедливость своими руками.

Раздумывая, Ульдиссиан сидел здесь, преклонив колени, его рука оставалась над лодыжкой. Судьба Лилии волновала её не меньше. Всё было бы проще, если бы её лодыжка была в порядке...

-Ульдиссиан...

Всё ещё поглощённый своими тревогами, он не обращал на неё внимания. Возможно, он сможет отнести её на спине на ферму, а оттуда послать её с лошадью в соседнее селение. В одном из более крупных селений она сможет получить помощь, в которой нуждается, а потом продолжить оттуда своё странствие. По крайней мере, она будет вне опасности.

Что касается Ульдиссиана, то есть другой...

-Ульдиссиан!

Хотя голос Лилии оставался тихим, на этот раз он явно прозвучал с напором. Ульдиссиан огляделся вокруг, ожидая, что их обнаружили. Тем не менее, не было признаков присутствия кого бы то ни было ещё и тем более инквизиторов или стражников.

-Ульдиссиан,- повторила она.- Я не о том. Моя лодыжка... боль исчезла.

Её полные надежды слова только усилили его беспокойство. Если она не чувствовала боли, вероятно, лодыжка онемела – плохой признак. Он убрал свою руку, страшась того, что увидит...

Но лодыжка выглядела совершенно здоровой.

Но...- Ульдиссиан смотрел на неё, не веря своим глазам. По меньшей мере, лодыжка была в синяках... А теперь их не стало.

Он посмотрел на Лилию, и от того, как она на него смотрела, ему сделалось ещё неудобнее. В её взгляде читалось благоговение, немислимое благоговение и даже то, что было похоже на... Поклонение?

-Ты повернулся...- тихо проговорила благородная дева.- Но ты оставил руку возле моей лодыжки. Я знала... Я знала, что ты не касаешься её, но внезапно я... Я почувствовала восхитительное тепло, и боль... Её вдруг не стало...

-Этого не может быть... Этому должно быть разумное объяснение! Травмы вроде этой не могут просто так взять и *вылечиться*.

-Ты сделал это.

Поначалу он подумал, что просто не расслышал. Затем, когда смысл сказанного добрался до него, Ульдиссиан не мог поверить, что благородной деве могло прийти в голову что-то столь абсурдное.

-Я не маг и не колдун!- стоял на своём он, застигнутый врасплох.- Очевидно же, что твоя лодыжка просто была в порядке! Это единственное объяснение!

Она покачала головой, в её глазах отразилось то, отчего у него стало радостно на душе, но в то же время что ещё больше взвинтило его. *Обожание*.

-Нет. Я знаю, что чувствовала боль. Я знаю, что я ощущала от твоей руки... И я знаю, что потом боль исчезла, словно её никогда и не было.

Ульдиссиан отступил от неё.

-Но я не делал этого!

Светловолосая женщина поднялась и сделала шаг по направлению к нему. Лилия двигалась без всякого намёка на травму.

-Тогда кто? Кто совершил такое чудо?

От последнего слова по его телу пробежала дрожь. Должно быть, он не расслышал её.

-У нас нет времени на эти глупости!- он посмотрел вверх. Небо выглядело спокойнее, по крайней мере, над ними. Гром ещё рокотал в направлении Серама. Очередная молния сверкнула над деревней.- Буря...- у Ульдисиана не было другого слова, чтобы охарактеризовать эту погоду.- Похоже, стихает. Спасибо судьбе хоть за такую удачу!

-Я не думаю, что это удача,- проговорила благородная дева.

-А что тог...- фермер остановился на полуслове и побледнел.- Лилия, нет... Это даже не смешно...

-Но Ульдисиан, ты что, не видишь? Как своевременен был этот ветер! Как точно ударила молния в высокомерного брата Микелия как раз тогда, когда он хотел осудить тебя за то, в чём ты не виноват...

-А сейчас ты говоришь, что во мне есть силы, способные убить человека! Подумай, женщина!- в первый раз со времени первой встречи Ульдисиан хотел оказаться подальше от Лилии. Не то чтобы он не желал её, просто было очевидно, что у неё на время помутился рассудок. Возможно, груз несчастья её семьи наконец сказался в полной мере. Это бы объяснило её поведение...

Но как объяснить травму, которую Ульдисиан видел своими глазами? Он не считал себя человеком с богатым воображением. Так как тогда его разум был способен на такую правдоподобную иллюзию?

«Нет!» - бросил фермер самому себе. Если он продолжит так рассуждать, то сам скоро поверит в нелепое предположение Лилии. Если бы это было правдой, то лучше бы Ульдисиану самому сдаться инквизиторам или страже, прежде чем он подвергнет опасности кого-нибудь ещё.

Мягкое, тёплое касание руки вернуло его к реальности. Лилия была в каком-нибудь дюйме от него.

-Я знаю, что это ты вылечил меня, Ульдисиан... И я верю, что это ты призвал ветер и молнии, когда мы нуждались в них.

-Лилия, пожалуйста! Послушай сама, насколько нелепы твои слова!

Он видел только её безупречное лицо.

-Хочешь, чтобы я думала иначе? Тогда докажи, что я ошибаюсь,- благородная дева мягко взяла его за подбородок и развернула его лицо в сторону Серама.- Молнии всё ещё ударяют, они несут справедливость и возмездие. Небо всё ещё ревёт от ярости за ложные обвинения против тебя. Ветер воет над самомнением тех, кто судил тебя, в то время как сам виновен!

-Лилия, прекрати!

Но она не послушалась. Твёрдо, даже вызывающе, Лилия сказала:

-Докажи, что я неправа, дорогой Ульдисиан! Всей своей волей прикажи небесам замолчать,- нет, даже очиститься – и если этого не случится, я с радостью признаю, что, бесспорно, заблуждалась,- она поджала губы.- С радостью...

Ульдисиан не мог поверить, что разум Лилии настолько помрачён, что она может представить возможным что-то подобное. Тем не менее, если она говорила серьёзно, то это был скорейший и легчайший способ вернуть её к действительности.

Не говоря больше ни слова, фермер посмотрел на бушующее небо. Хотя он мог просто посмотреть на него и притвориться, что сосредотачивается, Ульдисиан чувствовал, что это будет нечестно по отношению к его спутнице, хотя и был уверен, что ничего не случится.

Так что сын Диомеда зажмурился и напряг разум. Он желал, чтобы непогода прекратилась и небеса очистились. Он старался действовать со всей серьёзностью, пусть это и было только ради Лилии.

И он не удивился, когда всё осталось по-прежнему.

Он явно позволил заблуждению Лилии зайти дальше, чем позволил бы на его месте кто-нибудь другой. Фермер устало повернулся к ней. Он ожидал, что благородная дева расстроится, но на лице Лилии отражалось только терпение.

-Я сделал, как ты просила, и ты видела, что произошло... Вернее, не произошло,- сказал он успокоительно.- А

теперь позволь мне увести тебя отсюда, Лилия. Мы должны найти место, где ты... Где мы сможем отдохнуть и собраться с мыслями.

К несчастью, вместо того, чтобы согласиться, Лилия продолжала выжидательно глядеть за его спину.

Наконец терпение Ульдиссиана подошло к концу. Лилия тронула его сердце, когда он впервые увидел её, но он больше не мог терпеть из-за этого её причуд. Хотя бы ради её собственного блага.

-Лилия, ты должна взять себя в руки! Я сделал, что ты просила, и...

-И это только что случилось... - проговорила она с возобновлённым обожанием. Лилия мягко взяла фермера за руки и развернула его в сторону деревни.

Ульдиссиан, готовый продолжать образумливать её, застыл с раскрытым ртом.

Солнце сияло над Серамом.

Великий Храм Триединого, расположенный в двух днях езды на юг от Кеджана, был просторным треугольным строением с тремя высокими башнями в каждом из углов. Сами башни были треугольными, и их стороны были украшены символикой одного из святых орденов. Треугольные окна тянулись с самого низа до верха башен.

Почти все остальные элементы постройки имели ту же тройственную природу. Чтобы добраться до входа, который был развёрнут к Кеджану, паломникам нужно было подняться на три площадки, причём каждый подъём насчитывал тридцать три ступени. На самом входе три массивных железных двери, так же треугольные, пропускали верующих в огромную приёмную залу.

Внутри, как водится, прихожан приветствовали величественные изображения трёх направляющих духов. Бала-Создатель располагался слева – двунолая фигура, одетая в облачение своего ордена. В руках у Балы имелись мистический молот и сумка, в которой, как проповедовали священники, находились семена всего живого. Как вся природа, так и архитектурные успехи людей находились под покровительством этого духа.

Диалон находился справа – мраморная статуя, во многом схожая с первой, только руками она прижимала к груди дощечки ордена. Диалон указал человечеству его предназначение, и на дощечках было записано, как достичь благодати. Как и в случае с Балой, на Диалоне было облачение цветов, отождествляемых с последователями его принципов – в данном случае принципов Предопределения.

А по центру стоял Мефис, который ничего не держал, но руки у него были сложены так, словно он самым нежнейшим образом убаюкивал младенца. Без Любви Созидание и Предопределение не могут благоденствовать – так учил верховный жрец – Примас – который, по слухам, был сыном самого Мефиса и потому так заботился о своей пастве.

Под каждой из гигантских статуй находилась ещё одна бронзовая дверь, ведущая в величественные залы того или иного ордена. Когда паломники или послушники делали свой выбор, они проходили в эти двери и слушали там наставления уже своего высшего жреца.

Надзиратели мира, облачённые в кожу и покрытые капюшонами стражи, которые носили символику всех трёх орденов на грудях, помогали вновь прибывшим сделать свой выбор. В каждой зале несколько сотен верующих могли одновременно преклонить колена для молитвы.

И когда появлялся сам Примас, стены между залами трёх орденов, которые, хотя имели каменные фасады, были деревянными, отъезжали в спрятанные ниши, и тогда все могли погреться в лучах милостивого присутствия верховного жреца. С помоста, возвышающегося над его последователями, лидер Триединого проповедовал слово Трёх.

Сегодня, тем не менее, верующие должны были молиться сами, ибо Примас держал совет с тремя своими излюбленными, с высшими жрецами каждого ордена. Главным среди них был высокий статный Малик, старший среди всех его ранга. Некогда услужливый агент, он поднялся до почётного поста путём предопределения, созидательного мышления и посвящения своему хозяину.

Он был – даже два других это знали – правой рукой Примаса.

Скрытая от глаз большинства комната, в которой проходила встреча, была маленькой и почти пустой. Единственным предметом мебели было высоко вздымавшееся величественное кресло Примаса, спинка

которого поднималась гораздо выше его головы и была украшена треугольным символом секты. Двойные факелы, прикрепленные к стенам, освещали овальную комнату, в которой не на что было больше смотреть, кроме как на владельца кресла... В чём и состоял замысел.

Примас взирал сверху на высших жрецов и тихо говорил, так, чтобы только они могли слышать. Малик и два других жреца были посвящены в самые сокровенные секреты Триединого.

Голос верховного жреца звучал, словно музыка. Его лицо казалось выточенным из мрамора, до того оно было безупречным. У него были длинные ниспадающие, серебристые волосы и хорошо сочетающаяся с ними короткая, искусно подрезанная борода. У него были заостренные черты лица и глаза, похожие на сверкающие изумруды. Он выглядел выше и сильнее, чем большинство мужчин, но, не смотря на свой повелительный вид, его движениям была свойственна отточенная мягкость.

Но не в этот раз.

Только Малик, исподтишка бросающий взгляд наверх, заметил внезапное и очень лёгкое дрожание. Высший жрец ордена Мефиса выглядывал из-под тёмных бровей со скрываемым беспокойством.

Но Примас, по-видимому, несмотря на старания Малика, уловил беспокойство. Теперь совершенно оправившийся обожаемый лидер Триединого одним жестом распустил собрание, о чём усатый Малик поспешил предупредить хлопком руки двух других жрецов. Три высших жреца, низко склонив головы, быстро удалились из секретной комнаты.

Примас сидел молча, его глаза, по всей видимости, были направлены в пустоту перед ним. Пламя факелов внезапно резко колыхнулось, словно сильный порыв ветра пронёсся по комнате.

И когда пламя факелов вернулось в исходное состояние, стало ясно, что с благожелательным внешним видом Примаса что-то произошло. В нём теперь не было ничего исполненного святостью; на самом деле, любой, кто увидел бы его сейчас, подумал бы совсем наоборот... И, вероятно, испугался бы также за свою душу.

«На запад от города...» - прошепел он голосом, скорее змеиным, чем человеческим. – «На запад от города».

Глава пятая

Когда хаос захватил Серам, Ахилий первым делом подумал не о себе и даже не об Ульдиссиане. Он подумал о Серентии, как и все, захваченной врасплох на открытом пространстве. Охотник ринулся к дочери Сайруса, по пути увёртываясь от кружащегося в воздухе колеса от повозки и чего-то, похожего на останки огородного пугала.

Издалека раздался крик. Ахилий увидел торговца, тоже бегущего к ней. Но стоявшая ближе к охотнику Серентия не видела и не слышала своего отца.

В этот самый момент значительный кусок крыши оторвался от казарм стражи. Он полетел по воздуху, словно гигантская чёрная птица, теряющая высоту в предсмертной агонии... А затем обрушился с точностью топора палача на ничего не подозревающего Сайруса.

Ахилий кричал, но, как и торговец, не мог перекрычать бурю. Мороз пробежал по его коже. Охотник знал, что ему остаётся только одно.

Как только сумел, Ахилий прыгнул к Серентии. Он схватил её подобно тому, как хватал добычу, пытающуюся вырваться из силков, которые он расставил. Осторожничать было некогда: главное было не дать дочери торговца увидеть грядущую страшную сцену. Для Сайруса ничего нельзя было сделать: он был слишком далеко.

Хотя ему удалось закрыть обзор ей, с собой поделаться Ахилий ничего не мог. Заворожённый очарованием смерти, он смотрел, как кусок крыши настигает Сайруса сзади. Сила, с какой обломок ударил человека в затылок, дала понять, что надежды нет. В самом деле, острый край отделил кости и плоть с ужасающей лёгкостью, и, несмотря на то, что он не мог ничего слышать из-за ветра, опытный охотник знал наверняка, насколько жутко звучало обезглавливание Сайруса.

К счастью, остальная часть обломков похоронила обезображенное тело под собой, скрывая его от глаз. Серентия в этот момент стала вырываться. Когда она посмотрела на Ахилия, на её лице отражалось удивление... И, возможно, смущение, если краснеющие щёки говорили именно об этом. Ахилий вдруг почувствовал себя очень некомфортно, и не только потому, что только что наблюдал гибель её отца.

Пожалуйста, отпусти меня, - крикнула она, её голос был еле слышен. - Ты видел Ульдиссиана?

Охотник сам смущался всё больше. Не зная о трагической кончине отца, она первым делом подумала о фермере и ни о ком ещё. Конечно же, не об Ахилии.

Но при этом её забота о фермере давала некоторую отсрочку перед тем, как сказать ей, что стало с её отцом. Сейчас было не время Серентии узнать об этом. Кроме того, если бы она попыталась достать тело отца при этой безумной погоде, была бы высока вероятность, что она разделит его судьбу.

-Я видел, как он бежал к кузнице!- наконец крикнул он в ответ. Несмотря на сильные лёгкие, Ахилию самому пришлось крикнуть ещё раз, чтобы дочь торговца расслышала. Он поставил её на ноги, заботясь о том, чтобы не развернуть её в сторону страшной картины. - Держи крепко меня за руку, а не то тебя может сдуть!

К его облегчению, Серентия подчинилась беспрекословно. Ахилий потянул её туда, где в последний раз видел своего друга, преодолевая боровшийся с силой ветра. Он не знал, что они будут делать, когда найдут Ульдиссиана, - если найдут. Фермер считался заключённым, в глазах кого-то он выглядел убийцей, и долгом Ахилия было либо убедить своего друга вернуться и отдаться в руки правосудия, либо, если не удастся, заставить его это сделать. Но охотник уже достаточно насмотрелся, что это было за правосудие, и сама мысль о выдаче Ульдиссиана инквизиторам - или даже Тиберию - не улыбалась Ахилию.

Что важнее, если он вернёт Ульдиссиана в Серам, чтобы тот предстал перед обвинителями, лучник без сомнения навсегда очернит себя в глазах Серентии.

Они добежали до края деревни, остальные разбегались мимо них в разных направлениях. Доски отрывались от зданий и присоединялись к обломкам в воздухе, увеличивая опасность. Ведро для воды, оторванное от деревенского колодца, ударило в грудь человека Тиберия, уронив его на спину. Ахилий хотел остановиться возле лежащего навзничь тела и проверить, жив ли тот, но побоялся, что это подвергнет опасности Серентию.

Он почувствовал большое облегчение, когда они добрались до леса. Его чутьё позволило немедленно оценить

разницу между погодой здесь и бушующей бурей в Сераме. Это было почти как укрыться за закрытой дверью. Листья едва колыхались, и завывание притихло.

Несмотря на это, охотник не замедлился, пока они оба не оказались на порядочном расстоянии от края деревни. Только тогда Ахилий остановился возле огромного дуба, да и то скорее ради своей спутницы.

-Ты в порядке?- спросил он.

Серентия кивнула, восстанавливая дыхание. Её взгляд блуждал по лесу в поиске.

-Мы найдём его, Серри,- пробормотал он, немного не в себе после того, как удалось помочь ей выбраться из хаоса. Потом Ахилий вспомнил о Сайрусе, и чувство вины накрыло его с головой.

-Я вот думаю, а если...- начала дочь торговца, но внезапно остановилась, когда неожиданная тишина установилась в воздухе.

Они оба оглянулись на свой дом. Молнии перестали бить, и ветер тоже стих. Но самым поразительным было то, что облака не просто начали редеть, но как будто бы через них уже начало проглядывать солнце.

-Хвала небесам! Это чудо!- промолвила Серентия. Ахилий в свою очередь почувствовал странное благоговение – ощущение, которое ему до сих пор довелось пережить только один раз... Когда он впервые прикоснулся к древнему камню.

Серентия сделала шаг по направлению к Сераму, но охотник повлёк её в противоположную сторону.

-Ульдиссиан!- напомнил он ей, хотя фермер сейчас не был для него главной причиной, по которой стоило держаться подальше от деревни.- Сюда, забыла?

Дочь торговца кивнула с прежним выражением решимости на лице. Ахилию вдруг захотелось, чтобы такое выражение было отведено для него.

Хотя он знал, что видел Ульдиссиана шедшим по направлению к этой части леса, Ахилий обнаружил, что отслеживать фермера труднее, чем он ожидал. Ульдиссиан практически не оставил следов после себя. По сути, охотнику пришлось половину времени угадывать путь, поскольку его друг, как выяснилось, шёл по лесу незаметнее зверя. Если бы не особое чутьё Ахилия, то чутьё, о котором он никогда не упоминал, но которое всегда давало ему преимущество, когда он шёл по следам зверя, то следовать за Ульдиссианом было бы невозможно.

И это чутьё, это знание, которое позволяло Ахилию верно выбирать путь, также сообщило ему, что кто-то *ещё* сопровождал Ульдиссиана в лесу. Это был незнакомый след, и по лёгкости отпечатка он заподозрил, что это благородная дева. Кто ещё? Если Ульдиссиан и скрывал что-то, то ради неё. Её было ещё труднее отследить, чем фермера.

Почему-то это опять навело Ахилия на мысль о камне. С тех пор, как он обнаружил его, продолжали происходить странные и будоражающие события, некоторые из них казались ему неоспоримо неестественными. Ахилий припомнил символы на камне и стал гадать, сможет ли Мендельн со временем перевести их. Мендельн ведь умный. Возможно, он даже сможет объяснить эту ужасную бурю и...

Охотник остановился на пути, из-за чего Серентия натолкнулась на него. Он смотрел назад.

Предположив, что там кто-то есть, дочь Сайруса тоже посмотрела туда.

-Что там?

-Ничего...- он снова потянул её вперёд. Ахилий не мог вернуться за Мендельном. Брату Ульдиссиана придётся постоять за себя. Конечно же, где бы он ни был, он в безопасности. Лучник даже не мог припомнить, чтобы видел его, когда Ульдиссиана вывели к брату Микелию.

«Он может постоять за себя,- уверял себя Ахилий.- Мендельн очень умный. Он очень много знает. Я должен думать о Серри. Я должен найти способ рассказать ей об отце... Может быть, когда мы найдём Ульдиссиана... Может быть, после... Да, с Мендельном покамест всё будет в порядке...»

Охотник продолжал повторять про себя последнюю фразу, надеясь в конечном счёте поверить, что учёный Мендельн и в самом деле будет держаться подальше от неприятностей.

Надеясь, но не ожидая.

Мендельн прибыл на окраину деревни, как раз когда небеса объявили войну её жителям. В отличие от остальных жителей Серам он стоял на месте и с восхищением смотрел, как природа ведёт себя образом, совершенно противоположным тому, который он привык считать нормальным. Бури не разят столь выборочно без предупреждения. Ветер не дует с силой урагана только в пределах деревни, тут же на месте и умирая.

Только когда необыкновенное явление неожиданно завершилось, Мендельн пошевелился и вошёл в Серам. Центр деревни был весь в руинах; несколько человек лежали на земле. Ненормальность того, что произошло, начала проникать в сознание... Как и то, что всё это случилось очень вовремя для Ульдисиана.

Последнее суждение приобрело ещё больший вес, когда Мендельн подошёл к обожжённому, изуродованному телу, в котором он по внешнему виду узнал старшего священника Собора Света, верховного инквизитора. Страшный разряд молнии мало что оставил от него, а вонь должна была побудить Мендельна отойти подальше... Но какая-то нездоровая притягательность заставила младшего сына Диомеда приблизиться к безобразному труп.

Но когда он подошёл на расстояние вытянутой руки, сильное ощущение поразило его подобно удару твёрдого кулака. Мендельн отшатнулся назад с ощущением, будто кто-то яростно на него кричит. Он продолжал отступать, вдруг почувствовав, что не хочет быть сколь-нибудь близко рядом с горелыми останками.

Затем кто-то позади него закричал: «Где она? Я не могу найти её... Я не могу найти её...»

Мендельн повернулся на голос, но никого не увидел. Хмурясь, он махнул на это рукой и принялся искать брата.

«Славный Мендельн! Ты не видел её? Ты не видел мою дочь?»

Уголкем глаза Мендельн увидел, что кто-то стоит рядом с огромным куском оторванной крыши, покрывающим землю. Тем не менее, когда он повернулся, фигура исчезла... Либо её там никогда и не было.

Но ему показалось, что он узнал её. «Мастер Сайрус? - позвал он нерешительно. - Мастер Сайрус?»

Ответа не последовало, но Мендельна снова что-то будто дёрнуло за руку, на этот раз побудив подойти к обломкам крыши. Когда он сделал это, он почувствовал что-то под поверхностью дерева. Нагнувшись, Мендельн потянул за обломок. Дерево оказалось даже тяжелее, чем он думал, но, поднажав всем весом, чтобы пододвинуть его вперёд, брату Ульдисиана удалось добиться некоторого успеха. Постепенно то, что было скрыто там, стало открываться взору...

С губ Мендельна сорвался крик, он отпустил обломки. Он покачал головой. Ощущение испуга, какого он не испытывал со времени смерти его родителей, братьев и сестёр, поднялось и накрыло его с головой.

И всё же в этот самый момент знакомый голос снова спросил: «Где она? Где моя Серентия?»

Только тогда Мендельн осознал, что голос звучит в его голове. Дрожа, он отступил от обломка крыши и того, что было погребено под ним.

Что-то острое упёрлось ему в спину. Он начал поворачиваться, но тут его схватили несколько пар сильных рук.

Суровое лицо стража инквизитора оказалось в нескольких дюймах от его собственного.

- Ты! - рявкнул стражник. - Ты в родстве с Ульдисианом уль-Диомедом, обвинённым еретиком и убийцей? Признай это! Кто-то говорил, что ты его брат!

Всё ещё пытаясь постигнуть, что перед этим произошло, Мендельн молча кивнул. К несчастью, этого оказалось достаточно, чтобы захватившие его в плен повели его через деревню к группе местных, которые стояли под надзором четырёх других стражников. Мендельн насчитал примерно двадцать человек в этой группе, их широко раскрытые глаза и движения напомнили ему отару овец, которую ведут на убой.

Дорий неподалёку спорил с одним из приспешников Собора. Тиберия нигде не было видно. Несколько его людей стояли рядом с Дорием, но выглядели так, словно они не знают, что делать и нужно ли вообще что-нибудь делать.

- Но у вас нет прав задерживать этих добрых людей! - настаивал глава деревни.

- Властью, данной подписанными соглашениями между Кеджаном и Собором, у нас есть все права, какие нам нужны или желательны! - ответил надменно главный стражник. Затем добавил, обращаясь к человеку Тиберия. - В свете этого, полномочия вашего капитана передаются нам! Вы подчиняетесь всем приказам Собора, и первый приказ - отвести вашего главу в его казармы и заключить его там!

Один из местных попробовал протянуть руку к Дорию:

-Что мы должны...

-Я не двинусь с места!- настоял Дорий.

-Тогда, если это неповиновение, у меня не остаётся выбора, кроме как поручить некоторым из моих людей разобраться с вами... А затем и с ними.

Глава посмотрел на грозных воинов, затем на свою собственную стражу. Покачав головой, он неохотно повернулся и повёл последних прочь.

С отступившим Дорием и отсутствующим Тиберием – Мендельн теперь подозревал, что капитана ударила одна из молний – судьба брата Ульдиссиана и остальных была всецело в руках стражи инквизиторов Собора. Мендельн не питал такого же отвращения к секте, но в данный момент он не мог представить судьбы для невинного человека хуже той, которая теперь ждала его. Наверное, воины представляли всё это как результат использования магии – заявление, которое даже Мендельн не мог полностью исключить. Определённо, разумного объяснения тому, что произошло, не было.

-Вступить в круг!- проревел один из тех, кто пленил его.

Мендельн поплёлся к остальным. Те немедленно стали расступаться перед ним в страхе, подталкивая вперёд своих товарищей. Даже те, кто знал его с детства, смотрели на Мендельна, словно на изгоя.

Вернее, *брата* изгоя.

-Это он,- сказал тот же стражник, который подтолкнул сына Диомеда вперёд.

Мендельн повернулся лицом к стражнику, который, хотя и был на пару дюймов короче фермера, с лёгкостью взирал на него свысока. Широкое, грубое лицо больше подошло бы бандиту, чем представителю святого ордена.

-Брат еретика и волшебника, не так ли?- спросил главный стражник тоном, который не требовал от Мендельна ответа. - Где Ульдиссиан уль-Диомед? Ответь сейчас же, и сможешь избежать его участи!

-Ульдиссиан ничего не сделал!

-Его вина доказана, его мастерство в нечистом искусстве не подлежит сомнению! Его душа потеряна, но твоя ещё может заслужить прощение. Просто выдай его нам!

Слова казались Мендельну полной чушью, но стражник, очевидно, верил во всё, что говорил. Не боясь наслать проклятья на свою душу, Мендельн решительно покачал головой.

-Тогда мы начнём с тебя... И остальные здесь, все, кто братается с еретиком, будут учиться на твоём примере!

Так же быстро, как они подтолкнули его к другим, стражники вытащили Мендельна из толпы. Они отвели его на открытое место. Когда фермера заставили опуститься на колени, он увидел, как главный страж подошёл к своей лошади, чтобы взять там длинный, плетёный бич, свернутый и прикреплённый к седлу. Стражник развязал петлю, связывающую бич, позволяя зловещему оружию вытянуться в полную длину. Он один раз опробовал бич – щелчок заставил Мендельна содрогнуться сильнее, чем сильнейший гром.

С твёрдой решимостью на лице главный страж вернулся назад к Мендельну, который плотно закрыл глаза и приготовился к пытке.

Это простое совпадение. Вот и всё. Простое совпадение.

Но когда Ульдиссиан посмотрел в сторону Серама, острое сомнение стало жечь его изнутри. Он снова вспомнил, как ужасно выглядела лодыжка Лилии... И как несколько мгновений спустя она уже казалась нетронутой. Страшная буря налетела на деревню сразу, как только брат Микелий начал его обвинять. Каковы шансы, что молния попадёт так точно?

«Совпадение!- продолжал Ульдиссиан повторять про себя.- И только!»

Но даже он не был полностью в этом уверен.

Фермер продолжал стоять на одном месте, не в силах решить, что делать дальше. А затем, неожиданно-негаданно, в его мысли проник так хорошо ему знакомый облик.

Облик Мендельна... И вместе с ним возникло чувство безотлагательности, ощущение надвигающейся угрозы.

С беззвучным криком Ульдисиан устремился в Серам.

-Ульдисиан!- позвала его Лилия.- В чём дело?

-Мой брат! Мендельн...- вот и всё, что он мог сказать. Необходимость добраться до деревни скорее, чем что-нибудь ужасное произойдёт с Мендельном, затмила всё прочее. Ульдисиан не задумывался о том, как он узнал, что его брат в опасности. Главным было уберечь Мендельна от беды, пусть даже ценой нового плена.

Неожиданно кто-то возник перед ним. Ульдисиан приготовился дать отпор... А затем узнал Ахилия и Серентию.

-Ульдисиан!- выпалила дочь торговца.- Какое счастье, что с тобой всё в порядке!

Лучник тоже начал говорить, но, хотя он и был рад видеть их, Ульдисиан не замедлил. Он чувствовал, что времени нет. Не извиняясь, фермер миновал пару, и каждый неистовый удар его сердца кричал о том, что нужно поторопиться.

Вот стало видно окраину деревни. Его надежды возросли.

Но потом эхо донесло до него резкий звук щелчка, который заставил сердце Ульдисиана обливаться кровью.

Со сжатыми зубами, с остатками уже прерывающегося дыхания сын Диомеда влетел в Серам.

То, что он там увидел, переполнило его отвращением и яростью. Он увидел, как многие его товарищи собраны в груды, словно скот, как страх и смятение отражаются на их лицах. Мрачные стражи инквизиторов направили на них своё оружие.

Но гораздо, гораздо худшим было то, на что смотрела деревня. Подле разрушенного колодца главный страж инквизиторов поставил на колени Мендельна. Другой закованный в броню стражник следил за тем, чтобы брат Ульдисиана не мог встать. Кто-то оторвал заднюю часть туники Мендельна, и теперь на его спине красовались длинные красные полосы.

Красные полосы, оставляемые длинным бугристым бичом главного стража.

Наконец офицер заметил Ульдисиана, затем поднял бич для очередного удара.

-Сдавайся, Ульдисиан уль-Диомед, или твоему брату придётся страдать дальше!

Нелепый смысл этих слов, настаивающих, что виной Ульдисиана будет, если Мендельна снова ударят, только ещё больше разъярил фермера. Ему хотелось хлестать их так же, как они осмелились хлестать его брата...

Бич во всю длину вытянулся над офицером, словно подхваченный внезапным порывом ветра. Испуганный, страж потянул за него, пытаясь вернуть его вниз, но переплетённая нить вместо этого обкрутилась вокруг его шеи.

Он попытался снять её, но бич внезапно затянулся. Глаза офицера расширились, он освободил руку из захвата, чтобы попытаться сорвать бич двумя руками. Отрывистый звук излетел из него.

Ближайший к Мендельну стражник бросился помогать своему командиру, одновременно пытаясь вложить в ножны своё оружие. Но его рука внезапно повернулась, и клинок оказался над ножами. Каким-то образом клинок отклонился и погрузился в тело прямо под нагрудником.

Прикрыв рану ладонью, так что кровь стала сочиться сквозь пальцы, ошеломлённый стражник натолкнулся на офицера, у которого глаза лезли из орбит и который в отчаянии хватал смертельную петлю на своей шее. В конце концов, раненный стражник рухнул рядом с Мендельном, который отпрянул в потрясении. Секунду спустя офицер испустил последний вздох и присоединился к нему. Бич остался затянутым вокруг его горла.

-Ульдисиан!- крикнула Лилия откуда-то сзади.- Берегись остальных!

Он огляделся по сторонам и увидел, что оставшиеся стражники инквизиторов подбираются к нему. Какой-то части Ульдисиана захотелось бежать, но его ярость всё ещё преобладала. Он взглянул на вооружённых людей, которые злодействовали во имя своих святых сект.

Один из них запнулся. Меч в его руке повернулся...

Край его лезвия мастерски перерезал горло соседнему стражнику, тот издал булькающий звук и упал. Упав, он выронил своё оружие, которое каким-то образом пронзило ступню другого стражника. Этот стражник перекрутился, а потом полетел на землю вниз головой. Был слышен хруст, и инквизитор замер с головой, лежащей под странным углом.

Но теперь остальные стражники окружили Ульдиссиана, и он смотрел на них, как на паразитов, которые хотели сожрать его растения. Для фермера они были именно этим. Фермер вспомнил, как однажды они заполонили одно хранилище с зерном. Он сделал единственное, что могло помешать существам распространиться. Он *сжёг* хранилище, сжёг вместе с паразитами...

Сжёг их...

Передний стражник закричал. Он выронил меч и в ужасе уставился на свои руки, которые стали чернеть у всех на глазах. Не успел он сделать и вдоха, как плоть полыхнула, мускулы и сухожилия обратились в пепел. Даже кости чернели всё больше и больше, пока не осталось *ничего*.

Потом со стражником произошло то же, что и с его рукой. Его лицо сморщилось, а тело стало трястись, даже его броня стала тускнеть, словно была брошена в яму с пылающим углём. Он закричал, но крик его прервался, когда его язык рассыпался пеплом.

Затем исчезли глаза, оставив после себя лишь жуткие отверстия. Рассыпающаяся чёрная фигура обращалась в груды костей, которые продолжали дымиться, пока не обращались в прах.

Его товарищи не успели ужаснуться его судьбе, потому что тут же разделили её. Их короткие крики были пронзительны, их смерть знаменовал лязг пустой брони и выпавшего оружия.

Только после того как все они обратились в пыль, разум вернулся к Ульдиссиану... Он уставился на чудовищную картину, которую даже сейчас не мог до конца связать с собой. Но фермер не мог и отрицать того яростного побуждения, которое пронизало его насквозь, побуждения, которое он направил на несчастных людей.

Неестественная тишина нависла над Серамом. Наконец Ульдиссиан оторвал взгляд от ужасных останков и посмотрел на своего брата, который стоял в нескольких шагах от него. Дыша с трудом, очевидно, всё ещё чувствуя боль после ударов жёсткой плети, Мендельн смотрел с изумлением на своего старшего брата.

-Ульдиссиан,- в конце концов сумел он прошептать.

Но Ульдиссиан теперь смотрел не на Мендельна, а дальше, где остальные жители деревни стояли тесной группой, несмотря на то, что пленившие их люди были мертвы. В их глазах фермер увидел не облечение, но ужас.

Ужас, вызванный им...

Ропот возник внутри группы. Когда Ульдиссиан протянул руку в их сторону, они все, как один, отодвинулись.

Тогда Ульдиссиан тоже сделал шаг назад. Он посмотрел вокруг и увидел, что другие жители выбирают из своих убежищ. Те, кого он знал с детства, теперь смотрели на него точно так же, как недавние пленники.

Я ничего не *делал*...- пробормотал он скорее себе, чем остальным.- Я *ничего* не делал,- заявил сын Диомеда громче.

Но он знал, что люди Серама считают по-другому. Теперь они верили, что это он убил обоих проповедников. Как могло быть иначе? У них на глазах одного человека ударила молния, другой был пронзён своим собственным оружием, остальные были перебиты страннейшим образом.

Ульдиссиан заметил Тибиона. Он вышел вперёд к владельцу «Кабаньей головы». Старик был почти как отец ему со времени смерти Диомеда. Тибион по крайней мере мог рассудить здраво...

Дородный Тибион подался назад с каменным выражением лица, за которым он пытался скрыть отвращение и тревогу. Он молча качал головой.

Кто-то потянул Ульдиссиана за рукав. Мендельн. Морщась от боли, брат прошептал:

-Ульдиссиан... Пошли отсюда. Скорее!

-Я должен заставить их рассудить здраво, Мендельн! Они не могут верить...

-Они *верят*. Думаю, даже я верю. Это не имеет значения! Посмотри вокруг! Ты больше не Ульдисиан для них. Ты – злодей, каким тебя назвал верховный инквизитор Собора! Только это они видят!

Плотно сдвинув брови, Ульдисиан смотрел по сторонам. Всё та же злоба на лицах.

Снова объявился Дорий... И Тиберий вместе с ним. Рука капитана была перевязана, на его правой щеке виднелся глубокий порез. Позади них шли люди, которым было приказано запереть главу в его собственных казармах.

Наконец заговорить с Ульдисианом решился Тиберий:

-Стой на месте. Больше никаких проклятых штук, Ульдисиан, заложи руки за спину...

-Всё это не я!- настаивал фермер, зная, что его протест снова останется не услышанным.- Вы просто должны выслушать меня...

-Лучники на позициях,- с беспокойством вмешался Дорий.- Ульдисиан, пожалуйста, будь благоразумен...

Фермер затрясся. Никто не выслушает его. Его окружало безумие. Они видели в Ульдисиане убийцу, чудовище.

Отвлечённый бурей чувств внутри себя, он едва заметил, как Тиберий лёгким движением подал знак. Слова главы живо встали перед ним. Лучники. Те, кто когда-то были его друзьями, теперь готовы были скорее убить его, чем войти в его затруднительное положение.

Нет!- закричал Ульдисиан.- Нет!

Земля затряслась. Люди стали валиться на землю. Какой-то свист коснулся его ушей.

Когда дрожание охватило Серам, рука потянула Ульдисиана прочь. Но это была рука не Мендельна, а Лилии.

-Это единственная возможность! Идём!

Не будучи способным – и не желая – больше думать, он позволил ей вывести его из деревни. Хотя те, кто был вокруг, судя по всему, не могли следовать за ними с той же скоростью, ни фермер, ни благородная дева не испытывали никаких трудностей.

Кто-то выкрикнул его имя. Несмотря на усилия Лилии, Ульдисиан оглянулся и увидел Мендельна на четвереньках. Его брат пытался пойти за ним, но испытывал те же проблемы, что и остальные в Сераме.

Не обращая внимания на протесты Лилии, он возвратился за Мендельном. Мендельн схватил протянутую руку и внезапно обнаружил, что может подняться на ноги. Крепко держа его за руку, Ульдисиан вывел своего брата из хаоса деревни.

-Лошади!- крикнул Мендельн, перекрывая шум.- Нам нужны лошади!

Ульдисиан хотел было возразить, что у них нет времени позаботиться хотя бы об одной лошади, не говоря уже о пяти, но внезапно перед ними проскакала лошадь. За ней бежало ещё несколько, на всех были седла Собора Света. Они поскакали прямо к лесу... Прямо в руки ожидавшего их Ахилия.

Умеющий обращаться с животными, охотник легко изловил трёх из них. Серентия ухитрилась поймать ещё одну, но пятая убежала.

Ульдисиан остановился рядом с охотником, лучшие друзья поглядели друг другу в глаза.

-Нам надо уезжать подальше отсюда,- наконец сказал Ахилий, передавая поводья двух лошадей фермеру.- И оставаться там, пока они не придут в себя.

Но оба мужчины знали, что это никогда не произойдёт. Ахилий и Серентия, да, могли вернуться, и сделали бы это, если бы фермеру было куда идти. Что касается Ульдисиана и, исключительно из-за кровной связи, Мендельна, то им придётся попрощаться со своим домом навсегда.

-У нас только четыре лошади,- выдохнула дочь торговца.- Ульдисиан, мы могли бы...

-Я поскачу с тобой, Ульдисиан,- вмешалась Лилия.- Пусть она берёт другую лошадь.

Серентия была готова спорить, но Ульдисиан в ответ на слова благородной девы уже вернул одни поводья. Ахилий тут же протянул их Мендельну, который смотрел на поводья, словно это были змеи.

-Забирайтесь на лошадей!- поторопил лучник.- Похоже, дрожание ослабевает!

И точно, в Сераме всё понемногу затихало. Ульдисиану стало интересно, возобновится ли дрожание с новой силой, если он захочет, но затем он проклял себя за подобные мысли. Независимо от того, был он виновен или нет, многие люди уже пострадали, некоторые даже были убиты. Желать дальнейшей опасности для них было, по его мнению, не менее ужасно, чем совершить преступления, в которых его обвиняли.

Он посмотрел на тех, кто был возле него. Из их всех Серентия была самой невинной. Конечно, по крайней мере она может вернуться прямо сейчас, а не после.

-Серри! Возвращайся в деревню! Никто, наверное, не видел тебя! Возвращайся к своему отцу и братьям...

Она посмотрела на него непокорным взглядом.

-Нет, пока я не буду уверена, что ты в безопасности!

К удивлению Ульдисиана, Ахилий занял её позицию, а не друга.

-Ей следует ехать с нами, пока всё не утрясётся. Ну всё, хватит болтать!

-На юго-восток!- провозгласила Лилия ни с того ни с сего.- Едем на юго-восток! Там будет безопаснее всего!

Не знакомый с теми местами, Ульдисиан посмотрел на охотника, но Ахилий только пожал плечами. Ему доводилось быть от Серама не дальше, чем его товарищам.

Лилия наклонилась к уху Ульдисиана, её дыхание было тёплым и побудительным.

-Верь мне,- прошептала она.- Юго-восток.

-Ну что, на юго-восток!- пробасил он остальным.- Подальше от этого безумия...

С благородной девой, обвинившей руки вокруг его пояса и положившей голову ему на спину, Ульдисиан ульд-Диомед подстегнул коня. Позади него ехали остальные, Ахилий замыкал группу.

«Всё разрешится само собой,- убеждал фермер себя.- Всё разрешится само собой». Каким-то образом всё встанет на свои места, и он сможет начать новую жизнь, хотя, пожалуй, не поблизости от Серама. Его связи с другими жителями деревни оборваны навсегда. Он больше никогда не сможет доверять им, точно так же, как они не смогут доверять ему. Обвинения и воспоминания будут всегда витать в воздухе.

Но Ульдисиан может начать всё заново где-нибудь в другом месте, забыв обо всём, что случилось в Сераме. Всё, что нужно фермеру,- это хороший кусок земли да крепкие руки. У него есть и то, и другое. Он может построить новый дом, быть может, достаточно просторный для семьи. Лилия пожертвовала многим ради него. Он должен что-нибудь да значить для неё, несмотря на различия в положении. Вместе они смогут оставить прошлое позади, чтобы построить новое будущее.

Если Собор и Храм позволят им, так тому и быть...

Глава шестая

Этой ночью они остановились на краю холмистого участка, откуда вдалеке можно было разглядеть кусок огромных джунглей, окружавших более освоенные центральные регионы Кеджана. Для Ахилия было естественным тут же начать охотиться. Мендельн занялся костром, а Серентия, Лилия и Ульдиссиан разошлись недалеко в разных направлениях в поисках воды и съедобных ягод. Довольный тем, что можно отвлечься от мыслей о своём затруднительном положении, блуждающий фермер забрёл дальше, чем они условились, безмолвие холмистого леса помогло впервые за многие дни почувствовать душевный покой. В самом деле, Ульдиссиан так наслаждался тишиной, что позабыл, зачем он сюда пришёл.

Внезапно его покой был нарушен шелестом листьев. Ульдиссиан инстинктивно потянулся за ножом, который он уже давно потерял.

Но, когда он осознал свою ошибку, к нему уже вернулось самообладание. Сердце застучало быстрее, но не от страха, а от удовольствия.

-Просту прощения,- прошептала Лилия, глядя на него.- Я сама испугалась! Я... Я хотела быть с тобой, Ульдиссиан...

Кровь помчалась по его телу, когда она положила свою руку цвета слоновой кости на его руку. Рассеянный листвою лунный свет коснулся её глаз, и оттого они засветились, почти как сами звёзды.

-Тебе нечего бояться,- заверил он её, наслаждаясь прикосновением.- Завтра будет лучше. Вот увидишь.

Благородная дева улыбнулась.

-Как странно слышать, как *ты* пытаешься утешить *меня*! Это твоя жизнь под угрозой, Ульдиссиан...

-Теперь мы далеко от Серама. Они забудут обо мне,- это была неприкрытая ложь, но фермер понятия не имел, что ещё сказать.

-Нет, не забудут. Я думаю... Ульдиссиан, есть только один способ сделать так, чтобы нам не пришлось бежать бесконечно. Я начинала говорить об этом раньше, и теперь, когда я увидела твои чудесные возможности, я думаю об этом больше, чем когда-либо.

Ему не нравилось, куда она клонит.

-Лилия...

-Пожалуйста...- вдруг златокудрая благородная дева поцеловала его. Поцелуй был долгим, неспешным и наполнил Ульдиссиана желанием.

-Мы должны отправиться в сам великий город,- сказала она, когда они разомкнулись.- Ты должен обратиться к людям! Не к магическим кланам или знати, но к *простому* народу! Они поймут тебя...

Он издал резкий смехок.

-Моя родная деревня не поняла меня! Они посчитали меня каким-то жутким чудовищем!

-Это из-за ужасных обстоятельств, Ульдиссиан! Если ты пойдёшь в город, ты начнёшь с самого начала! Тебе дан самый невероятный дар! Им нужно об этом рассказать!

-И что я должен проповедовать им? Поклоняться мне, как какому-нибудь богу или духу, а не то я разорву их на части, как людей Собора? Что я могу дать им кроме страха и отвращения?

Её лицо сделалось торжественным. Она пристально посмотрела ему в глаза.

-Ты можешь пообещать им, что они станут такими же, как *ты*! Стать большим, чем Собор или Храм могут посулить им!

-Стать такими же, как я?- фермер с трудом верил своим ушам. Она что, с ума сошла?- С чего бы им захотеть стать такими же, как я? Чтобы страдать, как я? Раз уж на то пошло, то я до сих пор не знаю точно, верю ли я во всё это...

Лилия приложила палец к его губам.

-Тогда проверь это снова. В последний раз. Здесь и сейчас.

-Прове...

-Окончательное доказательство.- Она огляделась вокруг.- Вот здесь. Кое-что маленькое, но значительное. И наглядное.

Благородная дева подвела его к кусту, одному из тех, какие они разыскивали. Но этот куст был высохшим, и на нём, помимо сморщенных листьев, имелось лишь несколько съёжившихся ягодок.

-И что я должен сделать?- проворчал Ульдиссиан с тревогой.

-Прикоснись к нему. Представь, что ты хочешь от него. Вот и всё.

Он вспомнил последний раз, когда он сделал так, как она просила его. До сих пор под вопросом было, что тогда произошло. Хотя, здесь...

Но он не мог отказать ей. «Представь, что ты хочешь от него» - сказала Лилия. Ульдиссиан нервно пожал плечами. Что он *может* хотеть от куста кроме нескольких свежих ягод? Но растение было слишком старо для этого и, по сути, уже умирало. Вот если бы оно было моложе, полно жизни, то наверняка оно предложило бы им ягод в изобилии.

Он слегка коснулся пальцами сухого куста. Листья и ветки были ломкими. Растение не умирало – оно было мертво.

Не было смысла продолжать.

-Лилия...

Она мягко положила свою руку на его, не давая отнять её от мёртвого куста.

-Пожалуйста... Ещё всего один раз.

Несмотря на сомнения, он не желал ничего сильнее, чем доставить ей удовольствие. Всё ещё держа её руку на своей, сын Диомеда подумал о кусте и о сочных, зрелых плодах, которые он был бы рад собрать. Столько, чтобы хватило накормить их всех. После всех невзгод, которые он и остальные претерпели, частично из-за этих предполагаемых «сил», это было меньше, о чём он мог просить...

С прерванным вздохом Ульдиссиан внезапно отнял свою руку от куста.

На этот раз, в отличие от укрощения бури в Сераме, между желанием и его результатами не было задержки. Даже в тусклом лунном свете превращение, которое он теперь наблюдал, нельзя было перепутать с чем-нибудь обыденным.

Куст расширился в несколько раз по сравнению со своим высушенным состоянием и теперь был покрыт сочными листьями. Из нескольких сухих ягод родились в изобилии свежие и крупные. Они не ограничивались, впрочем, ягодами, характерными для этого куста: Ульдиссиан легко мог насчитать полдюжины различных разновидностей. Цветки усеяли омоложенное растение, наполняя воздух приятным ароматом.

По сравнению с бурей это превращение было малым, но для фермера оно навсегда похоронило все сомнения в том, что он владеет силами за пределами его воображения.

И вот это самое осознание заставило его дрожать, как никогда прежде, даже когда он столкнулся лицом к лицу со стражами Собора.

-Почему тебя так трясёт?- спросила Лилия, обходя его.- Смотри!- красивая благородная дева протянула руку и сорвала несколько ягод. Они закинула их себе в рот и с аппетитом съела. Её глаза расшились от удовольствия.- Восхитительно!- заключила Лилия.- Попробуй сам!

Прежде чем он успел отказаться, она оторвала ещё несколько ягод и поднесла к его губам. Не отрывая от него взгляда, она прислонила лицо к его груди.

Ульдиссиану ничего не оставалось, кроме как принять подношение. Лилия вложила ягоды ему в рот, её пальцы задержались там на мгновение.

-Попробуй, - повторила она, - медленно вынимая свою руку.

Ульдиссиан никогда не пробовал ничего подобного. Каждая ягода сама по себе была сокровищем, приятным, как приятнейшее вино...

-Силы внутри тебя должны бояться только те, кто завидует тебе! Когда другие увидят, какую пользу она приносит, они поймут... И тогда... Тогда ты сможешь учить их....

-У... Учить их?

-О чём я раньше говорила! Помочь им увидеть в себе способность стать такими же, как ты! Показать им, что они не должны прислуживать магическим кланам, храмам или соборам! Дать им знание, что внутри каждого из них есть величие, недоступное любому из притворных пророков или священников... - она остановилась. - Я знаю, о чём говорю, любовь моя. Ты *можешь* показать им путь... Я знаю! Смотри... Смотри...

Благородная дева потянулась к одному из цветков и мягко тронула его кончиком указательного пальца.

И изнутри цветка появился маленький стебелёк, увенчивающийся овальной ягодкой. Ягодка быстро надулась, затем разорвалась, выпуская маленький, завитой цветик. Он, в свою очередь, полностью распустился. На глазах у Ульдиссиана возник такой же цветок, какой был в начале.

-Сработало! Я знала! Я чувствовала! - голос Лилии звучал музыкой. - Я почувствовала это сразу же, как только ты вылечил меня, словно ты пробудил силу внутри меня! Это немного по сравнению с тем, что сделал ты, но это кое-что... - она повернулась к нему, её голос обрёл оттенок решимости. - Ты разбудил это во мне, любовь моя! Значит, ты можешь сделать то же самое и с другими! Ни один лжепророк не сможет наполнить их уши ложью после того, что ты сделал! Ни один больше не даст пустых обещаний, бесполезных надежд! И всё благодаря тебе!

Её слова кружились вокруг него, пугающие... И в то же время пленительные. В своей голове он заново переживал смерти своих родных и то, как после неумные священники приходили извлечь выгоду из его скорби. Его волнение и страх снова вылились в гнев.

Лилия притянула его лицо к своему, её губы были едва ли в дюйме от его собственных.

-Сколько ещё таких, кто страдает, как ты, мой дорогой Ульдиссиан? Ты можешь сделать так, чтобы этого больше не происходило!

Больше никаких священников. Никакого Храма. Никакого Собора Света. Люди будут полагаться только на самих себя, вести сами себя...

Сын Диомеда улыбнулся. Ему нравилась такая перспектива.

-И я... - выдохнула Лилия. - Я всё время буду рядом с тобой. Ты и я вместе, всегда... *Едины*.

Она наградила его долгим и томительным поцелуем... Затем положила его на мягкую землю...

Серентия свалила свою скудную добычу на небольшой настил рядом с костром. Большую часть ягод трудно было назвать съедобными, а всё же это было лучше, чем ничего. Она также нашла несколько съедобных корешков.

Мендельн стоял напротив неё и смотрел в темноту за пределами лагеря. Ахилия он не поджидал так скоро, но Ульдиссиан и Лилия уже должны были вернуться – и он и Серентия это знали. Но если Мендельн волновался только за безопасность брата, то переживания дочери торговца были куда как более запутанны.

-Она с ним, - прошептала Серентия, и тон её выдавал чувство, которое Мендельн всегда находил неудобным. Девушки в Сераме никогда не проявляли к нему интереса, и он, в свою очередь, не мог выяснить, как это изменить.

-Возможно, что так, - он попробовал сменить тему. - Я надеюсь, Ахилий поймает хотя бы одного кролика. В седельных мешках стражников было совсем немного сушёной еды.

-Я волнуюсь за него, Мендельн, - продолжала она. - Когда эта женщина с ним, он перестаёт слышать голос разума.

-Нет, что ты. Я хорошо знаю своего брата.

Серентия резко встала, и её собеседник от удивления непроизвольно отступил назад.

-Стоит ей шепнуть ему на ухо, и он следует за ней, словно щенок!

-Любовь способна на такое,- ответил он, прежде чем сообразил, что говорит. К его ужасу Серентия посмотрела на него так, словно он только что вонзил кинжал ей в сердце.- Я только хотел сказать, что...

К счастью, его бормотание было прервано прибытием не Ульдисиана, но Ахилия. Охотник нёс двух кроликов и птицу в левой руке, на лице его сияла улыбка, которая быстро испарилась, когда он заметил выражение лица Серентии.

-Серри... Что такое?- Он посмотрел из-за её плеча на Мендельна, и испепеляющий взгляд дал брату Ульдисиана почувствовать, что он будет следующей добычей на охоте Ахилия.- Ты *рассказал* ей? Мендельн! Как ты мог? Серри, я очень сожалею о том, что случилось с твоим отцом...

Мендельн махнул было ему рукой, чтобы он замолчал, но было слишком поздно. Теперь ужасное выражение, которое она сосредоточила на сыне Диомеда, переметнулось к охотнику.

-А что с моим отцом?

Ахилий вдруг пошёл к Мендельну, словно не слышал её:

-Мендельн, ну-ка, помоги мне приготовить это! На готовку их уйдёт некоторое время, так что лучше нам работать быстро...

-Ахилий!- дочь Сайруса обошла костёр и встала между двумя мужчинами.- Что случилось с моим отцом?- она посмотрела на брата Ульдисиана.- Ты тоже знаешь?

-Серентия, я...

Её раздражение только росло.

-Что-то случилось с ним! Я хочу знать, что именно!

Забыв про свою добычу, охотник схватил её за плечи. Мендельн хотел сделать то же самое, но, как всегда случалось в обращении с женщинами, он изначально оказался на секунду позади другого мужчины.

-Серри...- всё веселье, какое обычно излучал Ахилий, бесследно исчезло.- Серри... Сайрус мёртв.

-Нет... Нет... Нет...- она неистово качала головой.

-Это правда,- подтвердил Мендельн как можно осторожней.- Это был... Несчастный случай.

-Как?

Брат Ульдисиана колебался.

-Часть крыши оторвало ветром...

Темноволосая девушка посмотрела вниз.

-Ветер...

Мендельн боялся, что она станет обвинять Ульдисиана, но вместо этого Серентия снова села к огню. Положил лицо на ладони, она начала плакать.

Ахилий первым подошёл к ней. Лучник приобнял её одной рукой в знак утешения. В его выражении лица и действиях не было ничего, кроме сочувствия и участия. Мендельн знал, как сильно Ахилий заботится о Серентии – больше, чем кто бы то ни было, включая его самого. Определённо иначе, чем Ульдисиан, который так и не перестал видеть в ней маленькую девочку, следующую за ним по пятам.

Достаточно зная Серентию, Мендельн жалел охотника. Перед ним была единственная цель, которую при всём своём умении он не мог добыть.

Чувствуя себя неловко, Мендельн улизнул из лагеря. Ахилий принёс достаточно еды, и, когда всё уляжется, они смогут начать её готовить. Сейчас он хотел только одного – оставить Серентию на попечение охотника.

Нет, он оставил дочь Сайруса Ахилию не потому, что не уважал её. Уходя во тьму леса, Мендельн знал, что делает

это скорее ради спокойствия своего собственного рассудка. Что он мог сказать Серентии... Что её отец звал её после того, как умер? Что он может поклясться, что видел, как Сайрус стоял над останками своего собственного тела?

Прислонившись к дереву, Мендельн попытался разобраться, что с ним происходит. Потери сознания, грязь на руках, теперь вот ещё голоса и видения – всё указывало на сумасшествие.

В то же время то, что он наблюдал вокруг своего брата, тоже можно было назвать сумасшествием. Немудрено, что Ульдиссиан именно так и подумал.

И было ясно, что Ульдиссиан ошибся. Мендельн являл собой доказательство этого. Жестокого шрама, оставленного бичом, больше не было. Рана излечилась, вероятно, во время бегства братьев из Серама. Во всяком случае, к тому времени, когда они остановились на ночь, от неё не осталось и следа.

Хотя ночной воздух был прохладным, Мендельн чувствовал, как по его лицу стекает пот. Вытирая его, он попытался успокоиться. Его брат нуждался в нём, как никогда. Он должен думать только об этом. Только об...

За ним наблюдали.

Мендельн развернулся вправо и в этот же миг мельком заметил фигуру в чёрной мантии и чём-то, похожем на странную пластинчатую броню. Лицо было полностью скрыто огромным капюшоном.

Затем, как и в случае с тенью Сайруса... Фигуры не стало.

Для него это было слишком. Развернувшись к лагерю, Мендельн побежал.

Огромная тень отделилась от деревьев, приземляясь на четыре конечности перед фермером. Даже припавшее к земле, оно почти доставало до плеч Мендельну, в полный же рост оно превышало Мендельна более чем наполовину.

Нечто открыло свой рот, очень похожий на лягушачий. Тусклый свет луны не мог укрыть от человека несколько рядов заострённых зубов и толстого, то и дело высовываемого языка. Выше полдюжины чёрных сфер блестели в своём собственном нечестивом свете.

-М-я-я-я-я-я-с-о-о-о...- проскрежетало оно, вытягивая два отростка, оканчивающихся острыми когтями длиной с человеческую руку. Позади чудовища толстый хвост радостно бил по земле. -И-и-и-и-и-д-и-к-о-о-о-о-м-н-е-е-е-е-е, м-я-я-я-я-я-с-о-о-о-о-о...

Мендельн не собирался подчиняться, но у его тела, как выяснилось, были другие, более ужасные намерения. Сперва одна нога, затем вторая, медленно, неумолимо тянули его к ожидающим его когтям демона.

Ему в нос бросилась такая вонь, словно мертвечина разлагалась на протяжении ста лет. Нечто ждало, пока он приблизится. Оно уже могло перерезать ему горло или распотрошить его, но, судя по частому дыханию, оно наслаждалось страхом, каким наполнялась его жертва.

Мендельн хотел закричать, но не мог. Тем не менее, когда существо нависло над ним, роняя текущие из глотки слюни, в голове у Мендельна промелькнул образ со знакомыми ему символами.

Это были те символы, что были выбиты на древнем камне, к которому его привёл Ахилий, вперемешку с несколькими другими. Странное дело, но, тогда как раньше он не мог извлечь из них никакого смысла, теперь Мендельн знал, как произнести каждый из них.

Что он по наитию и сделал.

Гигантское существо внезапно издало рык смятения. Оно подалось в сторону от Мендельна, глядя позади него. Оно сделало выпад, и отросток с когтем пронзил воздух прямо рядом с ошеломлённым человеком. Чудище с шумом втянуло воздух. Очевидно, его настроение резко испортилось.

Только тогда фермер наконец понял, что демон ослеп...

Мендельн также осознал, что снова может управлять своими движениями. Не собираясь испытывать судьбу, он осторожно перешёл на противоположную от чудовища сторону. Чудище развернулось, но не туда, где теперь стоял он. Задержав дыхание, Мендельн сделал ещё один шаг в сторону.

Должно быть, он наделал шуму, потому что демон повернулся к нему и рассёк воздух одной огромной лапой. Хотя Мендельн двигался так быстро, как только мог, кончик одного из когтей задел рукав его одежды. Он беспомощно перекутился и упал на землю. В то же время его разум по какой-то причине запротестовал против

[illegible]

Ахилий издал бурчащий звук, затрясся и упал на колени. Мендельн осторожно поднялся, не до конца уверенный в том, что чудовища больше нет. Наконец он подошёл к Серентии и осторожно осмотрел порезы. Они были ужасно глубокими, но она хотя бы была жива. Впрочем, только пока, и неизвестно...

Дело было в выражении лица Ульдиссиана, выражении, которое Мендельн не мог прочесть, но которое каким-то образом заставляло его почувствовать себя более незначительным, чем когда бы то ни было. Когда его брат опустился на колени перед Серентией, Мендельн непроизвольно подался назад, словно был недостойн находиться близко в такой момент.

По-видимому, не заметивший реакции брата Ульдиссиан поместил свои руки ладонями вниз примерно в дюйме от разрезанной спины Серентии. Затем он посмотрел на раны, в то время как Мендельн наблюдал за ним с любопытством и недоумением.

И прямо на глазах у младшего брата каждое из ужасных алеющих ранений излечивалось само по себе. Сначала сходились края, словно прошиваемые невидимой нитью и иглой. Затем сами разрезы быстро затягивались, зачастую из пореза футовой длины превращаясь в едва заметный рубец меньше, чем за три удара сердца Мендельна.

Слабый стон слетел с её губ. Она начала двигаться. Удовлетворённо кивая, Ульдиссиан отступил назад, его внутренний свет погас.

Естественно, именно Ахилий догадался снять свою собственную рубашку и прикрыть ею Серентию, когда она начала приподыматься. В это время Мендельн стоял, глядя на брата.

-Разумеется, то, что должен был сделать.- Ульдиссиан посмотрел на него так, словно Мендельн спросил, почему саженцы нужно поливать.

-Но... *Как?*- младший сын Диомеда покачал головой.- Нет, не это я хочу спросить... Ульдиссиан... Всё, что произошло в Сераме... Это *был* ты?

-Судя по всему,- он кивнул в сторону кургана, который остался от омерзительного создания.- И это я тоже не стану отрицать.

-Что это было?- спросил отрывисто Ахилий, всё ещё держа ошеломлённую Серентию.- Эти когти... И эти глаза...

Лилия ответила на этот вопрос. Лилия появилась позади Ульдиссиана почти так же внезапно, как он незадолго перед этим. Благородная дева собственнически обвила руки вокруг брата Мендельна и сказала:

-Очевидно, это убийца, которого искали в Сераме. Тот злодей, который убил двух проповедников. Кто же ещё?

Ульдиссиан, Ахилий и Серентия тут же приняли эту версию на веру, и даже Мендельн должен был признать, что ответ довольно-таки очевиден. Определённо, состояние трупа одного из прислужников легко можно было объяснить этими ужасными когтями. Существо также было умно, оно даже говорило с лёгкостью по-человечески. Конечно же, оно заворожило жертв своим взглядом, а затем проделало свою грязную работу. А ещё оно передвигалось с невероятной быстротой, что объясняло короткий временной промежуток между

убийствами.

И всё же он не был до конца убеждён. Если точнее, что-то ещё в отвратительном порождении не давало ему покоя.

-Но как оно оказалось здесь? Мы далеко от Серама.

-Ну конечно же, оно шло за Ульдиссианом! В конце концов, все считают его виноватым. Если бы оно убило его, не осталось бы тех, кто подозревает о его гнусном существовании!

Ещё одно разумное объяснение, но почему-то Мендельн не мог представить, что существо преследовало Ульдиссиана так далеко только для этого. Ни кто-либо из деревни, ни верховный инквизитор ни на миг не предположили, что вина лежит на таком необычайном чудовище. Все думали об убийце как о человеке, и многие предполагали, что это Ульдиссиан.

Кое-что ещё пришло на ум.

-Оно звало кого-то,- выпалил он.- В самом конце, оно позвало кого-то.

-Угу,- вставил Ахилий, помогая Серентии встать.- Я тоже слышал.

-Нет, ничего такого не было,- объятия Лилии стали теснее.

Но старший сын Диомеда кивнул Мендельну:

-Я тоже слышал, но имя пролетело мимо ушей.

Мендельн сосредоточился, заново переживая сцену.

-Великий... Великий *Люцион*. Люцион.- По какой-то причине, одно упоминание заставило его вздрогнуть.- Вот что было за имя.

К сожалению, это ничего для него не значило, то же можно было прочесть на лицах остальных. Даже когда Мендельн исподтишка внимательно изучил лицо Лилии, ни по каким признакам нельзя было предположить, будто она что-то знает.

-Должно быть, он из одного из магических кланов,- внезапно заявил Ульдиссиан, и его глаза грозно блеснули.- Убитые были агентами Храма и Собора. Кто бы ещё стал охотиться на них?

-Да,- немедленно согласилась Лилия, и Мендельну показалось, будто она очень довольна скорым заключением его брата.- Клань магов. Ну конечно, это они. Мендельн, ты не согласен?

И она улыбнулась ему той улыбкой, какую до сих пор берегла только для его брата. Мендельн почувствовал, что краснеет.

-Клань магов,- пробормотал он, кивая.- Ну конечно,- и всё же Мендельн не понимал, почему какому-то из магических кланов, которые изо всех сил держали оборону друг против друга, понадобилось убить двух незначительных агентов в глухой деревушке.

Остальные, похоже, были удовлетворены. Ульдиссиан посмотрел на других, как на своих детей.

-Мы можем подумать об этом позднее. Это только доказывает, что я принял верное решение.

-Решение?- у Мендельна было плохое предчувствие.

-Серам для меня остался в прошлом,- пока Ульдиссиан говорил, Лилия, всё ещё держа одну руку у него на поясе, встала рядом с ним.- Я никогда не просил этого, но что-то преподнесло мне подарок...

-Подарок? Ты называешь то, что произошло, подарком?

-Ш-ш, Мендельн.

Он с удивлением посмотрел на Серентию, которая остановила его. Брат Ульдиссиана ожидал, что из всех присутствующих в первую очередь она назовёт произошедшее ужасом, а не подарком. А теперь она говорила, как он осознал, с благоговением... Благоговением перед Ульдиссианом.

Мендельн посмотрел на Ахилия, но охотник, судя по всему, не желал идти в разрез с ощущениями своей любимой. Он сохранял твёрдое выражение.

-Да, подарком,- продолжил Ульдиссиан, словно Мендельн был маленьким ребёнком, которому всё нужно объяснять по-простому.- Который, вообще-то, лежит в *любом* из нас,- остановился он, улыбаясь.- Давайте вернёмся в лагерь. Я всё объясню. А потом, когда мы поедим, нужно будет немного отдохнуть. В конце концов, путешествие в Кеджан верхом займёт несколько дней.

-В Кеджан?- Мендельн чуть не подавился, услышав название, таким неожиданным оно было. Теперь они собрались в *Кеджан*?- Но... Но как же море?

-Кеджан,- ответил Ульдиссиан, глядя сверху на Лилию.- Откуда же лучше всего начинать менять *мир*?

Он и благородная дева стали, не отрываясь, смотреть друг на друга, и Мендельн в смятении повернулся к Серентии и Ахилию. *Мир*? Правильно ли он расслышал своего брата? Он ожидал от второй пары какого-то понимания, даже помощи, но, к его дальнейшему испугу, дочь торговца, похоже, разрывалась между своим благоговением к этому новому Ульдиссиану и ревностью его к Лилии, в то время как охотник не отрывал взгляда от неё самой. Похоже, никто, кроме Мендельна, не осознавал в полной мере чудовищности ситуации.

Никто, кроме него, похоже, не понимал, что брат наверняка идёт навстречу собственному року... И очень вероятно, что тянет за собой и других.

Малик яростно потряс маленькой, украшенной драгоценностями шкатулкой, которую ему дал Примас. Зелёный круглый камень, располагавшийся в одном из четырёх отверстий, за миг до этого обратился в пыль, означая свою внезапную бесполезность для высшего жреца. Охотника, которого он призвал, больше не было.

Но ярость смешивалась с растущим интересом, потому что его послали исследовать излучение силы, которую чувствовал его хозяин, исследовать и, если подтвердится, что она исходит от одного человека, доставить этого человека в Храм для изучения и возможного обращения. По крайней мере, теперь Малик знал, за чем он охотится.

Всё ещё хмурясь, священник вкинул шкатулку в мешочек, прикрепленный к поясу, и вернулся к своей лошади. Закованный в броню и покрытый капюшоном надзиратель мира передал Малику поводья, а затем вернулся к своей собственной лошади. Позади них целая ватага хорошо вооружённых и преисполненных веры воинов сидели, готовые ехать сразу, как только их лидер скажет, что нужно делать. Конечно же, они не знали всей правды о Храме Триединого, но знали *довольно*, чтобы понимать, что нечего и думать о провале миссии.

Малик прошёл по ним взглядом, выискивая слабость или колебание, затем посмотрел вперёд. Темнота ночи не мешала ему – подарок Примаса. Малик видел путь впереди так же превосходно, как и днём.

«Скоро, - подумал высший жрец. – Скоро». Они уже недалеко от цели, а скакуны, которых дал им мастер, несравненно быстры. На вид это всего лишь гладкие чёрные жеребцы, но это лишь иллюзия для глупого люда. Ни одно смертное животное не может покрывать такие расстояния за такое короткое время.

-Вперёд,- командовал Малик, понукая своего собственного зверя.

Награда была уже недалеко. Демон мог оплошать, но высший жрец – нет. Малик стал правой рукой Примаса не без усилий. Его руки были обогреты кровью его конкурентов, в прямом и переносном смысле. Он *добьётся* успеха.

Ведь, опять же, у него *нет* другого выбора.

Глава седьмая

Ульдиссиан скакал. Он чувствовал себя другим человеком. Никогда в своей жизни он не считал себя защитником людей, преобразователем мира. Он был рад фермерскому призванию: возделывать землю, выращивать урожай, ухаживать за животными. Как недальновидно и просто это выглядело сейчас. Теперь он сомневался в том, что поменял образ мышления и переосмыслил своё предназначение, не больше, чем в своих новых открывшихся силах. Это случилось, и только это было важно.

В значительной степени своим изменением Ульдиссиан был обязан женщине, сидевшей на лошади позади него. Когда он слышал Лилию, всё приобретало смысл. Всё казалось возможным. Ульдиссиан был благодарен ей не только за присутствие, но и за её знания и опыт. Она знала мир за пределами Серама, особенно его волчьи ямы и другие ловушки. Она также понимала жажду людей не зависеть от сиюминутных махинаций магических кланов или прогневших сект вроде Триединого или Собора. Рядом с ней Ульдиссиан чувствовал, что способен на *всё*.

Всё уже было спланировано, по крайней мере, в его голове. Прибыть в большой город и подыскать людное место на площади, куда приходят проповедовать многие лжепророки. Тем не менее, там, где они походили на дураков и сумасшедших, Ульдиссиан будет выглядеть иначе. Он может *показать* людям путь, тот дар, который им предлагается. Они увидят, что он не шарлатан. Как только его первая публика узрит правду, весть распространится *повсюду*, как лесной пожар.

Он посмотрел направо, где скакал его брат. Мендельн, как и остальные, следил за дорогой, но Ульдиссиан знал, что его брат – единственный в группе, кто не до конца одобряет его намерения. Мендельн с самого начала сомневался, вносил другие предложения и называл причины для осторожности.

Но Лилия отразила все его сомнения своим твёрдым словом, которое она подкрепила своей трагической историей. Осторожность и колебания только развяжут руки тем, кто не хочет, чтобы дар Ульдиссиана был пущен в ход. И тогда невинные могут пострадать, как это случилось с благородной девой и её семьёй.

Нет, Ульдиссиан был абсолютно уверен, что действует правильно. Он любит своего брата, но, если Мендельн и дальше не будет видеть, что к чему, Ульдиссиану придётся с ним как-то разобраться. Будет нехорошо смотреться, если его кровь от крови усомнится в том, что делает Ульдиссиан...

Фермер поморщился. Что это за мысли витают у него в голове? Его брат означает для него *всё*! Только присутствие Мендельна помогло ему не сойти с ума, когда остальные члены семьи скончались.

Ульдиссиан почувствовал стыд. Он не мог представить жизнь без брата...

«Он поймёт,- заверил старший сын Диомеда самого себя.- Мендельн придёт к пониманию...

Должен прийти».

Они скакали этот и весь следующий день, не повстречав ни одной души. По мере того, как росло предвкушение города, жизнь в Сераме всё больше казалась Ульдиссиану плохим сном.

Ахилий ускакал вперёд разведать путь, что Ульдиссиан считал излишним – учитывая его силу, – но с чем не стал спорить. Лучник возвратился к группе только спустя некоторое время после того, как они разбили лагерь, принеся с собой пару приличных размеров зайцев на ужин.

-Перед самым закатом я увидел вдалеке дым,- отметил Ахилий, передавая зайцев Мендельну и Серентии.- Возможно, город,- и добавил с улыбкой.- Возможно, там нам нальют хорошего эля!

Мендельн на секунду закрыл глаза, а потом сказал:

-Парта. По-моему, в этом регионе есть город под названием Парта.

Одним из любимых времяпрепровождений Мендельна в заведении Сайруса было слушать, откуда прибыли путешественники, а ещё изучать коллекцию карт торговца. Благодаря последнему Мендельн обладал почти идеальной памятью.

-И большой это город?- спросил Ульдиссиан с возрастающим интересом.

-Да, думаю, больше, чем Тулисам. Лежит на прямом пути от великого города к крупнейшим морским портам.

Парта показалась Ульдисиану идеальным местом по нескольким причинам. Немного запоздало, но ему захотелось проверить свои силы на чём-нибудь более простом, чем Кеджан. Пара-тройка дней в Парте сотрёт все сомнения, особенно у Мендельна, в способности Ульдисиана показать людям дар.

До сих пор, несмотря на то, что Ульдисиан каждую ночь пытался показать им, только ему и Лилии удалось извлечь из себя скрытые силы. Серентии как будто почти удалось, но в последний момент что-то удержало её. Кто касается Ахилия, то он был доволен своим охотничьим талантом, который, как Ульдисиан впервые подумал, был иным проявлением того же источника, что и источник способностей фермера. Определённо, Ахилий всегда был очень, очень удачливым охотником. Была надежда на развитие, но надежда долгосрочная.

Что же до Мендельна, то он, похоже, был дальше всех от осознания своих способностей. Ульдисиан не мог понять, почему, – он предполагал, что его родной брат должен принять это быстрее остальных. Прошлой ночью Лилия высказала предположение, которое до сих пор казалось наиболее правдоподобным. Как и в случае с Ахилием, была высока вероятность, что Мендельна задерживала его собственная личность.

Но это тоже могло подождать, по крайней мере, пока. Город предлагал много, много новых вариантов.

-Парта...- проговорил он.

Лилия припала к нему и почти прижалась к его уху. Ульдисиан не мог не заметить беглого взгляда неодобрения со стороны Серентии.

-Нам действительно следует продолжать ехать прямо в большой город,- прошептала благородная дева.- Чем скорее тебя сможет услышать большое число людей, тем быстрее мы сможем изменить мир.

-Да, ты права,- ретировался Ульдисиан, тут же поняв, что её слова имеют смысл. Как он вообще мог подумать о маленьком, незначительном месте вроде Парты?- Прямо в большой город. Так лучше.

Ахилий казался разочарованным, но кивнул. Лицо Серентии было непроницаемо. Мендельн выглядел возмущённым, но Ульдисиан привык видеть своего брата таким. Самое главное, никто не возражал.

Но Ульдисиану всё ещё нужно было проверить себя. Наконец он высвободился из объятий Лилии и поднялся:

-Серри, не отойдёшь со мной?

Её глаза на миг блеснули... Затем на лицо вернулась маска. Она тоже встала.

-Конечно... Конечно...

-Много времени не займёт,- заверил он её.

Златокудрая женщина перевела взгляд на огонь и ничего не сказала.

Взяв Серентию за руку, Ульдисиан повёл её мимо ничего не понимающих Ахилия и Мендельна. Он вёл дочь торговца по лесу, пока свет лагеря не перестал быть виден, а затем встал и повернулся к ней.

Серентия стояла выжидательно. Ульдисиан хорошо обдумал свои слова, прежде чем произнести их.

-Я очень сожалею о Сайрусе, Серри. Очень сожалею.

-Ульдисиан, я...

Он приложил палец к её губам.

-Серри, возможно, он умер из-за меня...

Она отошла назад.

-Нет!- понижая голос, Серентия добавила.- Нет, Ульдисиан. Я много думала об этом во время путешествия. Возможно... Возможно, бурю призвал ты... Этого я ещё не знаю... Но ты никогда не желал вреда. Брат Микелий объявил тебя еретиком! Если ты каким-то образом и стал причиной бури, то только потому, что он вынудил тебя! Ты только защищал себя!

Он посмотрел на неё с удивлением. Услышав это от той, которая, как он знал, горячо заботилась о своём отце – и глубоко уважала обе крупные секты – Ульдисиан почувствовал громадное облегчение. Но в следующий момент он осознал, как ещё сильно переживание внутри него о том, как смерть торговца сказалась на ней.

-Серри, даже если ты так думаешь... Почему ты вместо того, чтобы вернуться домой, пошла за мной в

неизвестность? Твои братья... Они будут переживать за тебя...

-Я достаточно взрослая, и сама могу найти своё место в мире,- сказала она с прежней непокорностью в голосе. Подперев руками бока, Серентия добавила.- Тиэль и остальные узнают, что я сделала, и предоставят меня самой себе, как и всегда.

Она сказала это так решительно, что Ульдиссиан мог только печально улыбнуться. Даже сейчас он не попытался разубедить её. Кроме того, ему было удобно, что она была рядом, точно так же, как его брат и Ахилий.

-Хорошо. Я должен был спросить. Я должен был узнать. Больше я ничего не буду говорить.

-А вот я должна сказать кое-что... Если позволишь... - снова дочь Сайруса стала благоговеющим последователем.

-Тебе не нужно моё позволение.

-Ульдиссиан... Я понимаю, что ты делаешь, и всем сердцем верю в это,- она прочистила горло.- Но, быть может, в беспокойстве Мендельна есть какой-то смысл. Я знаю, Лилия говорит скакать прямо в большой город, но...

Он нахмурился.

-Это из-за Лилии, Серри?

Хотя она покачала головой, он понял, что и да, и нет. Ульдиссиан сомневался, что Серентия может отделить одно от другого.

-Нет... Я имею в виду... Ульдиссиан... Я говорила с проповедниками как Храма, так и Собора, и могу сказать, что не все они подобны брату Микелию. Я думаю, в них есть и что-то хорошее...

-Вряд ли,- бросил в ответ сын Диомеда, лицо его делалось каменным. Воспоминания о верховном инквизиторе воскресли в его голове.

Серентия остановилась, и было видно, что она ищет другую тактику.

-Просто... Я знаю, что Лилия опытней нас, но не всё, что она говорит, мы должны делать.

Её слова только подстегнули Ульдиссиана занять оборонительную позицию.

-Я слушаю Лилию так же, как я слушаю любого из вас. Просто получается, что её советы чаще оказываются более разумными.

-Скорее даже всё время...

-Довольно,- Ульдиссиан почувствовал прилив необоснованной ярости, но сумел удержать её. Он не видел причин продолжать разговор. Ему следовало прояснить отношения между ними после смерти её отца, и это было сделано. Очевидно, что, чтобы заглушить чувства Серентии к нему, потребуется больше времени. Он должен быть терпеливым. Да, терпеливым.

Подойдя к ней, он положил одну руку на её голову, как он делал, когда она была только ребёнком.

-Серри,- прошептал он.- Ты сказала, что веришь в то, чем я стал, верно?

Она кивнула, в её глазах ещё блуждали отголоски последней темы.

-Я знаю, что то, что пробудилось во мне, пытается зашевелиться так же внутри тебя, но пока не удаётся.

-Я пыталась... - упорствовала девушка.

Он хлопнул её по плечу.

-Я знаю. Позволь мне помочь этому пробудиться.

Возьми меня за руки.- Когда она подчинилась, Ульдиссиан продолжил.- Если сработает, я смогу лучше понять, как мне показывать это другим, когда мы доберёмся до Кеджана.

-Но что... Ой!

Лилия предположила, что их близость, их единение помогли пробудить скрытую силу внутри неё. Очевидно, Ульдиссиан не мог проделать то же самое с остальными – особенно с Серентией – но он мог попытаться хотя бы

приблизиться к этому. Он сосредоточился на девушке перед ним, пытаясь заглянуть в её сердце, в её душу. Он попытался направить туда свою силу в надежде разжечь там пламя.

И он определённо почувствовал, что сработало. Тепло просочилось в его ладони, тепло, которое, как он чувствовал, исходило от Серентии. Она, в свою очередь, стала часто дышать, а её глаза закатились, так что Ульдиссиан мог видеть только белки.

Затем, к его удивлению, Ульдиссиан почувствовал, что от неё исходит что-то подобное тому, что таилось внутри него. Он сосредоточился на Серентии и смог убедиться, что это действительно идёт изнутри девушки.

Оно было относительно слабым, но чем упорнее он тянул его, тем сильнее оно пробуждалось.

Он был восхищён своим собственным стремительным успехом. Лилия снова оказалась права. Ульдиссиану удалось расшевелить внутри Серентии ту же самую силу.

Ни с того ни с сего её тело стало непроизвольно дрожать. По-прежнему были видны только белки глаз. Она издала слабый стон...

Беспокойство Ульдиссиана росло. Серентия только что пережила мощное потрясение, хотя его масштаб некоторое время не будет заметен. Поэтому ему надлежит сейчас остановиться, чтобы она продолжила самостоятельно. Если поторопить события, с ней может что-нибудь случиться.

Когда Ульдиссиан освободил её руки, дочь торговца со вздохом упала к нему. Он поймал её и держал в своих руках, пока она приходила в себя.

-Я почувствовала, словно...- в конце концов выговорила она,- ...я чувствую, словно... - Но больше не смогла произнести ни слова.

-Я знаю... - наконец ответил он, надеясь успокоить её.

Внезапно Серентия напряглась. Она отпрянула от Ульдиссиана, как от прокажённого... Затем бросилась бежать по направлению к лагерю.

Ульдиссиан стоял, ничего не понимая. Он ожидал что-то вроде эйфории, которую, как сказала Лилия, почувствовала она.

Серентия исчезла среди деревьев и теней. Ульдиссиан, всё ещё смущённый, несколько секунд смотрел туда, где она скрылась, а затем пошёл за ней следом. Он был уверен, что всё сделал правильно. Так почему тогда она так отреагировала?

Поначалу, когда он вступил в лагерь, он не увидел её. Озабоченный, Ульдиссиан обратился к своему брату, но Мендельн беззвучно покачал головой, а затем кивнул направо. Там, наполовину скрытая темнотой, лежала Серентия. Она завернулась в одно из одеял, найденных в седельных мешках стражей Собора, и лежала спиной к лагерю.

Ульдиссиан пошёл к ней, но Лилия встала и осторожно взяла его за руку.

-Лучше сейчас не трогать её,- прошептала благородная дева.

Он раскрыл рот, чтобы ответить, но снова закрыл его. Похоже, несмотря на обрётённое им, кое-чего он никогда не сможет понять.

На следующее утро Серентия вела себя так, будто ничего не произошло, но Ульдиссиан, благодаря своей собственной силе, чувствовал, что сила внутри неё растёт. Тем не менее, она никоим образом не выказывала этого, и в конце концов он решил, что нужно позволить ей самой выбирать, когда принять этот дар. Достаточно было знать, что она владеет им. Это означало, что он *будет* способен вести других в том же направлении, и с практикой усилие наверняка станет более быстрым и лёгким.

Они скакали по облачной погоде, и Ульдиссиану один раз пришлось в голову, а не сможет ли он разогнать облака. Но он не стал пробовать – боялся, что, если сработает, он выдаст тем самым своё присутствие тем, кто не хочет, чтобы он добрался до города. Лилия посоветовала подождать до Кеджана, чтобы там открыться. Там, сказала она, будет слишком поздно скрывать правду от людей.

Несмотря на продолжающийся сумрак, дождя не было, так что дорога была приятной. Парта оставалась спиралью дыма вдалеке, только теперь с другой стороны. По расчётам Мендельна, подтверждённым Лилией, они увидят такой же дымок над великим городом спустя, самое большее, три-четыре дня.

Наконец-то пятеро путников повстречали других путешественников, а именно повозку, двигавшуюся им навстречу. Ведший её бородатый старец, у которого были торговые дела с морскими портами, поначалу приветствовал их с осторожностью. Его ученик, долговязый юноша с рыжеватыми волосами, всё время держал руку возле изрядно изношенного меча, который лежал рядом.

Поскольку Ульдисиан как можно быстрее хотел добраться до Кеджана, он решил, что не стоит открываться этим двоим. Вместо этого он поинтересовался у торговца, что творится в знаменитом городе.

-Магические кланы заключили перемирие, ага,- объявил дородный старик, поджигая длинную глиняную трубку.- Оно продлится ровно столько же, сколько и предыдущие, то есть недолго. Возможно, уже закончилось. Эта знать, они ищут и выжидают, как бы им заполучить преимущество, кланы позволяют им контролировать определённую деятельность в городе, поэтому они изо всех сил стараются обойти перемирие,- он мрачно усмехнулся.- Так что можно сказать, что в Кеджане всё по-прежнему...

Его слова только подтвердили для Ульдисиана важность того, что сказала Лилия: нужно отправляться прямо туда вместо того, чтобы поворачивать к Парте или другим меньшим поселениям. Ульдисиан горячо поблагодарил торговца, затем повёл остальных дальше.

Они остановились на ночь на берегу спокойной реки, протекавшей в этих местах. Здесь граница между лесом и джунглями кое-где расплывалась. В первый раз Ульдисиан понял, насколько маленьким был лесной регион по сравнению с огромными джунглями, которые, по слухам, покрывали большую часть государства. Он даже слышал от торговцев, останавливавшихся в Сераме, будто джунгли постепенно поглощали всё остальное. Конечно же, это не было правдой, но, глядя на странную, почти неестественную перемену в окружении, Ульдисиан не мог хоть не много не задуматься.

Он надеялся, что дневной переезд рассеет напряжение между ним и Серентией, но черноволосая девушка снова посчитала нужным держать его на расстоянии.

-Лучше дать ей самой разобраться с этим,- в конце концов прошептала Лилия, упершись в его щеку.- Она примет всё, как есть. Вот увидишь.

Кивая, Ульдисиан направил своё внимание на более важные предметы. Теперь, когда он был так близко к городу, у него стали пошаливать нервы. Он признался в этом Лилии, на что она ответила, что не время сдаваться, нужно дать остальным увидеть, на что он способен.

-Когда мы прибудем, ты должен быть в лучшей форме. Ложись-ка спать. Когда ужин будет готов, я принесу его тебе.

Она снова поцеловала его и удалилась. Ульдисиан немедленно последовал её доброму совету. Земля была мягкой, а ночь теплее предыдущей. Короткий сон, решил он, это и вправду то, что ему нужно. Как обычно, Лилия знала это лучше всех. Он не мог представить будущего без неё. Ощущение было такое, словно Ульдисиан всегда знал её.

С этими утешительными мыслями он погрузился в сон.

Серентия знала, что ей придётся умирять свои противоречивые чувства к Ульдисиану. Она верила в благую природу того, чем он стал, верила настолько, что даже не думала его винить в ужасной судьбе её отца, но в то же время не могла позабыть, где он жил и кем был когда-то... Единственным мужчиной, которого она любила.

И который теперь любил другую... Женщину, которую повстречал совсем недавно.

-Нам надо больше хвороста для костра,- заметил Мендельн.

Хватаясь за возможность побыть в ещё большем уединении, Серентия быстро отреагировала:

-Я схожу и соберу его. А ты в это время позаботься, чтобы костёр не погас.

Она выскользнула из лагеря и стала собирать маленькие, сломанные ветки. Поиск не требовал много внимания, что позволило её мыслям перенестись к менее запутанным – и менее болезненным – темам. Но дочь Сайруса

собрала не больше половины охапки до того, как ощущение покаяния на шее заставило её оглянуться.

-Лилия!- присутствие благородной девы здесь было так неожиданно для Серентии, что она уронила несколько веток. Она в изумлении смотрела на златокудрую женщину.

Та подошла к ней тихо, как кошка.

-Прости меня,- тихо проговорила Лилия.- Я не хотела напугать тебя.

-Что... Что ты здесь делаешь? Я сама справлюсь с хворостом.

-Я хотела поговорить с тобой, только и всего.

-Поговорить со мной?- дочь торговца подумала с испугом, что она уже знает, о чём.- В этом нет необходимости...

Лилия подошла ближе.

-Но необходимость самая насущная, дорогая Серентия, самая насущная,- пристально глядя в глаза собеседницы, она положила мягкую ладонь ей на руку.- Ты особенный человек для Ульдисиана, а значит, и для меня. Я хочу, чтобы всем его друзьям было удобно со мной. Я хочу, чтобы ты думала обо мне не только как о его возлюбленной, о его будущей жене, но и как о *своём* друге.

Если Лилия ожидала, что эти слова её утешат Серентию, то она ошиблась: всё было как раз наоборот. Боль кольнула сердце Серентии при словах «возлюбленная» и «жена», которые снова и снова отдавались у неё в ушах. Она чувствовала огромный стыд из-за того, что Лилия знала, как сильно она ревнует. Серентия старалась подавить бурлившие в ней чувства, убедить себя, что они преувеличены... Но в итоге они по-прежнему означали для неё очень многое.

Со слезами на глазах она вырвалась из объятий Лилии. Хворост выпал из рук, но она не обратила на это внимания. Серентия побежала, не думая о том, куда. Лишь бы оказаться подальше, подальше от любого, кто знает, что она думает.

Ветви деревьев цеплялись за одежду. Серентия несколько раз споткнулась на неровной почве. Один раз она запнулась за торчащий вверх корень. Ни одно из этих препятствий не заставило её остановиться и, быть может, таким образом прийти в себя. Серентия каждый раз просто выпрямлялась и бежала дальше. Буря чувств заволокла ей разум.

Впереди неё выступил силуэт. Не обращая внимания, она продолжала бежать. Только когда стальная хватка сдавила её, она начала возвращаться к реальности.

И тогда она открыла рот, чтобы закричать.

Одна рука в перчатке быстро сдержала её крик. Серентия попыталась освободиться, но ещё кто-то встал позади неё, чтобы дочь торговца не убежала.

Первый подался вперёд, в капюшоне он походил на призрака.

-Веди себя тихо, девочка... - прошипел он.- Или будешь наказана!

Она начала замечать других, похожих на первого, людей в капюшонах и броне. Сначала она приняла их за стражей инквизиторов, но затем символ на нагруднике на миг проблеснул в лунном свете, и она увидела, что это знакомый треугольный символ Храма.

Серентия попыталась заговорить, объяснить, но её попытка вылилась лишь в то, что она получила стремительную и болезненную пощёчину.

-Брат Рондо! Осторожней с ребёнком!

Голос был низким и спокойным, и его добрый тон напомнил Серентии об её отце. Тёмная фигура на чудовищно огромном жеребце приблизилась к тому месту, где двое держали девушку. Когда высокий наездник спешил, грубые воины отпустили Серентию и припали на одно колено. Хотя её больше не держали, она почувствовала побуждение последовать их примеру.

-Простите меня, Ваше Преосвященство,- с тревогой в голосе пробормотал тот, кого звали Рондо.

-Твой энтузиазм достоин похвалы, а вот над таким нужно поработать, брат,- рука в перчатке тронула покрытую голову Рондо, затем внимание её обладателя обратилось к Серентии.

-Дитя моё, не надо так дрожать при моём появлении. Я – друг, не надо бояться, - при приближении стали видны его черты.

В противовес его бледной коже у него были густые волнистые тёмные волосы и тёмные брови. Элегантные усы подчёркивали его величественность. Его улыбка, как и тон его речи, напомнила Серентии об отце.

-Я – Малик, высший жрец ордена Мефиса...

-Храма Триединого, - выдохнула Серентия и инстинктивно наклонила голову.

-Верующая! Как восхитительно! - Малик протянул руку, которую, после некоторого колебания, девушка взяла. - И я приношу извинения за усердие брата Рондо. Мы всегда рады выполнить нашу задачу...

Его последние слова заставили Серентию насторожиться. Она сразу же вспомнила всё, что произошло в деревне, вспомнила, как Собор немедленно обвинил Ульдиссиана, даже не пытаясь выслушать его. Присутствие Малика вдруг перестало действовать на неё успокаивающе.

Наверное, высший жрец как-то понял это, потому что он вздёрнул голову и сказал:

-Будет, дитя моё! Я же сказал, я друг тебе! Я чувствую твоё отторжение... - без разрешения он положил руку ей на грудь. - А ещё я чувствую, - Малик нахмурился, - ...что ты *не* та, кого мы ищем. В тебе проскальзывает некая искра, но она слишком слаба...

Не подумав, Серентия сболтнула:

-Ульдиссиан...

Густые, тёмные брови Малика поднялись.

-Ульдиссиан? Так его зовут? И ты думаешь, что он – тот, кого мы ищем?

Она плотно сжала губы.

Брат Рондо хотел было встать, но Малик взмахом руки приказал оставаться в прежнем положении. Высший жрец подался вперёд, так что его лицо, в первую очередь глаза, заслонили обзор Серентии.

-Ты боишься. Но почему... Разве что... - он улыбнулся шире, показывая превосходные зубы. - А! Собор! Конечно же, это он! Инквизиторы, без сомнения!

Серентия ничего не сказала на это, хотя столь точная догадка навела на мысль, а не может ли он читать её мысли.

-Собор... Не мудрено, что ты не доверяешь. Брат Рондо, один из наших доносчиков ведь сообщил о смерти не только одного из наших, но и служителя Собора?

-Да, Ваше Преосвященство. В деревне Сераме, по его словам. Убийство нашего проповедника было особенно зверским...

-Да, да, - взмахом руки призывая его вновь замолчать, Малик сказал Серентии. - И Собор обвинил этого твоего Ульдиссиана, не так ли?

-Да, - наконец ответила она, часть её недоверия снова рассеялась.

-Обычное дело для них. Если они не могут понять что-то, они избавляются от этого. Скорбью объят тот день, когда Пророк начал проповедовать свои кощунства... - высший жрец встал рядом с Серентией, подбадривающе охватив её шею рукой. - Но мы – не Собор, дитя. Храм Триединого всегда проповедовал мирное разрешение всех дел, ты понимаешь это? Хорошо! Я бы не хотел, чтобы ты думала, будто мы можем поступить так же, как они! Скорее, мы здесь, чтобы сделать прямо *противоположное*, и это определённо знак для нас, что мы встретимся таким неожиданным образом! Ты можешь отвести меня к своему Ульдиссиану, и тогда все наши проблемы будут решены...

Но... - Серентия обнаружила, что ей трудно думать. Её мысли пришли в такой же беспорядок, как и тогда, когда Лилия говорила с ней. И всё же она припоминала кое-что. Ульдиссиан хотел идти в город... И он определённо не хотел иметь никаких дел *ни с какой* из сект, будь то Собор или Храм Триединого. - Нет. Я не могу. Ульдиссиан не хотел бы, чтобы я...

Тело Малика напряглось. Серентия вдруг почувствовала, как его рука скользнула за неё, а затем его пальцы в перчатках обвились позади её шеи у основания черепа. Она почувствовала болезненный нажим и попыталась

закричать, но рот не слушался её. Как и всё её тело. Только мозг работал, но теперь он был узником в неподвижной оболочке.

-Какая жалость, что ты не стала слушать голос разума, дитя,- отметил высокий человек голосом, в котором больше не чувствовалось соучастия.- Но ты *всё равно* приведёшь нас к своему Ульдиссиану...- Он посмотрел на надзирателей мира.- По коням! Живо!

Когда люди устремились к своим животным, Малик повёл Серентию к своему. Когда они подошли ближе, от вида существа ей сделалось почему-то не по себе, но её тело, подчинённое воле высшего жреца, не могло отпрянуть назад. Вместо этого она взобралась на животное впереди своего пленителя, который одной рукой взял поводья, а другой крепко сжал её.

-Теперь,- прошептал он ей на ухо тем же добрым тоном, который он использовал поначалу, тоном, который, как знала дочь Сайруса, высмеивал её беспомощность.- Теперь, дитя моё, покажи мне дорогу.

Левая рука Серентии поднялась, указывая точно в направлении лагеря.

-Очень хорошо. Очень хорошо. Улыбайся, когда увидишь своего друга. Я бы очень не хотел создавать ему неудобства...

Уголки его рта поднялись. Малик тихо усмехнулся... А затем подстегнул своё ездовое животное.

Глава восьмая

Чувство тревоги проникло в сон Ульдиссиана. Он почувствовал присутствие чего-то злого, ищущего его душу, пока он лежит здесь, незащищённый.

Его беспокойство возросло так сильно, что Ульдиссиан начал просыпаться. Тем не менее, вместо демона вроде того, что атаковал группу, он увидел перед собой совершенное лицо Лилии. Благородная дева сидела на коленях рядом с ним.

-Любовь моя, тебе нездоровится? - прошептала она.

-Как долго... Как долго ты здесь?

-Я только что возвратилась. Ты спал так умиротворённо, что я не хотела будить тебя. Прости меня, если всё же разбудила.

Ульдиссиан нахмурился. Теперь, когда он проснулся, тревога ещё больше усилилась... Только причина, похоже, крылась где-то вокруг них.

-Лилия... - пробормотал он. - Иди к огню, к остальным. Сейчас же.

-Почему? - её глаза расширились. - В чём дело?

-Просто сделай это, - быстро поднимаясь, Ульдиссиан подтолкнул светловолосую женщину к центру лагеря. К своему смятению он увидел, что там сейчас был только Мендельн.

-Где Ахилий? - спросил он у брата. - Где Серри?

-Ахилий пошёл охотиться, - ответил, оглянувшись, Мендельн. - Думаю, Серентия должна быть где-то неподалёку. Она пошла собрать ещё немного веток...

-Я уверена, что она скоро вернётся, - встряла Лилия, пытаясь успокоить фермера. - Ульдиссиан, нет причины для беспокойства.

Но он чувствовал иначе. Что-то было близко, очень близко. Что-то было...

Позади Мендельна зашелестела листва. Испуганный, брат Ульдиссиана перебежал к остальным.

Серентия вошла в лагерь.

Ульдиссиан начал было облегчённо выдыхать... Но затем другая темноволосая фигура присоединилась к дочери торговца. Он был даже выше Ульдиссиана и, пусть и тоньше, явно хорошей формы. Лицо новоприбывшего выражало расположение, а его манеры чем-то напомнили Ульдиссиану его отца... Но всё это было забыто, когда он осознал, какое одеяние было на человеке.

Это было одеяние священника Храма Триединого. Высокопоставленного священника, в данном случае.

-Ульдиссиан, - возвала Серентия. - Со мной друг. Его зовут Малик, и он хочет помочь.

Ульдиссиан сдержал проявление неодобрения. Она лучше других знала, как он отреагирует на присутствие священника, особенно после хаоса в Сераме. Да, Серентия и вправду всегда была вроде бы верующей, но он думал, что это позади. О чём она думала?

-Я пришёл предложить протекцию Триединого, - любезно добавил Малик, разводя руки в перчатках, словно желая показать, что в них нет оружия. Пламя лагерного костра зажигало искорки в его глазах, которые неотрывно смотрели на Ульдиссиана, словно притягиваемые магнитом. - Это дитя рассказало мне об ужасной несправедливости, которую учинил над тобой Собор Света. Храм не одобряет такого чудовищного поведения. Мы хотели бы защитить тебя от угрозы со стороны агентов Пророка...

Несмотря на всё, что случилось с ним, несмотря на отвращение к подобным Малику, Ульдиссиан захотел немного послушать человека. Священник словно излучал понимание. Казалось, он чувствует боль, всё ещё глубоко сидевшую в печёнках Ульдиссиана. Он раскрыл рот, чтобы пригласить человека в их лагерь...

Но в этот момент огонь *извергся*, на короткий миг взметаясь выше священника. Малик инстинктивно отпрянул назад от дикого пламени... И вместе с этим он оторвал взгляд от Ульдисиана.

Фермеру показалось, будто с его головы сняли покрывало. Будто он был слеп, а теперь снова *прозрел*... И только тогда он понял, что Малик на время *заворожил* его.

-Серри!- проревел Ульдисиан, ярость немедленно стала бить из него ключом. - Иди сюда! Скорей!

Она медлила, словно не услышала Ульдисиана или по какой-то причине не могла подчиниться. Затем, сотрясаясь, темноволосая девушка закричала и побежала от Малика. Священник запоздало попытался схватить её, а затем вперил взгляд в Ульдисиана.

Не успела Серентия убежать, как люди в капюшонах и броне, пешие и на лошадях, заполнили лагерь. Ульдисиан видел раньше подобных им, и от них его воротило так же, как от инквизиторов Собора. Они могли сколько угодно называть себя «надзирателями мира», но воины Триединого были не лучше головорезов под командованием неоплаканного брата Микелия. Они желали только управлять сознанием и душами людей. Тех, кто не преклонял перед ними колени – таких, как Ульдисиан, – они находили предлог осудить.

Бедствие в Сераме пронеслось перед глазами фермера. Он снова видел ненависть, снова слышал ложь...

-Нет!- рявкнул он подходящим фигурам. - Больше этого не случится!

Воздух всколыхнулся.

Надзиратели мира полетели в разных направлениях, словно их смахнула невидимая рука. Двое налетели на ближайшие деревья: удар был такой силы, что они закрутились вокруг стволов, словно виноградные лозы. Другой воин оторвался на несколько ярдов от земли и исчез в листве. Остальные, ошеломлённые, лежали в беспорядке в окрестностях лагеря.

-Впечатляет,- объявил Малик тем же отеческим голосом. В отличие от своих приспешников, он не пострадал от силы, что бы это ни было. - Что бы из тебя могло получиться, создай тому подходящие условия. Что бы из тебя могло получиться... - Его глаза сузились, снова в них засверкали огоньки.

Огромная тяжесть обрушилась на Ульдисиана, заставив его встать на четвереньки. Ощущение было такое, словно он скоро зароется в твёрдую землю. Каждый мускул напрягся, каждая вена пульсировала. Казалось, голова сейчас взорвётся. Фермер отвёл взгляд в сторону, но всё равно не мог освободиться от заклинания, которое сотворил священник. Ульдисиан видел, что Мендельн и Серентия страдают больше его: они уже распростёрлись на земле. Лилии Ульдисиан не увидел, но мысль о том, что она тоже борется за жизнь, помогла ему совершить последнее усилие и встать на одно колено.

-Очень сильная воля,- заметил священник. - Хозяин будет с наслаждением ломать её дальше.

Сила, давящая на Ульдисиана, возросла. На этот раз его лицо врезалось в землю. Острая боль пронзила переносицу, кровь начала сочиться из ноздрей – он не сомневался, что нос сломан.

-Связать,- скомандовал священник. Послышалось шарканье ног, слуги Малика спешили выполнить приказ. - Остальные нам не нужны.

Остальные не нужны...

С преисполненным болью криком Ульдисиан заставил себя привстать в согнутое положение. В голове стучало, а сердце выбивало ненормальные ритмы, но его наполнило победное чувство. Он обнаружил, что стоит перед двумя очень напуганными надзирателями мира. Прежде чем пара успела прийти в себя, сын Диомеда схватил их обоих за горло.

Его пальцы лишь слегка охватывали шеи, но треск был различим хорошо. Надзиратели мира дёрнулись и упали к его ногам, их шеи были сломаны чем-то большим, чем простая физическая сила.

Несмотря на восстановление Ульдисиана, Малик был не слишком впечатлён. Он взглянул на огонь, который разрушил его чары, затем снова посмотрел на Ульдисиана.

-Дитя моё, всё это могло пройти гораздо приятнее. Твоё место в Храме. Примас почувствовал твою силу и готов принять тебя, как своего сына...

-У меня нет никаких дел ни с тобой, ни с ним!

-Недальновидный выбор, дитя моё. Будущее этой земли, да и всех других – Собор Триединого. Те, кто не видит

света, падут во тьму навсегда...

Но только тьму Ульдисиан и видел, когда смотрел на высшего жреца. Было в Малике что-то такое, из-за чего изводимый фермер никак не мог связать его с каким бы то ни было благородным «светом». Вообще-то, Малик излучал нечто, от чего Ульдисиана воротило как никогда раньше, и он был уверен, что это приближение высшего жреца ранее заставило его проснуться.

Надзиратели мира быстро перестроились и теперь окружили участок. Серентия стояла рядом с Мендельном, который, казалось, задумался о чём-то. Ульдисиан наконец заметил Лилию немного слева от себя. Она выглядела такой же спокойной, как и Малик, но её спокойствие, очевидно, черпалось из уверенности в своём возлюбленном. Лицо благородной девы было преисполнено нерушимой веры... Веры в способность Ульдисиана спасти их.

Воодушевлённый этим, он перевёл взгляд с неё на своего брата и дочь торговца, перед тем как снова посмотреть на священника.

-Я сказал, что не хочу иметь никаких дел с Храмом. Убирайся *сейчас*, или пожалеешь.

-Мне очень жаль, дитя моё, что ты вынуждаешь меня прибегнуть к этому,- Малик посмотрел за Ульдисиана. - Так печально, что остальные должны *страдать* больше, чем нужно, из-за твоего упрямства,- Его глаза угрожающе сузились.- Так печально... И целиком твоя вина.

Надзиратели мира двинулись. В это же время несколько горящих ветвей вылетело из костра. Они упали на землю прямо перед Ульдисианом и сразу же стали длиннее и толще. Они всё ещё были объаты пламенем, но, казалось, больше не сгорали.

В несколько раз больше первоначальных размеров, собранные ветви стали приобретать новую форму... Форму некоего подобия человека. Две длинных ветви пошли на ноги, более короткие стали руками, а сук с разломанной ветви стал служить головой.

Она была выше фермера – фигура из палок, словно пришедшая из ночного кошмара. Сучок повернулся к Малику.

-Взять его,- бесстрастно приказал священник.

Пылающий голем устремился к Ульдисиану и оплёл свои горящие руки вокруг рук фермера с хваткой петли на шее висельника.

Жар был нестерпимым. Пламя совершенно ослепило его. Он плотно закрыл глаза, но свет огня прорывался сквозь веки. Ульдисиан попытался вдохнуть воздуха, но в результате только почувствовал, что его лёгкие тоже пылают.

Но, при всём мучении, должно было быть ещё хуже. Ульдисиан к этому времени уже должен был совсем сгореть, его плоть – расплавиться, а кости – почернеть...

Ульдисиан с трудом припомнил, что Малик не хочет, чтобы он умер. Малик хочет сделать из него податливого, усердного новообращённого, которого можно показать его хозяину... Примасу. Он может пытать фермера, может довести его до пределов отчаяния, но высший жрец не осмелится убить того, за кем охотится.

Это знание подстегнуло Ульдисиана бороться. На пределе возможностей изгоняя боль из своего разума, он с непокорным рёвом освободил себя из захвата голема.

Внезапно и сильно похолодало, затем раздался стук. Ульдисиан потряс головой. Когда его зрение прояснилось, он увидел перед собой кучу дымящихся палок – всё, что осталось от созданного Маликом существа.

Но это было не всё. Когда Ульдисиан взглянул на свои опалённые руки, выжженные участки начали исцеляться. Кожа быстро превращалась из ужасной чёрной и алой в свежую розовую, не тронутую ни крапинкой. Даже на его одежде больше не осталось и следов дыма, не говоря уже об огне.

Радость Ульдисиана от того, что он справился с последней уловкой высшего жреца, быстро сменилась страхом за Лилию и остальных. Беззащитные, они вряд ли могли выстоять против натренированных и кровожадных надзирателей мира.

Но все трое стояли *нетронутыми*. Воины Триединого и в самом деле окружили их, но этим возможности злодеев и ограничились. Всё остальное было тщетно. Ульдисиан видел, как клинок обрушился на его брата, только затем, чтобы отскочить назад в нескольких дюймах от цели. Надзиратель мира намеревался схватить Ахилия, но чуть не сломал руки о самый воздух возле шеи охотника. То же самое происходило и с Серентией, чей взгляд в этот миг встретился с его взглядом. Она поняла, в чём дело, понимали это те, кто их атаковал, или нет. С круглыми глазами дочь Сайруса кивнула в знак того, что знает о силе Ульдисиана.

Что же касается Лилии... Благородная дева стояла сразу за ним и тоже подвергалась яростным, но тщетным нападкам рьяных служителей Храма. Она стояла в окружении их со спокойным выражением на лице, ожиданием, и, как и Серентия, Лилия смотрела на Ульдисиана с пониманием, что он не даст её в обиду.

Этого было достаточно, чтобы он улыбнулся, несмотря на обстоятельства, и эта улыбка осталась на его лице, когда он перевёл своё внимание на источник их неприятностей.

Впервые за всё время Малик больше не улыбался и не выказывал безразличия. Его лицо сделалось хмурым, и в его тёмных-претёмных глазах Ульдисиан читал едва сдерживаемую ярость. Высший жрец держал в облачённых в печатки руках маленькую, украшенную драгоценностями шкатулку, крышка которой была обращена так, чтобы всем несведущим, вроде несмышлёного противника священника, было видно.

-Ты сам навлек на себя это. Для хозяина ты будешь живым, дитя моё, даже если я поднесу ему твоё едва быющее сердце.

Он раскрыл шкатулку.

Ульдисиан инстинктивно вздрогнул... Только чтобы увидеть, что в футляре есть всего лишь три сверкающих драгоценных камня. Несмотря на мерцающий свет лагерного костра и расстояние между ними, Ульдисиан как-то смог различить их: голубой, овальный камень; жёлтый, прямоугольный; самый большой – белый алмаз в форме слезы. Расположение камней указывало на то, что там должен был быть ещё один, четвёртый, но паз под него был пуст.

-Ты хочешь меня подкупить, чтобы я принял твою веру? – наконец спросил он с любопытством.

В ответ Малик пробежал пальцем по камням:

-Нет. Скоро ты будешь умолять обратить тебя.

Надзиратели мира внезапно оставили свои попытки и побежали к священнику. Малик не обратил на них внимания, больше заинтересованный в открытом участке между Ульдисианом и им.

Участок стал наполняться ядовитым дымом, никак не связанным с лагерным костром... И ни с каким другим источником в поле видимости.

Ульдисиан столкнулся с зачаровыванием, давящей силой и ожившим пламенем. Он не боялся дыма. Делая глубокий вдох, он ступил вперёд. Когда он преодолеет дым, горло священника окажется совсем недалеко...

Но сзади раздался непередаваемый визг и взволнованный крик Лилии:

-Нет, Ульдисиан! Не так! Остерегайся таящихся!

Не успела она выкрикнуть, как жуткая тень встала прямо перед фермером. Ульдисиан уловил взглядом острые, как бритвы, отростки над чем-то, походившим на *три* руки, и луковицеобразную голову, казавшуюся слишком тяжёлой, чтобы держаться на любом естественном теле. Четыре белесых глаза зловеще сверкали. Нечто сделало шаг по направлению к Ульдисиану...

А затем, не успев никто и глазом моргнуть, серебристая аура окружила тело чудища. Существо подняло вверх отростки и исторгло низкий, с придыханием, звук... А затем просто *исчезло*.

Но даже когда Ульдисиан был каким-то образом избавлен от этого ужасного неприятеля, две новые тени сформировались в дыму, и каждая из них была по-своему более абсурдна, чем та, что только что исчезла. У первого существа тело выглядело недавно освежёванным и состояло из двух конечностей, оканчивающихся когтистыми лапами, и мускулистого, усеянного шипами хвоста, прикреплённого к трубообразному телу. У него не было головы, сверху просто зияла дыра, из которой кошмарные, зубастые отростки взвивались в воздух прямо перед Ульдисианом.

Его адский компаньон обладал костлявой фигурой и лицом голодной хищной птицы. Два кожистых недоразвитых крыла пробивались из-за плеч. Его руки оканчивались не ладонями и не когтями, а многочисленными присосками, а ноги были загнуты назад, как у кузнечика.

Где-то далеко позади, за завесой дыма, Малик произнёс одно единственное слово: «Люцион».

Птицеобразный прыгнул с невероятной стремительностью. В одну секунду он стоял перед Ульдисианом, в следующую уже был над ним. Хотя тот не выдержал тяжести прыгуна и упал, он уловил хватающий за душу скрежет со стороны второго чудовища.

Отростки с присосками стремились к груди и горлу человека, и Ульдиссиан прикладывал все усилия, чтобы не дать им добраться до него. Он держал своими руками ужасные конечности существа за запястья, толкая верхнюю часть чудища вверх, насколько хватало сил.

Перекрывая шум борьбы, Малик почти равнодушно заметил:

-Они оставят от тебя ровно столько, дитя моё, сколько надо Примасу для работы. Не более того.

Ульдиссиан попытался покончить с ними так же, как с огненным големом, но эти существа были здесь как рыбы в воде. Нет, даже более того. Не понимая, почему, Ульдиссиан был уверен, что демон, уничтоженный перед этим, стоял гораздо ниже этих ужасных уродов.

Длинный острый клюв навис над головой Ульдиссиана. Фермер ожидал, что существо клюнет его или даже попытается пронзить ему череп... Но вместо этого клюв широко распахнулся, и из него стал вылетать режущий ухо крик, понимающий Ульдиссиана до костей, крик без конца или даже передышки.

Чтобы не потерять сознание под яростным напором, он мог сделать только одно. Со стуком в ушах Ульдиссиан наконец отпустил одну из рук птицеобразного и потянулся за клювом. Но как только он сделал это, присоски упали ему на грудь.

Отвратительное сверлящее ощущение возникло там, где присоски существа касались его, но Ульдиссиан не мог позволить боли остановить его, как в прошлый раз. Напрягаясь, он схватил клюв и, сам крича, плотно его сдавил. Птицеобразный замотал головой, пытаясь освободиться, даже при этом не переставая высасывать из человека то, что, по предположению последнего, было его жизненными силами.

Всё ещё испытывая головокружение, Ульдиссиан попытался оттолкнуть своего противника. Только тогда он осознал, что что-то схватило его за ноги и начало тянуть к себе его... А вместе с ним и птицеобразного... Туда, где, как припомнил фермер, находился другой демон.

Совсем не желая знать, какой ужас для него уготовило второе существо, Ульдиссиан удвоил свои усилия, но не мог освободиться от своего первоначального врага. Сила, которая до сих пор хорошо защищала его, теперь совершенно испарилась, и он только мог предполагать, что это из-за того, что он не привык использовать её такое длительное время в таких отчаянных условиях. Было время, когда у Ульдиссиана не было сомнений, что он сможет легко одолеть любое отродье, но сейчас положение было другим.

Он не боялся смерти, ведь, опять же, Малик хотел взять его живым, но высший жрец больше не заботился о том, в каком состоянии окажется Ульдиссиан в итоге. Изодранного кровавого куска мяса, который всё ещё дышит, по-видимому, будет достаточно, чтобы порадовать загадочного и, очевидно, не очень-то жалостливого Примаса.

Вампирические присоски птицеобразного начали оказывать своё действие. Ульдиссиан подумал со страхом, что станет с другими, если он потерпит поражение. Исполненное доверия лицо Лилии особенно живо стояло перед глазами. Их всех перебьют... Если до сих пор не сделали этого. Он не представлял, по-прежнему ли защищены трое, ровно как и что случилось с Ахилием, который до сих пор не вернулся с охоты. Скорее всего, лучника надзиратели мира убили первым ещё в лесу.

Онемение коснулось его ног и поползло вверх, и Ульдиссиан знал, что это делает не птицеобразный. Значит, оба демона добрались до него. Конечно, ему конец.

-Л-лилия...- пробормотал он.- Лил...

Его тело объяла дрожь, но не от того, что делали с ним его чудовищные враги. Несметная, восхитительная сила наполнила сына Диомеда. Мгновенно он почувствовал себя не только обновлённым, но и более могучим, чем когда-либо прежде. Совместные усилия двух существ теперь практически ничего не значили. Мысль о том, что он боялся быть убитым кем-то наподобие их, заставила Ульдиссиана рассмеяться.

Воодушевлённый, Ульдиссиан сдавил клюв демона с новой силой. Однако на этот раз он не собирался ограничиться тем, чтобы отклонить его в сторону.

Одного сжатия хватило, чтобы разломить клюв. Демон издал неразборчивый звук и попытался вырваться. Тёмный зелёный гной начал вытекать из пасти, заливая Ульдиссиана. Он не обращал внимания на жжение, которое вызывала каждая тошнотворная капля, с радостью раздумывая, что ему делать дальше. Сила бушевала в нём, как ревущая река, непрестанно его подпитывая. Он чувствовал, что его тело разрастается. Он был великаном по сравнению с его врагами, титаном.

Даже богом.

Малик нахмурился: не в первый раз он чувствовал, что что-то идёт не так. Первым разом было, когда глупец сразу же атаковал только что материализовавшихся демонов. Уничтожение Ульдиссианом бритвообразного пириоха, самого могущественного из демонов, которых дал ему в услужение хозяин, ошеломила высшего жреца сильнее, чем он показывал. Он даже не успел почувствовать прилив сил у фермера – так быстро последовали результаты.

Но два других демона действовали, как он того желал, и, казалось, были готовы быстро разобраться с жертвой. Малик поддерживал свои собственные обострённые чувства в их высшей точке, чтобы не дать существам увлечься – а демоны хотели этого – и убить Ульдиссиана. По сути, высший жрец принимал участие в битве, почти как если бы он физически сражался с Ульдиссианом... И именно поэтому он тоже заметил поразительную и невозможную волну силы, вдруг прокатившуюся сквозь то, что миг назад было измолоченным, надломленным посмешищем.

Заметил волну... И не мог уразуметь, как такое было возможно. Малику чуть ли не казалось, что Ульдиссиан подпитывается из другого источника...

Оторвавшись от сражения, он взглянул на остальных. Жрец немедленно исключил Серентию, которая едва чувствовала силу, растущую внутри неё, и выглядевшего растерянным дурака рядом с девчонкой, которого он определил как брата Ульдиссиана. В брате *было* что-то особенное, но не он был источником.

И затем Малик посмотрел на последнего человека, который, по его первому предположению, представлял для него наименьший интерес. Он рассмотрел её очень близко, рассмотрел её так, как мог позволить только один из его навыков.

И увидел что-то, чего он никак не мог предположить.

-Великий Люцион!- выпалил он, вдруг неспособный поддерживать вид полной уверенности и пренебрежения. Рука с указующим перстом поднялась, и слова заклинания были готовы сорваться с губ...

Острая боль пронизала его спину рядом с левой лопаткой. Сведущий в строении человеческого тела и его слабых мест, попадание в которые приносит томительную либо мгновенную смерть, разум Малика запросто рассчитал, что попади то, что поразило его, – по его предположению, стрела – на дюйм ближе к центру, то даже его силы оказалось бы недостаточно, чтобы спастись. Раз так, он немедленно решил использовать дары своего хозяина, чтобы уберечь себя не только от смертельного кровотечения, но и от потери сознания.

К сожалению, это означало, что он не может больше управлять ходом битвы или разбираться с остальными – ошеломляющее открытие. Малик отшатнулся назад, пытаясь не терять фокуса. Тем не менее, его перемещение привело к тому, что вместо него пал брат Рондо – стрела пронзила горло надзирателя мира. Священник уловил мельком чью-то гибкую фигуру, темнеющую у края лагеря, фигуру простого *лучника*. Малику оскорбительно было думать, что кто-то без *каких-либо* мастерских навыков подвёл его к порогу смерти.

Затем с того места, где сражался Ульдиссиан, донёсся странный и тревожащий звук. Малик поначалу подумал, что, *быть может*, одно из его существ освободилось от фермера и теперь переломило его пополам. Но вместо этого он увидел, что это Ульдиссиан снова *свободен*. Хуже того, в его руке конечность демона с клювом... Впрочем, клюва у того уже не было. Священник видел, как Ульдиссиан отбрасывает труп чудовища и двумя руками хватает третьего демона за его толстый клейкий язык. Этот язык Малик в последний раз видел обёрнутым вокруг ног глушца, и язык этот излучал такой холод, что вмиг мог заморозить большинство смертных.

Тем не менее, Ульдиссиан не только пережил этот холод, но теперь тянул к себе последнего из смертоносных приспешников Малика. Скрежещущие зубы демона сомкнулись на поясе фермера, и на миг высший жрец подумал, что Ульдиссиан совершил непоправимую ошибку.

Но свирепые зубы *раскрошились*, словно хрупкое стекло, о голую плоть человека.

Стиснув свои собственные зубы, Ульдиссиан освободил одну руку, затем схватил окровавленный кусок клюва первого демона. Держа длинный остроконечный кусок на манер кинжала, Ульдиссиан вонзил его в мясистый участок чуть выше чудовищной пасти его врага.

Демон завизжал... И нескладной кучей рухнул на землю. Густая тёмная жидкость вытекала из огромной раны на его теле.

Когда это произошло, стрела по воле Малика вылезла из его спины. Священник чувствовал, как остатки его

раны затягиваются. Какая-то боль осталась, но его слабость теперь в основном происходила из совмещения его лечения с попытками управлять демонами.

«Так не должно быть» - подумал Малик, глядя на кончину его последнего демона. Примас будет в ярости. Высший жрец содрогнулся при мысли, в какую форму выльется эта ярость. Ему вспомнилось, какую форму принял гнев его хозяина на предыдущих жрецов другого ордена. От них мало что осталось.

Но задание оказалось не таким простым, как думалось. Малик всё ещё не мог сказать, где всё пошло не так, но он не мог избавиться от ощущения, что в игре есть какой-то элемент, который не чувствует даже Примас, каким бы *это* казалось невозможным.

Ульдисиан посмотрел на священника, и на его залитом потом лице отразилось выражение, которое напомнило Малику ярость, на какую, он думал, был способен только Примас.

Позабыв о своих приспешниках, Малик быстро приготовился защищаться.

Сила, которая ударила его и его надзирателей мира была в сто раз сильнее той, что ранее отбросила воинов. На этот раз тела разлетелись, словно были пущены из катапульт. Люди кричали, ударяясь о стволы деревьев или исчезая в глубине леса. Одного надзирателя мира ударило с такой силой, что ствол дуба переломился, и дерево рухнуло на своих соседей.

Только Малик остался стоять... Едва держась на ногах. Он с изумлением смотрел, как Ульдисиан хмуро бредёт к нему. Глаза фермера налились кровью, и священник знал, что его так называемая жертва настроена на что-то гораздо худшее, чем демонстрировалось до сих пор.

Зная это, Малик поступил наимудрейшим образом.

Пылевой вихрь закружился перед Ульдисианом, стремительно поднимая в воздух куски грязи и обломки. Рукотворная буря обрушилась на лицо Ульдисиана, на время ослепляя его.

Священник сосредоточился...

Ульдисиан отмахивался от густого облака, сердитый на себя за то, что не ожидал чего-нибудь подобного. Ослеплённый, он приготовился к худшему: он был уверен, что у Малика есть в запасе ещё куда более коварные атаки.

Но пыль улеглась почти сразу... Не выявляя за собой и признаков присутствия высшего жреца.

Сын Диомеда стоял, сбитый с толку, ожидая очередной уловки, но Малик больше не появлялся и не нападал. Вместо этого тонкие руки прикоснулись к спине Ульдисиана и голос Лилии объявил:

-Ты сделал это, Ульдисиан! Ты спас всех нас от священника и его демонов!

Он осмотрелся вокруг, видя только трупы надзирателей мира и двух чудовищ. По меньшей мере три надзирателя лежали, пронзённые стрелами, – не один Ульдисиан был ответственен за защиту группы. Даже сейчас Ахилий стоял подле Серентии, утешая дочь торговца.

-Прости её неосмотрительность, любовь моя,- мягко добавила Лилия.- Она не хотела наслать на нас беду.

Ульдисиан хотел было подойти к Серентии и объяснить, что он понимает, что Малик захватил контроль над её разумом, но решил оставить это дело охотнику. Ахилий предпримет всё, чтобы терзающая себя девушка успокоилась.

-Ты был великолепен!- продолжала благородная дева на одном дыхании.- Теперь ты видишь, любовь моя? Теперь ты видишь, что нет ничего, что тебе не по силам, что может помешать тебе воплотить нашу мечту?

Естественно, он всё видел, и всё ещё был в восторге от себя и своих проявившихся способностей. Высший жрец Триединого наслал на него заклинания, людей и чудовищ – и проиграл. Может ли хоть *кто-нибудь* успешно угрожать ему? Конечно же, нет...

Но они *будут* пытаться... И остальные, особенно Лилия, будут зависеть от него, пока они тоже не научатся до конца пробуждать силу внутри себя.

-Пусть приходят,- пробормотал он, сам того не сознавая.- Пусть *он* приходит,- добавил Ульдиссиан, имея в виду Малика.

Лилия встала сбоку, её глаза блестели в свете лагерного костра.

-Ульдиссиан! Ты слышал, что говорил священник? Ты слышал имя?

-Имя?- он попытался вспомнить, но ему не удалось.- Какое имя?

Её губы приблизились к нему.

-Он сказал: *Люцион*. Священник выкрикнул демонам имя *Люцион*! Она перевела взор на Мендельна, который как раз подходил к ним. Брат Ульдиссиана вздрогнул.

-Ты. Ты слышал, так?

Мендельн заметно промедлил, приводя в порядок мысли. Затем кивнул:

-Да. Я слышал, как он произносил это имя. Я слышал, Ульдиссиан.

Люцион. То же самое имя, которое выкрикнул первый демон перед тем, как умереть. Теперь и Малик помянул его.

Была ли какая-то связь между Храмом и Люционом? Между Примасом и этим хозяином демонов?

Ульдиссиан почувствовал, что при этой мысли ему делается не по себе. Демоны на поводке у Храма. Что это означало?

И кем тогда был Примас, которого могли звать также: *Люцион*?

Глава девятая

Малик закричал снова... И снова... И снова...

Он кричал, несмотря на то, что никто больше не мог услышать его здесь, в святой святых его хозяина. Он молил освободить от мучения, хотя и знал, что никто не придёт, пока Примас не захочет этого... Если это вообще когда-нибудь произойдёт. В силах хозяина было сделать так, чтобы боль Малика длилась вечно.

Страх заставил высшего жреца закричать с новой силой.

Затем, ни с того ни с сего, боль исчезла. Со вздохом Малик упал на каменный пол. Твёрдость пола поразила его, ибо он мог поклясться, что плывёт в море игл и пламени.

-Я мог бы послать однолетнего новичка вместо тебя, и достиг бы отличного результата, - раздался голос Примаса. В нём не было того мягкого спокойствия, к которому привыкли верующие, внимающие верховному священнику. Малик, тем не менее, хорошо знал этот холодный тон. Хотя он и был раньше всегда адресован другим, *не* ему.

И те, кому этот тон *был* адресован, уже никогда не покинули эту комнату.

-Я так разочарован в тебе, - продолжал Примас. - Я возложил на тебя такие большие надежды, мой Малик, такие большие надежды! Кто был моим любимчиком гораздо дольше, чем любой другой смертный?

Малик знал, что вопрос не был риторическим.

-Я б-был, о Великий...

-Да... Да, ты был, мой Малик. Твоя жизнь длится вдвое дольше жизни любого человека, и, вспомни, ты сам наблюдал преждевременный уход нескольких других...

Теперь высший жрец ордена Мефиса и вправду ожидал, что пришёл его конец. Он взглянул вверх, желая увидеть своего хозяина в последний раз.

Примас посмотрел вниз на слугу со своего огромного трона; тишина длилась так долго, что Малик начал дрожать, несмотря на его попытку выглядеть уверенным даже пред лицом смерти или даже худшего, чем смерть. Обычно хозяин так задумывался, когда прорабатывал что-то особенно ужасное.

Величественный муж встал и размеренными шагами подошёл к своему потерпевшему поражение подчинённому. Примас смотрел на Малика так, словно обдумывал что-то. Впервые с тех пор, как высший жрец заставил себя вернуться в великий храм, он позволил себе тень надежды. Будет ли ему дарована отсрочка?

-Я много вложил в тебя, мой Малик, - голос Примаса ещё больше омрачился. Каждый слог был ядом, каждое слово – гибелью. Высший жрец снова опустил голову, уверенный, что после всего меч ещё опустится на неё.

Вместо этого рука хозяина потянулась за его рукой. Дрожа, Малик протянул её. Примас помог ему встать.

-Я – *его* сын, мой Малик, и отвечаю перед ним так же, как ты отвечаешь передо мной! На этот раз я дарую тебе жизнь, ибо в моей голове есть вопросы, которые даже ты не можешь понять, те, что могут касаться этого существа по имени Ульдисиан...

-Воистину я благодарен, хозяин! Я живу только для того, чтобы служить тебе! Клянусь!

Всё ещё держа руку Малика в своей, Примас кивнул.

-Да... Это так... И чтобы ты помнил об этом, я даю тебе долговременный подарок.

Высший жрец снова закричал, когда его захваченную конечность словно объяло пламенем. К его потрясению и смятению, она начала искажаться и изгибаться, превращаясь. Ушли мягкая плоть и сухожилия, их место заняло нечто покоробленное, влажное и зелёное. Толстая чешуя обильно покрыла руку выше запястья. Пальцы скривились и покрылись когтями, два последних пальца срослись в один.

Мучение продолжалось долго после того, как закончилось заклинание. Примас не давал Малику упасть на колени. Он заставил священника стоять и смотреть на него, взор хозяина не давал слуге освободиться.

-Теперь на тебе моя метка, мой Малик... Моя и моего отца,- Примас наконец отпустил его.- Отныне и навсегда.

Малик закачался, но постарался не упасть. Раскачиваясь взад и вперёд, он продолжал смотреть вниз и, задыхаясь, сказал:

-В-велик Люцион, всемогущий и всезнающий... И ещё более велик его... Его отец, блистательный и великодушный...- человек снова осмелился поднять голову.- *Мефисто!*

Люцион улыбнулся, его превосходные зубы внезапно заострились. Его выражение вдруг потемнело, но это никак не было связано с освещением. Хотя это было всего лишь мимолётное виденье его истинной сущности, даже этого было достаточно, чтобы высший жрец побледнел так, как никогда.

Затем, так же быстро, как он изменился, Примас снова вернул свою приятную наружность. Он потянулся к Малику и положил руку ему на плечо. Священник умудрился не вздрогнуть.

-Ты хорошо усвоил урок, мой Малик! Потому ты и остаёшься моим *любимчиком*. Пока. А теперь идём! Думаю, этот вопрос мы лучше разберём внизу...

-Как пожелаешь, о Великий,- сжимая свою искажённую, трепещущую руку, Малик занял место подле Примаса. Больше он ни чего не сказал – не хотел воскрешать гнев хозяина на него.

Тот, чьё истинное имя было Люцион, сын Мефисто, повёл Малика не к дверям в святую святых, но к стене позади трона. Когда они подошли туда, Примас прочертил в воздухе дугу.

Пылающая алая арка образовалась в стене. Она быстро удлинилась, её концы достигли каменного пола прежде, чем Малик успел сделать второй вздох. Когда это произошло, область внутри неё исчезла... Открывая взору коридор в свете факелов, который опускался под землю наподобие какой-нибудь древней гробницы. Что было ещё более зловеще, вдоль самих стен шли многие ряды словно каменных стражей, чья жуткая броня даже отдалённо не напоминала броню надзирателей мира.

Когда Люцион и высший жрец Мефиса вступили в подземный коридор, зловещие стражи перевели на них свои взгляды. Ряды немедленно насторожились. Из-под чёрных шлемов, форма которых напоминала черепа безрогих баранов, выглядывали не глаза – чёрные впадины. Кожа воинов была цвета надгробий, а их нагрудники носили эмблему их нечестивого призвания – кровотокающий череп, что пронзён двумя мечами, оплетёнными змеями.

Малик хорошо знал их – ещё бы, сам отобрал многих в их ряды. В отличие от его хозяина, они не пугали его, потому что высшим жрецам было уготовано руководить ими во имя Примаса в день, когда Храм завоюет полную власть над Санктуарием и все притворства будут скинуты.

Санктуарий. Это название было известно немногим, большинство из которых не были человеческой плоти. Малик узнал правду о своём мере из уст хозяина, который был способен понимать реальность лучше, чем большинство других. В конце концов, разве не был он одной крови – если такое упрощённое определение было уместно – с Повелителем Ненависти, которого иные называли бы демоном и кто был, вместе с его братьями Баалом и Диабло, хозяевами Пылающего Ада?

Идея добра и зла в её наиболее традиционном представлении уже давно перестала интересовать Малика. Высший жрец понимал только силу, а то, что представлял собой Примас, была несметная сила *всего* сущего. Разве не Трое собрались вместе, чтобы создать мир Санктуария и людей силой своего собственного воображения? И разве не были они обмануты тем, кого они считали своим союзником, и изгнаны из Санктуария на века? И всё же, несмотря на обман, они теперь вступили в мир своего собственного творения и скоро смогут вырвать его из лап того, кто когда-то украл его. Это проклятое создание верило, что у него теперь есть своё королевство, а с его обитателями можно играть, как он пожелает. Но он недооценил Трои и, по возвышенному мнению Малика, сына одного из них – Люциона – недооценил больше всех.

Именно Люцион по прошествии всего этого времени заставил предателя выйти из тени, сделал его присутствие видимым для них. Это был первый шаг по перехвату Санктуария и возвращению его в то состояние, в каком он должен быть по замыслу... Местом, в котором те, кто достоин – такие, как он, – возвысятся, чтобы помогать Трои превращать всё сущее в отражение их истинного великолепия.

И для таких, как Малик, это означало больше силы, чем было у всех магических кланов и мелких знатных сошек вместе взятых.

Зачем именно в этой связи Примасу понадобился Ульдисиан, даже высший жрец не понимал до конца. По мнению Малика, вероятнее всего было, что Ульдисиану уготовано стать первым в новом легионе воинов Трёх. Какое ещё ему могло быть применение? Малик видел потенциал – он *чувствовал* потенциал, – и потому считал, что прав. Фермер будет должным образом сломлен, он будет готов поддаться воле Владыки Люциона. После

этого он станет идеальным слугой, выполняющим все команды, какими бы ужасными они ни были.

«Точь в точь как морлу» – подумал священник.

Словно чтобы укрепить эту последнюю мысль, коридор наконец закончился. Искрящаяся завеса ядовито-зелёного, которую Малик хорошо знал, встала перед двумя.

Сын Мефисто снова сделал жест. Завеса превратилась в густой дым, который рассеялся... И под внезапный раздражающий лязг металла о металл им открылось логово морлу.

Так Люцион назвал своих солдат в бараньих масках. Морлу. Это было слово силы, два слога, пропитанных магией величия Примаса. Морлу были более чем просто фанатичны; они жили и дышали волей Повелителя Ненависти. Они больше не спали, не ели. Морлу делали только одно – сражались.

И когда Малик и его хозяин вошли в огромную залу в форме чаши, вырытую глубоко под землёй великого храма, они застали морлу как раз за этим занятием. Освещённая густыми жгучими реками расплавленной земли, текущими в случайных направлениях по огромным расщелинам, сцена была кошмаром, достойным демона. Несметное море заключённых в броню тел рубили и хлестали, и резали, и отталкивали друг друга с крайней несдержанностью и полнейшим весельем. Каждый воин кровоточил от множества глубоких разрезов на своём теле. Конечности лежали оторванными на залитой сукровицей земле. Трупы были во множестве разбросаны повсюду, насколько хватало глаз. Малик наблюдал головы, откатившиеся далеко от туловищ, рты – если челюсти ещё были на месте – были всё ещё открыты в предсмертных криках. У многих лиц не хватало глаза или двух, носа или уха, и они при этом совсем не отличались от большинства живых, которые, столь же искалеченные и безобразные, были увлечены битвой и потому не обращали на свои раны никакого внимания.

Куски других частей тела плавали или лежали на берегах лавовых рек, и с каждым вздохом их всё больше добавлялось рьяными бойцами.

Быстрое изучение сцены внизу давало понять, что в их борьбе не было ни ритма, ни причины, ни различных сторон противостояния. У морлу не было такого. Каждый воин сражался за себя, объединяясь с себе подобными лишь на столько, сколько было нужно, чтобы выполнить какую-то общую задачу... Сразу после чего они, как правило, обрушивались друг на друга. Они с радостью убивали друг друга с тем же титаническим напряжением, с каким они бы разделялись с любым внешним врагом. Только против внешнего врага они по-настоящему объединялись, ибо этого от них больше всего хотел владыка. Они были созданы становиться чумой для тех, кого нельзя было обратить, кто наверняка пошёл бы служить предателю, по своей воле или будучи обманутым.

Люцион взглянул наверх, хотя Малик и знал прекрасно, что могучего спутника его совсем не интересовали каменные образования. Примас смотрел за пределы видимого смертными, в то место, какое никакие тренировки не могли бы открыть взору высших жрецов или других простых людей.

-Мы хорошо выбрали время для визита. Час близок, мой Малик, - проговорил Примас с тоном, напоминающим любовь отца, который гордится за своих детей. - Давай остановимся и насладимся красотой всего этого, пока оно обновляется...

Опустив глаза на катастрофическую картину внизу, Владыка Люцион указал на самый центр, где продолжалась самая кровавая резня. В самой середине чёрный драгоценный камень размером почти с человека был установлен на треугольной колонне из мрамора с красными прожилками. Немудрено, что он назывался «кровавым мрамором». Хозяин Малика назвал камень Поцелуем Мефисто, хотя священник и имел из прошлых замечаний основание полагать, что когда-то он был назван в честь другого, о ком Владыка Люцион не говорил.

-Смотри, мой Малик...

Словно само время замерло, каждый воин морлу внезапно застыл на месте. Клинки остановились наполовину вонзённые в животы. Отрубленные головы застыли в падении с опустевших шей. Над огромным логовом нависла полная тишина.

Поцелуй Мефисто испустил вспышку чёрного света. Не темноты, но совершенно, непроницаемо чёрного света.

И когда этот свет прошёл сквозь сражающихся и павших, они стали искажаться и изменяться, словно их кости стали жидкими. Потерянные конечности взлетели вверх, чтобы встать на свои места, зияющие раны затянулись. Изувеченные трупы зашевелились, вновь оживлённые. Малик, наблюдая за этим, вспомнил о своём собственном недавнем изменении и стиснул обезображенную руку.

Ряды морлу воссоздавали сами себя. Даже из выпускающих пар глубин магмовых рек появлялись воскрешённые воины. Их броня сначала ярко сияла жгучим жаром, в котором искупались их трупы, затем становилась гнетуще чёрной.

Для Малика было чудом это поднятие мёртвых и исцеление раненных, хотя он и знал, что в некотором роде это не было тем, чем казалось. Камень *не* обладал способностью возвращать к жизни останки смертных. Те морлу, которые были убиты сегодня или раньше, на самом деле больше не были людьми. Это были трупы, оживлённые нечистым величием Мефисто по воле его сына, Люциона. Они были наполнены демонической сущностью, которая имитировала некогда существовавшую жизнь. Каждый новый воин морлу быстро пополнял ряды оживлённых – таким жёстким было непрестанное сражение, – но они считали это честью, веря, что их души каким-то образом всё ещё являются частью всего этого.

Но что воистину случалось с этими душами, наверняка знал только Повелитель Ненависти – во всяком случае, там думал Малик.

В считанные секунды поле снова было заполнено неустанными бойцами в исходной боевой готовности. Некоторые из них рычали друг на друга или размахивали мечами, булавами, топорами и другим оружием перед возможными противниками. Кровь, которая покрывала большую часть местности, впиталась в каменистую землю. Всё выглядело так, будто битвы никогда не происходило.

-Демос...- прошептал Владыка Люцион.

Из дальней части пещеры, из глубины рядов появился особенно крупный и безобразный морлу и посмотрел на двоих. Внезапно он поднял свой огромный меч и издал гортанный крик, приветствуя своего хозяина.

Примас кивнул, а затем поднял одну руку с оттопыренными пальцами. Демос кивнул и начал пробираться сквозь ряды вздымающихся тел. Вдруг он схватил одного за ворот и вытянул его с его позиции. Морлу последовал за Демосом, тогда как выбранный Примасом командир стал выискивать следующего. Таким способом были выбраны пятеро, которые пошли за Демосом туда, где их ждали Люцион и Малик.

-Великий хозяин...- прохрипел Демос, встав на одно колено. Его голос был голосом любого морлу, убитого однажды. Он звучал так, будто, несмотря на все усилия, тёмная сущность внутри не могла полностью притвориться человеком. Голос Демоса никогда не сошёл бы за голос смертного.

Позади главного морлу пятеро остальных тоже преклонили колени. Люцион тронул верхнюю часть бараньего шлема, давая своё благословение. Тогда Демос повернулся к Малику:

-Высший жрец...

Малик повторил жест своего хозяина.

-Встань, Демос,- приказал сын Мефисто. Когда старший морлу подчинился, Примас сказал. - Ты под начальством высшего жреца. Будешь подчиняться ему во всём.

-Да, Великий...

-Добыть нужно живых и мёртвых, Демос. Ты понимаешь разницу.

Фигура в шлеме кивнула. Малик знал Демоса по прошлой надобности. Шлем только частично скрывал лицо, которое выглядело так, словно Поцелую Мефисто не удалось полностью его переделать. От носа ничего не осталось кроме зияющих дыр, а нижняя челюсть Демоса, похоже, принадлежала другому, более крупному созданию – возможно, медведю. Впадины, которые когда-то были глазами, находились на разном уровне. Тем не менее, не считая того, что у него больше не было глаз, Демос мало изменился с тех пор, как впервые был принят в *живые* ряды новых морлу. Он был когда-то особенно уродливым человеком, как внутри, так и снаружи, и даже после его душа опровергала пословицу, что не стоит судить о книге по обложке. В самом деле, было мало разницы между смертным Демосом и тем, что ныне занимало его оболочку.

-Высший жрец покажет, кого надо сохранить, кого – убить,- продолжил Люцион. Затем, к удивлению Малика, повелитель демонов добавил. - Но тебе также придётся быть настороже с другим.

-Другим?- выпалил священник, вдруг вспоминая что-то из того, что он твердил своему повелителю в защиту своей неудачи, когда Примас его наказывал.

В голосе Примаса прозвучала нотка, которую Малик не слышал в нём за все годы служения Великому. Это прозвучало почти как... *Неуверенность*? Но *нет*, быстро решил человек, этого не может быть. Люцион *никогда* не бывает не уверен.

Никогда...

-Я почувствовал...- сказал сын Мефисто после не менее тревожной тишины, - ...что не всё является тем, чем видится на поверхности. Здесь есть некое вторжение, некто... Другой...- он умолк, внезапно погружённый в

размышления.

Морлу беспокойно зашевелился, а Малик всё больше тревожился. Хозяин обычно так не делал. Он никогда не останавливался, никогда не колебался.

Что происходило? *Кто* был этот другой?

Малик снова вспомнил свои собственные подозрения по время неудачной стычки с фермером. Его одолела невероятная сила, какой владел простак Ульдисиан, сила, совмещённая с умением, каким глупец не должен был обладать. Высший жрец гадал, не стояло ли что-то за этим, всё ли обстояло так, как казалось.

А теперь... А теперь Малик подозревал, что Владыка Люцион думает так же. Владыка Люцион, похоже, поверил в его историю.

Сын Мефисто покачал головой, его лицо страшно потемнело.

-Нет... Этого никак не может быть, - тёмное выражение исчезло, оставляя место полной убеждённости, к которой Малик больше привык. - Вы будете знать, - внезапно и спокойно продолжил Примас, обращаясь одновременно к священнику и Демосу. - На этот раз вы будете знать. С этим нужно покончить. Фермер – этот Ульдисиан уль-Диомед – должен быть сохранён, но *этого* и всего остального вокруг него должно не быть. Это *понятно*?

Главный морлу склонил голову в знак подтверждения. Малик кивнул, его человеческая рука всё ещё сжимала превращённую.

Люцион заметил это. Благожелательно улыбаясь, он сказал человеку:

-Это *во истину* мой подарок тебе, мой Малик. Вот увидишь. Вот увидишь...

Это заявление ободрило высшего жреца. Малик по-новому посмотрел на жуткий отросток. Его хозяин ничего не делал просто так. Так что же, настоящий *подарок*? Он мог изгибать пальцы так же легко, как и старые, в некоторых местах даже так, как раньше было невозможно. Боль тоже наконец-то начала стихать. Что любопытно, священник стал себя чувствовать сильнее, чем был раньше.

Соединяя пальцы, сын Мефисто закончил:

-Теперь пора заново начать поиск того, кого зовут Ульдисианом. Я не потерплю неудачи; это понятно?

Снова Малик и Демос без слов выразили понимание.

-Тогда это всё. Отправляйтесь немедленно.

Отобранные морлу собрались позади Малика, который поклонился хозяину. Пыл сменился страхом в сердце священника. Он тихо клялся, что преподнесёт Ульдисиана уль-Диомеда Владыке Люциону, даже если придётся прибить фермера так, что в нём останется лишь одна искорка жизни, достаточная для использования Примасом.

Уводя Демоса и остальную пятёрку морлу, Малик думал также о вторжении другого, о котором говорил его хозяин. Независимо от того, какой силой оно владело, Владыка Люцион не желал от него ничего. Он хотел, чтобы оно было уничтожено, не сохранено. У высшего жреца было острое ощущение, что его хозяин *знает*, что – или кто – это был.

Малик был не из тех, кто предаёт своего хозяина. Он был не настолько глуп. И всё же, конечно, никакого вреда не будет оттого, если он узнает, *чем* является это нечто. Затем, когда его любопытство будет удовлетворено, он позволит морлу уничтожить это.

Вся надежда была на глупость фермера...

Люцион не видел, как ушёл Малик. Он знал, что можно не сомневаться в повиновении священника. У смертного не было другого выбора.

Легионы морлу продолжали выказывать нетерпение, но они могли подождать. Он не сказал своим слугам всего, не поделился с ними истинным ходом своих мыслей.

«Этого не может быть, - спорил он сам с собой. - Этого не может быть... Её. Она не может быть здесь...»

И это заставило его думать о другом, о том, с кем он играл в эту игру контроля над разумами и душами мертвых. Тот был так же мало похож на них, как и он. Могло ли быть, что его враг принимает в этом какое-то участие? Был ли это план выбить Люциона и его отца из равновесия? Это определённо было больше похоже на правду, чем возможность, что *она* была здесь.

Он ещё не сказал своему отцу. Точно так же, как Малик разумно боялся наказания Примаса, так и Люцион боялся гнева своего господина. Его собственная чудовищная природа бледнела в сравнении с природой Повелителя Ненависти. Нет, сейчас Мефисто нельзя говорить.

Но если это *была* она... То рано или поздно Люциону придётся предстать перед отцом.

«Я должен выяснить больше». Чего он не сказал Малику, так этого того, что, умри или выживи тот после очередного столкновения с фермером, священник раскроет Люциону правду об этой второй силе, использующей человека, чтобы скрыть своё присутствие. Малик был связан своей новой рукой со своим хозяином больше, чем он предполагал. Рука обладала такими способностями, которые могли уничтожить даже её... Ценой его человеческой оболочки, конечно же. Люцион считал Малика особенно полезным, но эта потеря оказалась бы малой, если бы была осуществлена во имя защиты Санктуария, особенно от неё.

Пытаясь умерить тревогу, Примас кивнул ожидающим внизу воинам.

Издав совместный крик, морлу снова кинулись друг на друга. Металл залязгал о металл. Сотня воинов была убита на первом вздохе. Кровь залила пол огромной залы, и крики раненных отдавались музыкой в ушах их хозяина.

И всё же, несмотря на наслаждение бесконечной резнёй, устроенной его пылками слугами, мысли Люциона продолжали возмущаться возвращением к предыдущей теме. Это *не* может быть она; это *никак* не может быть она. Она ушла, либо изгнана навсегда, либо мертва. Не в её силах побороть ни то, ни другое. Он знал её достаточно хорошо, разве нет? Разве не был он когда-то близок с ней настолько, как почти никто другой? Только двое, возможно, знали её лучше, чем Люцион, и одним из этих двоих был его отец.

Вторым был его неприятель... Который стал причиной её падения.

Что вновь подвело к вопросу, на который Люцион хотел знать ответ.

Не является ли это неким его планом... Знает ли он тоже об её возможном возвращении?

Глава десятая

Никто не стал спорить, когда Ульдиссиан сказал, что на месте оставаться нельзя. Серентия хотела хотя бы собрать вместе трупы для более-менее пристойного погребения, но Ульдиссиана совершенно не волновали тела. Эти люди намеревались взять в плен его и убить его товарищей, и он считал справедливым оставить их на открытом месте, где лесные поедатели падали смогут устроить над ними пир.

Они пытались отыскать лошадей надзирателей мира, но, как ни странно, никаких следов животных они не нашли. Никто не мог припомнить, когда видел их в последний раз, и даже остроглазому Ахилию не удалось напасть на след. Они быстро оставили попытки и, оседлав своих собственных коней, умчались во тьму ночи.

Ульдиссиан во время скачки оставался в напряжении, не потому что так уж сильно боялся за себя, но за остальных... Особенно за Лилию. Малик, конечно же, заметил её с фермером близость, и не было сомнений в том, что высший жрец попытается извлечь преимущество из их связи даже большее, чем из кровной связи между Ульдиссианом и его братом.

Думая о Мендельне, Ульдиссиан взглянул на затенённые черты своего брата. И то небольшое, что он мог разглядеть, выдало ту же озабоченность, которую старший брат замечал ранее. Мендельна, судя по всему, особенно поразило побоище, даже больше, чем Серентию. Ульдиссиан застал его переходящим от одного тела к другому, Мендельн качал головой и что-то высматривал во тьме. Очевидно, потрясение от произошедшего продолжало преследовать Мендельна даже сейчас...

С кряхтением Ульдиссиан вернул свой взор на дорогу. Возможно, было бы лучше оставить Мендельна где-то по пути. Он не хотел вреда своему брату и не хотел также, чтобы хрупкое состояние Мендельна создавало для него затруднения впоследствии. Ульдиссиан всегда знал, что его брат не так силен физически, как он, но считал, что у Мендельна крепкий рассудок. И вот выяснилось, что он ошибался.

Он снова взглянул через плечо на своего брата. Да, Мендельн выглядел как человек, которому что-то не даёт покоя. Что-то придётся предпринять, если так будет продолжаться и впредь...

Они ехали быстрее и быстрее, словно ветер скача сквозь покров ночи. Мендельн отчаянно пытался смотреть только вперёд, но даже так он не мог полностью не замечать их.

Их было пятеро: он, его брат и остальные. Больше никого не должно было быть. Пять человек, четверо коней.

Но вместе с этими пятью в пути было *гораздо* больше всадников, и, судя по всему, это мог видеть только Мендельн.

Прозрачные серо-белые дымки парили по обе стороны группы. Они то возникали, то исчезали. У них были костлявые бледные лица и шлемы и нагрудники надзирателей мира. Когда он осмеливался взглянуть в их направлении, они отвечали одним и тем же немигающим взглядом глубоко ввалившихся глаз, словно бесплотные фигуры ждали от него какого-то слова.

Но у Мендельна не было слов для этих призраков людей, убитых Ахилием и его братом, только молчаливая мольба к теням, чтобы они удалились. Но они не только не уходили, но, казалось Мендельну, собирались ближе вокруг *него*. Призраки отлично держали шаг со страдающим фермером, скача верхом на невидимых животных. Мендельн предположил, что, если бы животные тоже были бы убиты в сражении, то и они присоединились бы к призрачному отряду. Эта мысль заставила его нервно усмехнуться, из-за чего Ахилий взглянул на него с беспокойством.

Он думал сказать лучнику о том, что происходит. Возможно, Ахилий был единственным, кто мог понять. Охотник бы вспомнил про необычный камень и проследил бы связь точно так же, как это сделал Мендельн.

Но если Ахилий обладал сколь-нибудь здравым смыслом – а Мендельн думал, что это так, – то светловолосый лучник стал бы немедленно держаться подальше от злополучного фермера. Мендельн определённо не стал бы его винить. Он и сам хотел быть как можно дальше от себя. Тем не менее, так как это было невозможно, ему оставалось только надеяться, что со временем тени уйдут на покой туда, куда бы им ни полагалось уйти.

Да, он мог надеяться, что так случится... Но Мендельн сомневался, что ему так повезёт.

Ночь сменилась туманным днём, но, хотя Ахилий и предлагал остановиться, Ульдиссиан предпочёл гнать лошадей примерно до полудня. Только когда они наткнулись на ручей, окружённый высокими раскидистыми деревьями, он наконец объявил привал.

Даже Ульдиссиан к этому моменту чувствовал себя изнурённым. Спешившись, он поспешил помочь слезть с лошади Лилии. Ахилий помог Серентии. Мендельн соскочил со своей лошади и ринулся к ручью напиться.

Но, ещё не коснувшись рукой прозрачной воды, брат Ульдиссиана внезапно отнял руку, словно ужаленный. Младший сын Диомеда посмотрел вдаль, затем, моргая, оглянулся на остальных.

-Эта вода испорчена,- сказал он, немного колеблясь.- Лучше её не пить. Нам по меньшей мере станет очень плохо.

-Откуда ты знаешь?- спросила Серентия.

Мендельн нахмурился, ведя себя, как показалось Ульдиссиану, как ребёнок, пойманный на лжи.

-Я видел... Видел, как маленькая рыбка... То есть рыбки... Всплывали. Они были мёртвые и покрыты пятнами. Как будто они умерли от болезни.

-Я видел подобное,- вмешался Ахилий.- Если всё так, как описывает Мендельн, то нам лучше не пить.

-Но нам бояться нечего,- объявила Лилия, выходя из-за Ульдиссиана. Она посмотрела на него.- Ты точно можешь разобраться с таким простым делом.

-Разобраться?

-Сделать воду чистой, естественно!

Остальные посмотрели на неё с изумлением. Даже Ульдиссиану не показалось разумным то, что она сказала, но, чем дольше она удерживала его взгляд, тем реальней ему казалась возможность.

-Ну хорошо,- он направился к ручью, лишь мельком взглянув на брата. Мендельн сделал предостерегающий жест, но Ульдиссиан чувствовал, что Лилия наблюдает за ним, и потому миновал брата, не говоря ни слова. Он решил, что может сделать это для неё. Это её уверенность, её любовь каждый раз указывали ему путь. И сейчас будет так же.

Его пальцы коснулись воды. Брызги окропили ему руку, он сосредоточился, желая, чтобы ручей очистился. Ульдиссиан повторял это желание снова и снова в своей голове до тех пор, пока не решил: либо у него получилось, либо всё это было пустой тратой времени.

Когда он убрал руку, Серентия спросила:

-Но как мы узнаем, что это сработало?

И снова Лилия доказала свою веру в Ульдиссиана. Без колебаний она проскользнула к нему и встала на колени перед ручьём.

Это было слишком даже для Ульдиссиана.

-Лилия! Нет...

Но одним стремительным движением она поднесла сложенные руки к губам и выпила содержимое.

Ульдиссиан был готов помочь ей, в страхе, что на этот раз у него не получилось и он подверг опасности жизнь той, что более всех ему дорога. К его удивлению его опасения развеял Мендельн.

-Ручей... Ульдиссиан... Ручей... Теперь чистый. Не стоит беспокоиться, клянусь, брат...

Ульдиссиан не спросил, откуда Мендельн знает это. Но что-то в голосе брата заставило его поверить.

-Он говорит правду,- объявила благородная дева.- Я в порядке, любовь моя. Верь мне.

Он схватил Лилию, крепко сжал её.

-Никогда больше так не делай,- прошептал он ей на ухо.- Тем более из-за меня...

-Но я знала, твоя сила защитит меня... Защитит всех нас. Разве я не была права?

-Просто... Не надо...

-Ну, мне, например, после такого не мешало бы напиться,- громко произнёс Ахилий, ведя вперёд лошадей.- Да и этим прекрасным созданиям...

Его действие вернуло группу в обычное состояние. Ульдисиан и остальные отошли от лошадей вверх по ручью и принялись утолять жажду. Ахилий позаботился о лошадях и присоединился к ним.

Но, когда лучник напился и встал, он вдруг посмотрел за ручей, очевидно разглядывая что-то конкретное. Ульдисиан проследовал за ним взглядом, но ничего не увидел.

-Скоро вернусь,- пробормотал Ахилий... И перемахнул через ручей, исчезая спустя секунду среди деревьев.

Серентия подошла к Ульдисиану.

-Может, надо за ним?

Фермер слишком хорошо знал своего друга. Даже ему было трудно поспевать за Ахилием, когда речь шла о выслеживании добычи в лесу.

-Наверное, он только что увидел кролика или кого-то ещё, и хочет принести его на ужин. Не о чем волноваться. Ты слышала его. С ним всё будет отлично.

Но прошло несколько напряжённых минут, прежде чем Ахилий объявился. Несмотря на то, что он несомненно хорошо пробежался, он совсем не запыхался. Выражение его лица, впрочем, было отнюдь не радостным.

-Тут город неподалёку, где-то час пути пешком, на лошадях куда меньше.

Лилия, которая сидела на скале, вскочила на ноги.

-Город? Это невозможно!

Ахилий склонил голову набок, глядя на раздражённую женщину.

-Не только возможно, миледи, но это *Парта*.

Теперь все остальные выглядели так же, как Лилия.

-Как это возможно?- выпалил Мендельн.- Мы скакали не в том направлении!

-Я *знаю*... Но это точно Парта. Я говорил с одним из местных.

Хоть что-то начало обретать для Ульдисиана смысл.

-Ты поэтому убегал?

-Угу. Я заметил движение, решил не упускать. Думал, это бандит, но это был всего лишь мальчик... Седрик, он сказал, его зовут. Он пытался охотиться,- впервые с тех пор, как возвратился, Ахилий позволил себе короткую улыбку.- И он совсем не плох. Не так-то просто было его выследить. У малого лёгкая стопа.

Не обращая внимания на суждения лучника о способностях мальчишки, Ульдисиан пытался сообразить, как группа сумела проделать такой круг. Парта теперь должна была быть далеко, далеко позади них.

-Малик,- в конце концов пробормотал он. Когда другие посмотрели на Ульдисиана, он сказал.- Вы что, не понимаете? Должно быть, это высший жрец! Это пахнет заклинанием! Кто ещё это мог быть?

Лилия поддержала его.

-Ну конечно, это он! И, зная это, мы уж точно *не* попадёмся в эту ловушку и не пойдём в город! Мы должны немедленно бежать подальше отсюда!

-Но Седрик едва ли походил на орудие священника,- заспорил Ахилий.- И жители Парты обладают репутацией хороших и честных людей...

-Важно не то, какие там люди,- настояла она в свою очередь.- Для него они будут пешками, которых можно использовать против Ульдисиана; вот что мы должны иметь в виду.

К некоторому удивлению Ульдисиана, Серентию поддержала вторую женщину.

-Она права, Ахилий. В таком повороте нет ничего естественного. Должно быть, Малик замышляет что-то отвратительное.

Он посмотрел на своего брата, но Мендельн не спешил высказывать своего мнения. Любопытно, но вместо того, чтобы быть благоразумным и последовать здравому совету Лилии, оставив ловушку позади, Ульдисиану захотелось вступить в Парту. Если Малик надеется устроить ему там сюрприз, то он обнаружит, что его намеченная жертва более чем желает закончить их предыдущее столкновение.

-Мы едем в Парту.

Его заявление было воспринято по-разному: Ахилий оказался самым довольным, Лилия – самой осуждающей. Огонь, которого Ульдисиан никогда не наблюдал ранее, вспыхнул в её глазах. Тем не менее, прошёл лишь короткий миг, прежде чем благородная дева взяла себя в руки. Дрожа, она выдохнула, затем кивнула.

-В Парту,- согласилась Лилия, наконец улыбнувшись.- На край бездны и за его пределы, лишь бы с тобой, любовь моя.

Он был благодарен ей за то, что она передумала. Ульдисиан пришёл к выводу, что причиной её ярости был лишь страх за него. В конце концов, это его Малик жаждал взять в плен.

Но за неё и остальных священник мог приняться тоже. Ульдисиан позаботится о том, чтобы, если Малик ударит, они все оказались защищены. Он просто обязан сделать это, раз это из-за него они подвергаются возможной угрозе.

С Ахилием впереди группа поскакала к городу. Как и указывал охотник, они остановились сразу за пределами видимости Парты. В самом деле, как предполагал Ахилий, им понадобилось менее часа, чтобы добраться до края города.

Парта была гораздо больше Серама или даже Тулисама. Впервые в жизни Ульдисиан наблюдал четырёхъярусные здания, по сравнению с которыми даже амбары богатейших его соседей казались маленькими. Их каменная и деревянная внешняя отделка была сглажена глиной, что придавало им экстравагантный вид. Сводчатые крыши были покрыты черепицей. Улицы...

Улицы покрывала не грязь, но камень. Повозки и лошади пресекали им путь, поднимая грохот, подобный грому. В Парте, пожалуй, было больше людей, чем Ульдисиан видел в своей жизни, и многие из них были одеты так, что заставляли его почувствовать себя бедняком. По сути, из их пятёрки только Лилия была пристойно одета по здешним меркам.

Кто-то позвал их. Зная, что никто из них не был прежде в Парте, Ульдисиан напрягся в седле. Тем не менее, это была не ловушка, а малец, который сразу подбежал к коню Ахилия.

-Хо, Седрик!- крикнул с высоты коня охотник и взъерошил копну волос мальчика.- Я же говорил, что мы скоро будем!

-А я – что позову отца, и позвал!- на одном дыхании ответил Седрик.

И в самом деле, позади мальчика показался величавый господин, по меньшей мере на десяток лет старше Ульдисиана, одетый в ниспадающую чёрно-коричневую мантию, которая немедленно вызвала подозрения фермера. Был ли отец Седрика какого-либо рода священником?

-Успокойся,- быстро сказал Ахилий.- Это торговец вроде Сайруса. Вообще-то, даже, наверное, знает его, если мальчик прав.

-Это они, Сед?- спросил родитель начинающего охотника. Владелец стальных скул, он смахнул назад спадавшие до плеч седеющие чёрные волосы и стал изучать новоприбывших. Его глаза остановились на Лилии, но затем замерли на Серентии.

-Я знаю тебя, хотя ты и выросла! Ты – маленькая дочка Сайруса... Сара, не так ли?

-Серентия,- ответила она, и лицо её омрачилось.

Отец Седрика тут же обратил на это внимание. Более формальным тоном он сказал:

-Мне очень жаль, девочка. Я не должен спрашивать тебя об этом.

Серентия с благодарностью молча кивнула.

Другие городские жители стали останавливаться в зоне видимости, выказывая любопытство к новоприбывшим. Частично этим любопытством последние были обязаны человеку, приветствующему их, который наверняка занимал видное положение в Парте.

-Друзья, моё имя – Этон уль-Гараль, и, хотя я сожалею о своём ушедшем старом товарище, я сердечно приглашаю к себе его родных и друзей.

Ульдисиан посмотрел на Ахилия.

-Они оба были уверены, что мы едем.

-Я просто предположил, что ты скажешь «да», вот и всё. Когда Седрик упомянул, что его отец – знатный торговец, я упомянул имя Сайруса – Серри, извини меня за это – потому что вспомнил, как он говорил, что знает всех торговцев в регионе. Седрик сказал, что побежит и расскажет отцу о нас и о том, что я сказал о старике...

-Немало славных сделок я заключил с Сайрусом, – бросил мастер Этон, блеск старых воспоминаний отразился в его глазах.

-Так или иначе, после того, как путь привёл нас так близко, я понял, что сама судьба хочет, чтобы мы были здесь.

-Это *Малик* хочет, чтобы мы были здесь, Ахилий. Помни об этом.

-Друг мой, – позвал торговец, очевидно, пытаясь пресечь спор. – Что-то не так?

-Ничего, о чём можно говорить здесь, – заметил Ульдисиан низким голосом. – Лучше нам поговорить наедине, мастер Этон. Вашему главе тоже стоит услышать.

-Поскольку я избран лидером Парты, устроить это будет несложно! Но постойте! Кого я имел удовольствие встретить? Я знал дорогую Серентию ещё ребёнком, и не спутаю её красоту даже теперь. Вы, – он указала на Ульдисиана, – ...кажется мне смутно знакомым, но вот остальные – нет. – Взор Этона снова замер на Лилии. – Некоторые – особенно, а ведь я славлюсь своей памятью на лица.

-Я – Ульдисиан уль-Диомед...

-А! Диомед из Серама! Всем сердцем, искренне посвятивший себя земле! В вас что-то есть от него. Вы его первенец, если я не ошибаюсь.

Удостоверившись в отличной памяти пожилого человека, Ульдисиан представил Мендельна и Ахилия, затем, нехотя, Лилию. Он ожидал, что торговец начнёт ей льстить, но мастер Этон слегка поклонился и сказал:

-Судя по одежде и лицу, вы с севера великого города, так?

-Да, – она опустила голову в ответ.

Очевидно, отец Седрика ожидал более подробного ответа, но, когда Лилия продолжила молчать, он воспринял это примерно как молчание Серентии. Он посмотрел на всю группу.

-Что ж, теперь, когда мы все познакомились, прошу к моему скромному дому!

Поначалу Ульдисиан хотел отвергнуть предложение Этона. У человека были добрые намерения, но они прибыли не с визитом. И всё же, если он был знатнейшим жителем и главой, то лучше всего было предупредить его о возможной угрозе для его людей.

Ульдисиан надеялся только, что старый друг Сайруса не бросит его дочь и остальных в тюремную камеру, когда узнает правду. В конце концов, если подумать, это они принесли с собой опасность.

Поскольку Этон пришёл пешком, группа спешила и повела своих лошадей за ним. Ульдисиан заметил, что население теперь воспринимает их как сановников, прибывших с визитом, кланяясь им при приближении. Очевидно было, что мастер Этон очень уважаем не только за свой пост, но и как человек.

То, что человек пришёл без личной стражи, беспокоило Ульдисиана. Были ли жители Парты *так* доверчивы? Или за этим стояло что-то более злое? Если это было дело рук Малика, то ловушка получалась очень запутанной. Ульдисиан не мог разглядеть в ней ни связи, ни смысла. Эти люди казались *хорошими*, честными

людьми. Помимо того, что кланялись, многие из них ещё весело кивали группе. Некоторые из тех, что остались позади группы, уже вернулись к своим делам, очевидно, ни в чём не подозревая незнакомцев.

-Я не был в Сераме много лет,- объявил Этон своим гостям, пока они шли по запылённым улицам.- Как там дела? Это всегда была спокойная остановка. Должен признаться, что я приезжал туда для того, чтобы насладиться её мирной природой в той же мере, что и ради горячих переговоров с мастером Сайрусом!

-Недавно там бушевала яростная буря,- встрял Мендельн. Ульдисиан быстро взглянул на брата, но увидел, что Мендельн больше не собирается ничего добавлять.

-В самом деле? Наверное, это было самое захватывающее, что случилось в Сераме, повезло вам! Я люблю Парту, но здесь столько, столько всего, за чем нужен глаз да глаз, знаете ли. Иногда я думаю, что был бы рад поменяться местом жительства с вашим отцом, госпожа Серентия.

Ульдисиан решил кое-что проверить.

-И предлагают ли священники из Храма или Собора какую-то помощь в ваших усилиях здесь?

-Эти?- оглядываясь на Ульдисиана, торговец усмехнулся.- Ни одного из этих блаженных не было в Парте больше года. Нам от них ничего не нужно. Мы вполне довольны тем, что имеем. Пусть они приберегут свои речи для тех, кто хочет услышать их, вы уж извините меня за такие слова.

Ульдисиан одобрительно кивнул: слова мастера Этона подтвердили то о Парте и её жителях, что он сам до сих пор наблюдал. Он видел, как здоровые мужчины и женщины с удовольствием занимаются своими делами или делают перерыв и обедают либо болтают друг с другом. Он видел чистые улицы, отделанные камнем, и ухоженные строения из камня и дерева. Здесь не было никого, кто бы не был опрятно одет, в простую ли мантию или более изящное одеяние. Это был хороший город с хорошими людьми.

Нельзя было сказать, что всё идеально в Парте. Среди жителей были немощные и калеки. Старик с едва ли оставшимся хоть одним зубом ковылял на одной ноге с костылём в руках. Ещё Ульдисиан увидел маленького мальчика, чья левая рука была недоразвитой копией правой – очевидно, врождённый дефект. Другой человек с внешностью фермера, которую сын Диомеда так хорошо знал по себе самому, носил на руках и шее жестокие шрамы, говорившие о каком-то несчастном случае.

Никого из них не стеснялись соседи; напротив, у всех у них имелись помощники. Парта под начальством Этона, по-видимому, была городом, где люди относились друг к другу очень терпимо – даже Серам мог поучиться этому у них.

Он снова посмотрел на ребёнка. Плохая конечность напомнила ему о его младшей сестре, Амели. В её случае правая рука была нормальной длины, но загнута назад и тонка, как соломинка. При этом Амели была самой жизнерадостной в семье, всегда готовой помочь...

Мальчик скрылся из глаз. Ульдисиан стиснул зубы от горького воспоминания. Люди вроде Малика ходили по земле, как владыки, тогда как дети страдали либо случайно, либо происками капризного духа.

Он остановился.

-Мендельн.

-Что такое?- Его брат задержался.

-Держи,- старший брат вложил поводья своего коня в руку Мендельна, затем круто повернулся в направлении, в котором они скрылись.

Не зная о том, что происходит позади, мастер Этон стал указывать на некоторые достопримечательности Парты:

-Возможно, вам будет интересно взглянуть на здание со шпилем вон там...

Лилия ничего не сказала, когда он прошёл мимо неё, но Ульдисиан поймал понимающую улыбку. Серентия и Ахилий едва имели возможность обнаружить его задержку, прежде чем он оказался далеко позади.

Вытягивая шею, Ульдисиан высматривал среди местных. Большинство не обращало на него внимания, но некоторые смотрели на незнакомца с некоторым интересом.

Ульдисиан начал нервничать, поскольку никак не мог увидеть объект своих поисков. Он попытался вспомнить, где в последний раз видел...

Здесь! С колотящимся сердцем сын Диомеда миновал владельца лавки, который от неожиданности прекратил раскладывать свои товары. Впереди стояла женщина, которую он узнал.

Когда он приблизился, она повернулась к нему. Рядом с ней стоял тот самый мальчик.

Не обращая внимания на женщину, Ульдиссиан встал на колени перед ребёнком.

-Можно мне посмотреть твою руку... Пожалуйста?

Невинное дитя, мальчик протянул вперёд руку настолько, насколько мог. Но его мать, конечно же, была встревожена и оттянула его от незнакомца.

Ульдиссиан посмотрел на неё.

-Пожалуйста. Я не желаю вреда. Моя сестра была такой же. Я не причиню ему вреда. Просто позвольте мне взглянуть.

У неё не было причин делать так, как он просил, но выражение на лице женщины смягчилось и, кивнув, она дала Ульдиссиану изучить руку.

Его пальцы слегка коснулись руки. Присмотревшись, он увидел, что она была даже в худшем состоянии, чем рука сестры. При мысли об Амели на Ульдиссиана снова внезапно нахлынула волна чувств, которая, только теперь он это понял, сдерживалась в нём все эти годы. Слезы заволокли ему глаза. Как бы он хотел сделать больше для сестры... Для *всей* своей семьи. С той силой, какой он владел сейчас, он, быть может, мог бы спасти *кого-нибудь* из них от этой чудовищной опустошительной болезни...

Слезы покрыли всё его лицо. Не осознавая того, он продолжал держать иссохшую конечность мальчика. Ульдиссиану казалось, будто время обернулось вспять и он держит теперь руку Амели. Она из всех его родных была больше всех обижена судьбой. Сначала родившись такой, затем умерев, прежде чем даже ей выдалась возможность испытать хоть *что-нибудь*.

Его разум наполнили образы его ушедшей сестры, но с одним отличием. Теперь у неё было здоровое тело. Две здоровых руки. Он представил, как она ловит предметы или, ещё лучше, крепко обнимает его.

Запоздало Ульдиссиан сообразил, что кто-то и *вправду* обнимает его. Это вернуло его к действительности... И он понял, что это маленький мальчик.

С двумя хорошими руками...

Ульдиссиан посмотрел на его мать. Она, в свою очередь, глядела на него с изумлением на лице. Слезы бежали по её щекам. За ней собралось несколько горожан, и они тоже смотрели с удивлением на фермера.

Освободившись от ребёнка, Ульдиссиан посмотрел на людей, окружавших его. Суровая картина реакции в Сераме встала перед его глазами, и он в тревоге сделал шаг назад.

-Я не хотел... Я не собирался...

Но он *собирался*. Он обратил внимание на ребёнка и был объят внезапным желанием увидеть, может ли он сделать для него то, чего не мог сделать для Амели. И как выяснилось, Ульдиссиан мог выполнить то, на что надеялся.

И теперь Парта тоже отвернётся от него, назовёт его волшебником или того хуже...

Мать мальчика кинулась на него... И покрыла ошеломлённого фермера поцелуями и объятьями:

-Спасибо! Спасибо вам!

Позади неё, один человек в переднем ряду растущей толпы поклонился. Другой последовал его примеру, а затем ещё один, и ещё, и ещё...

Затем кто-то решил встать на одно колено. Это побудило остальных сделать то же самое.

За несколько мгновений все вокруг Ульдиссиана преклонили колени, словно он был королём.

Или кем-то большим...

Глава одиннадцатая

Одетые в достававшие до пола белые мантии, с высоко поднятыми головами, шестеро золотокожих молодых девушек воспевали хвалу, пока он сидел, развалившись, в низком ложе в своих личных покоях. Хотя они не были родственницами и внешне даже не походили друг на друга, было что-то в их фанатичном выражении, что делало их одинаковыми.

Их обожание его было абсолютным, и каждая с радостью приняла бы его ухаживания... Не то что бы он когда-нибудь их предпринимал. Их красота значила для него не больше, чем красота фресок на огромных стенах и потолке или замысловатых ваз, стоящих на мраморных постаментах. Они были частью общего замысла, который помогал ему оживить в памяти в одну минуту – эту самую минуту – то поразительное прошлое, которое он оставил далеко позади по своей воле.

Серебристо-синие сияющие глаза Пророка взирали на искусно нарисованные изображения бестелесных крылатых фигур, парящих в небе. Работа мастера была превосходной по многим меркам, но он никогда не мог бы понять истинную глубину того, чего желает его покровитель. И всё же, результаты его длительного труда дали Пророку возможность хоть немного представить то, что было... И что он оставил.

Его едва можно было назвать мужчиной, хотя внешний вид мог быть и определённо был обманчив. Его белоснежная кожа была не тронута хоть каким-то намёком на щетину, его золотистые локоны красиво ниспадали ему на плечи. Пророк был гибок и в хорошей форме, хотя и не такой мускулистый, как стражники-инквизиторы, стоявшие на карауле за дверями его святилища. По мнению всех, кому доводилось его видеть, он был просто само совершенство.

Он имел вид невинного созерцателя, хотя этим вечером он был отнюдь не безмятежен. Случилось невозможное, и он не мог этого вынести. Он был слишком близок к достижению своей сокровенной цели, слишком близок к воссозданию рая, который он потерял.

Неподалёку от места его отдыха четыре старших священника, одетые в серебристо-чёрные мантии с воротниками, преклонили колени и опустили головы в молитве. Каждый из них годился ему в отцы или даже дедушки, но, как и женщины, они относились к *нему* с величайшим почтением.

Внезапно Пророк решил, что такое обилие голосов действует ему на нервы. Он поднял руку, и пение стихло. Моление остановилось спустя миг, когда священники заметили смену настроения.

- Я должен успокоиться перед очередной проповедью, - объявил Пророк, и голос его прозвучал, словно музыка лиры.

Невицы по очереди покорно покинули комнату, священники немедленно последовали за ними.

Пророк подождал немного, затем простёр свои мысли, чтобы убедиться, что его святилище наглухо закрыто ото всех, кто мог бы захотеть войти или попытаться подслушать. Удовлетворённый, он снова посмотрел на причудливые образы наверху, особенно на изумительных летунов. Он слегка нахмурился, разглядывая детали. Их крылья были покрыты перьями, как птичьи, – самое близкое от правды, к чему мог подобраться разум смертного... И всё ещё так далёкое от неё. Черты были сходные с его, молодые и безукоризненные, но в то же время, каким-то непостижимым образом, древние и преисполненные знанием. Он подумал, что стоит отдать художнику должное; пожалуй, это было самое точное изображение, хотя и столь во многом неверное...

Прошли годы – нет, даже столетия, – прежде чем он заглянул правде в глаза. Частично причина крылась в том, что он сам долгое время пытался забыть прошлое, продолжая ковать будущее, лишённое всякой испорченности, всякого несовершенства.

Но во многом это было связано с *ней*... И её ужасным предательством. Он никогда не хотел, чтобы ему напоминали, что было и что могло бы быть. Время нескольких жизней понадобилось ему, чтобы отбросить её на задворки своего разума, затем вдвое больше, чтобы погresti воспоминания о ней настолько глубоко, чтобы порой можно было притвориться, что её вовсе никогда не существовало.

И вот... Теперь начинало казаться, что все его усилия прошли впустую.

Да будет так. Он обрушит свой праведный гнев, и она и другие узнают, что значит осмелиться замыслить против него. Им напомнят о том хотя бы, *кто* он и чем он был... Перед тем, как уничтожить их.

Пророк высоко простёр руки... И он вместе с комнатой стал окружён светом. Рисунки, фрески – всё, что было на стенах, – исчезло, как роса, застигнутая горячим утренним солнцем. Исчезло и буквально всё остальное: замысловатые вазы и величавые мраморные постаменты под ними, тонкие и длинные ковры, гирлянды свежих цветов, украшавшие каждую стену... Даже ложе, на котором он возлегал. Не осталось *ничего*, кроме Пророка.

Одной своей следующей мыслью он изменил вид самой комнаты. С самого верха потолка и до пола под его ногами каждый дюйм комнаты приобрёл блестящую, зеркальную отделку. Пророк стоял, отражённый сотню тысяч раз, его величие нисколько не преуменьшалось независимо от того, насколько далеко было отражение от оригинала.

Но это всё ещё не был истинный он. Незнакомое чувство охватило Пророка. Желание. Желание созерцать его давно оставленную форму. Внезапно оно стало невыносимым. Он взглянул на ближайшее отражение, вспоминая, а затем, в следующий миг, снова воплотил своё воспоминание в реальность.

Свет, который он вызвал ранее, сосредоточился над ним. Он стал таким ярким, что любой обычный человек немедленно бы ослеп независимо от того, как хорошо были бы прикрыты его глаза. Даже тогда свет продолжал усиливаться, сначала принимая вид белого жгущего пламени... А затем и вправду становясь им.

Но пламя не причиняло вреда Пророку, ибо оно было частью его, а он был частью пламени. Он купался в белом огне, позволял ему растворить ложный образ молодого человека, который он носил слишком долго.

И на том месте, где он стоял, возникла возвышающаяся фигура в капюшоне с крыльями из того же пламени, фигура, у которой не было лица в понимании человека, но чудесное излучение под длинными набегами серебристого света, форма которого даже сейчас напоминала восхитительную гриву волос, прикрытую капюшоном.

Остальное пламя отступило, давая ему вновь и вновь насладиться своим блистательным отражением. Его длинная мантия была чистым солнечным светом, его нагрудник блистал медью. Некоторые узнали бы в нём рыцаря, но, очевидно, не смертного ордена. Даже если бы пылающие крылья, которые распростёрлись почти во всю ширину комнаты, не были частью его, всякому было бы ясно, что подобные ему обычно не живут среди представителей чего-то столь низкого, как человечество. Свет, сверкающий из-под капюшона, был истинным им, уникальным совмещением чистой энергии и тонального резонанса, который выделял его даже из его прославленного рода.

И медленно он прошептал имя, которое оставил позади в тот роковой момент, имя, которое когда-то пелось во славу наивысшего из высших.

Имя, которое она часто шептала в пору любви.

ИНАРИЙ... ИНАРИЙ... – издал голос, который не был голосом, но скорее ощущением, одновременно переживаемым разумом, ухом и душой. – *Я ИНАРИЙ ВНОВЬ.*

И, объявив это себе, он почувствовал наплыв ликования. Он снова был Инарием, когда-то членом Совета Ангирис, когда-то военачальником небесных войск!

Когда-то восставшим против Высших Небес и Пылающего Ада...

Последнее воспоминание погасило большую часть его радости. Большую часть, но не всю. Он сделал это потому, что обе стороны настолько увлеклись противостоянием, что уже не могли видеть изначальную тщетность их борьбы. С самого зарождения реальности, когда два божественных мира стали существовать и вскоре после этого затеяли спор, их несметные силы стали воевать друг с другом за контроль над всем. Всё, что представляло ценность, становилось объектом атак и контратак, которые длились обычно до его разрушения. Ангелы – так его род называли люди – и демоны гибли тысячами, и всё во имя Совета Ангирис – который управлял Высокими Небесами – и их извечных противников, Великих Зол.

Но Инарию стало тошно от бесконечных битв, от планов и контрпланов. Ничего не было приобретено. Если бы он был главным в Совете, он бы всё устроил по-другому, но даже его брат – брат в смысле их резонансов, их бытия, который сходным образом отличался от других – не слушал разум. Даже Тираэль, который был квинтэссенцией Правосудия, не мог или не хотел понять правды.

И тогда Инарий решил выйти из борьбы. Но он не мог унять ощущения, что есть и другие, подобные ему, даже в Пылающем Аде. Вступить в контакт с такими – с теми, что были его рода или, особенно, с демонами – было довольно затруднительно, но не напрасно Инарий был членом Совета. Он понимал, как творятся козни не только здесь, но и в Пылающем Аде, и это позволило ему сбить с толку сторожевых псов тех и других. Вскоре он начал отыскивать этих инакомыслящих и тайно собирать их вокруг себя. К его удивлению, их оказалось куда больше, чем он когда-либо мечтал, тех, кто не видел смысла колотить друг друга на протяжении вечности. Что было ещё более удивительно, среди демонов был один, кто начал думать так задолго до того, как сам Инарий

осмелился на такие мысли.

Она. Та, что пробудит в нём любовь, и та любовь будет ответной. Та, с кем он выкует мир – место, известное его отряду бунтовщиков как *Санктуарий*.

Та, которая превратит его мечту о рае в кровавый кошмар.

Инарий смотрел на отражения и вновь видел её рядом с собой. Сейчас она не предстанет в той форме, которую он помнит. Если она действительно нашла путь обратно, она примет замаскированный вид, вероятно, женский, но возможно и мужской. Она была хитроумна, притягательна... И угрожала всему, что было по праву *его*.

ТЫ НЕ ЗАБЕРЁШЬ У МЕНЯ САНКТУАРИЙ, - заявил Инарий, обращаясь к своему воспоминанию о ней. - *Я НЕ ПОЗВОЛЮ ТЕБЕ СНОВА УНИЧТОЖИТЬ МОЮ МЕЧТУ! САНКТУАРИЙ И ВСЁ, ЧТО В НЁМ, НЕ БУДЕТ ПРИНАДЛЕЖАТЬ ТЕБЕ, ДАЖЕ ЕСЛИ МНЕ САМОМУ ПРИДЁТСЯ ЕГО УНИЧТОЖИТЬ... ИБО ТАКОВО МОЁ ПРАВО...*

В конце концов, именно Инарий позаботился о том, чтобы всё не рухнуло после её подлого предательства. Это он нарушил планы Первичных Зол и Люциона, когда они обнаружили мир, и это благодаря ему Совет Ангирис ничего не знал о мире. Судьба этого мира и судьбы всех преходящих жизней в нём были *его*, а не чьи-нибудь ещё!

Ангел отпустил её образ с чувством, которое, будь он человеком, можно было бы назвать горечью, но Инарий не испытывал таких простых чувств. Конечно же, он был выше этого. Он действовал так, как того требовали обстоятельства, и только.

На самом деле Инарий уже предпринял шаги против её возвращения. Она оставалась укрыта тенью, но не достаточно хорошо. Она не могла спрятаться от него; он знал её так, как даже брат не знал её. Предположив, что она и в самом деле вернулась в Санктуарий, Инарий сразу рассчитал, где она должна находиться. Это оказалось совсем не трудным, если учесть её очевидный план, продолжение её древней одержимости.

Я БОЛЬШЕ НЕ ПОТЕРПЛЮ ВОЛНЕНИЯ НЕФАЛЕМОВ, - подумал он, вспоминая, что случилось в прошлый раз. - *ПОДОБНОМУ ОТРОДЬЮ БОЛЬШЕ НЕ ВОЗЫМЕТЬ УСПЕХА!* - внезапно он увеличился в размерах. Его крылья заполнили комнату, и весь Собор трясся от его ярости, хотя его последователи и станут винить в этом землетрясение. - *ЛУЧШЕ БЫ ТЫ НЕ ОСМЕЛИЛАСЬ ВЕРНУТЬСЯ, НЕ ОСМЕЛИЛАСЬ ПОВЛИЯТЬ НА ТО, ЧТО МНЕ СЛЕДОВАЛО ОСТАВИТЬ ПОГРЕБЁННЫМ ТАК ГЛУБОКО...*

Инарий остановил взгляд на своих отражениях. У человеческого вида было одно преимущество, и он снова решил воспользоваться им. Силой мысли ангел изменил свой облик, воссоздав под капюшоном проблески лица, походившего на лицо златокудрого Пророка. Глаза всё ещё были из чистой энергии, но остальное теперь напоминало смертного.

Но важнее было то, что у Инария теперь был рот, и он смог скривить этот рот в злобном оскале. Это позволило ему лучше выразить свою ярость к его собственному удовлетворению.

«Лучше бы ты не осмелилась вернуться, - повторил ангел, наслаждаясь жёсткими движениями рта и шероховатыми нотками, которые лучше подчёркивали его слова. Оскал ещё больше скривился и доставил ещё большее удовлетворение, когда Инарий добавил. - И лучше бы ты не осмелилась снова встать у меня на пути, *Дилит...*»

Они подносили ему в дар цветы, еду и вещи. Некоторые подарки были найдены просто лежащими возле ворот имения мастера Этона, оставленные неизвестными людьми, которые услышали историю от других.

-Парта довольно повидала проповедников и священников, твердивших об исцелении тела и души, - сказал Ульдиссиану хозяин дома. Но никто из них никогда не мог подтвердить свои слова хоть чем-нибудь стоящим!

-Я сделал лишь... Я сделал лишь то, что хотел бы сделать для своей сестры, - беспомощно объяснил сын Диомеда уже в который раз.

История исцеления мальчика распространилась по городу подобно пожару. Все без исключения называли это чудом, особенно благодарная мать. По словам Этона, она переходила с места на место, показывала, что он сделал с её единственным ребёнком, и возносила к небесам молитвы за Ульдиссиана.

-Я знаю эту женщину. Её зовут Барта. Этот ребёнок – её сокровище, её единственная любовь. Его отец умер незадолго до его рождения. Упал с лошади,- торговец и глава города грустно улыбнулся.- Она всегда боялась за парня, хотя, я уверен, никогда не подавала виду. Пытается научить его быть сильным...

-Они должны перестать оставлять все эти вещи,- прервал его Ульдисиан. Даже у него на глазах скрытная фигура в плаще бросила корзину, наполненную, как выяснилось впоследствии, буханками хлеба и бутылкой вина. Стражники намеренно смотрели в другую сторону, не облегчая положения Ульдисиана. Судя по тому, что он видел, они так же благоговели перед ним, как и остальные жители.

-Мои люди – очень благочестивый, благодарный народ. Они хотят воздать тебе честь за твоё деяние, вот и всё.

-Лучше бы нам уйти, пока всё не сделалось ещё сложнее, Ульдисиан,- отметила Лилия.- Мы должны быть на пути в большой город.

Изначально группа согласилась провести в имении Этона только одну ночь. Тем не менее, одна ночь обернулась двумя, затем тремя. Этон не предпринимал попыток попросить их уйти, а Ульдисиан быстро обнаружил, как сильно ему не хватало простых удобств вроде чистых постелей и нормальной еды. Ему нравилась Парта, нравились люди, особенно добрый торговец. Он лишь был приведён в замешательство таким изобилием щедрости, какой, он чувствовал, он не заслужил.

-Я не могу,- наконец сказал ей Ульдисиан.- Пока ещё нет,- Вдруг он направился к двери.

Остальные вскочили на ноги. Ахилий спросил первым:

-Куда ты идёшь?

-Наружу, чтобы сделать, что должен. Ждите здесь.

Ульдисиан не дал им шанса спорить с ним. Он особенно волновался о том, что скажет Лилия, если он промедлит. План всё ещё состоял в том, чтобы идти в Кеджан... Просто... Ещё было не время.

Не успел он слететь вниз по ступеням и направиться к дверям, как тощая фигура настигла его. Седрик поравнялся с Ульдисианом и стал идти в ногу с ним с широко распахнутыми глазами.

-Ну что, выходишь? Так? Сделаешь что-то, как в прошлый раз?- спросил он возбуждённо.

Фермер насупился.

-Выхожу, но один. Оставайся здесь, Сед. Оставайся ради своей же сохранности.

-Сохранности? Сохранности от чего?

Вместо ответа Ульдисиан ускорил шаг. Он пересёк порог поперёд мальчика. Но когда сын Этона попытался последовать за ним, дверь захлопнулась прямо перед его носом, хотя никто её не трогал.

Снаружи Ульдисиан вздохнул с облегчением. Он надеялся, что дверь повинуется его желанию, но то, что это действительно случилось, по-настоящему изумило его. Никто не сможет открыть её снова, пока Ульдисиан не окажется на городской площади. И тогда уже будет слишком поздно останавливать его...

К сожалению, если он хотел сделать это незаметным, то тут его способности отказали ему. Сразу, как только Ульдисиан показался за воротами имения, люди стали собираться вокруг него. Словно они ждали, когда он наконец выйдет... Он размыслил, что это было очень даже вероятно. Но ни одно из лиц, что он видел, не выражало ни злобы, ни страха. Они выражали нечто совершенно иное. Что-то, очень похожее на... Почитание?

Это было не то чувство, которого он хотел от них. Он испытал это в случае с Серентией и всё ещё ощущал неудобство. Он был простым человеком. Он пришёл, чтобы предложить им нечто, что поможет им встать на один уровень с ним и освободиться из-под влияния знати и магов... И, самое главное, Храма и Собора. Ульдисиан не хотел, чтобы ему поклонялись.

Но сначала он должен показать им, что то, что он сделал, не было таким уж чудом, ведь они сами могли научиться этому.

Когда он приблизился к городской площади, у него по пятам шла уже внушительная толпа. Ульдисиан продолжал не чувствовать никакой угрозы ни от одного из них. Возможно, он преувеличил, не давая своим друзьям сейчас же прийти вместе с ним, но всё ещё имелась возможность, что найдётся рядом кто-то, кто предпочтёт разглядеть в нём зло, чудовище, каким провозгласили его в его собственной деревне.

Центр Парты составляла открытая вымощенная площадь, где по утрам торговцы и фермеры с повозками продавали различные товары, в первую очередь еду и мясо. Они окружили широкий круглый фонтан, по центру которого стояла статуя учёного с длинной-предлинной бородой, державшего по свитку в руках. Мастер Этон сказал, что это Протей, один из основателей Парты и человек, который проповедовал доброту и понимание. Ульдисиан подумал, что будет неплохо, если тень Протея будет укрывать его, когда он начнёт свою работу.

Четыре рыбки, выпрыгнув из воды, обозначили дальний край фонтана, и ровно между двумя из них Ульдисиан решил остановиться. Протей взирал на толпу, находясь прямо за его спиной.

Рынок всё ещё был оживлён, но шиканье раздалось в толпе, как только он остановился. Внезапно Ульдисиан начал нервничать. Во рту у него пересохло, и он боролся с искушением погрузить голову в фонтан, не только для того, чтобы утолить внезапную жажду, но и чтобы спрятаться от публики, которую он сам искал.

Но потом Ульдисиан отметил в толпе очень знакомую фигуру. Женскую фигуру, фигуру Барты. Стоило ему взглянуть ниже, и он увидел её сына, который словно родному отцу радостно улыбался человеку, исцелившему его.

Это придало ему мужества, которого ему только что не доставало. Бессознательно имитируя позу статуи, Ульдисиан осмотрел толпу, а затем объявил:

-То, что я сделал, не было чудом!

Его слова одними были восприняты с недоверием, другими – со смятением. Барта заулыбалась, словно он слегка пошутил. Она была полностью уверена в том, что видела, и её сын служил тому доказательством.

Тем не менее, Ульдисиан покачал головой, глядя на неё, и продолжил:

-Это не было чудом... Потому что внутри каждого из вас лежит сила сделать так же *много*, если не больше!

Теперь ропот поднялся среди людей, многие из них явно не верили в его предположение, как и в предыдущее.

-Слушайте меня!- крикнул сын Диомеда во весь голос.- Слушайте меня! Совсем недавно я ничем не отличался от вас! Я работал у себя на ферме, заботясь только о дневном труде. Я мало о чём думал кроме этого. Злые ссоры магических кланов были мне безразличны, лишь бы не доставали до моей деревни! Не трогали меня и пустые слова проповедников из Храма и Собора, потому что я знал, что они *ничего* не сделали для членов моей семьи, которые долго страдали от эпидемии, пока не ослабли настолько, что смерть взяла их!

Теперь кто-то в толпе глядел с сочувствием и кивал с пониманием. Ульдисиан насчитал в толпе по меньшей мере жменью людей, которые носили следы давнишней эпидемии на своих лицах. Может, Парта и процветала, но отдельные граждане явно выдвигали свои чёрные дни.

Он покачал головой:

-Я сказал, что сделанное мной не было чудом, но для меня однажды *пришло* чудо, пробудившее что-то *внутри* меня... Силу, мощь... Называйте, как хотите! Вокруг меня стали происходить разные вещи. Кто-то боялся их, кто-то – нет, дальше он не хотел углубляться в историю того, что произошло в Сераме. Если жители позднее узнают правду, так тому и быть. К тому времени Ульдисиан уже убедит их или докажет себе, что он сумасшедший. - Я мог совершать *разное*, помогать другим...

Он указал на мальчика – чьего имени, как он осознал, он до сих пор не знал, – подзывая ребёнка к себе. Барта подтолкнула ребёнка, посылая его подойти к Ульдисиану. Ребёнок подбежал и крепко обнял высокого фермера.

-Я смог помочь ему,- сказал Ульдисиан, давая всем увидеть руку. Ребёнок улыбнулся ему.- И то, что я сделал, вы тоже сможете делать. Возможно, не сразу, но вы *сможете*.

Многие качали головами или хмурились. Они могли поверить, что он мог совершать чудеса, но ощутить такие способности в себе они не могли.

Ульдисиан вздохнул и задумался. Возможно, он слишком спешил, даже для понимающих людей Парты. Возможно, он должен просто показать им.

-Барта,- позвал сын Диомеда.- Ты тоже подойди сюда. Пожалуйста.

Радостно улыбаясь, он устремилась к нему.

-Да, Ваша Святость?

Он поморщился от такого титула. Он не хотел, чтобы его причисляли к той же категории, что Малика и подобных ему. Никогда не бывать этому.

-Я – просто Ульдиссиан, Барта, фермер от рождения, как многие, кого ты знаешь,- он видел по ней, что слова прошли мимо ушей. Со вздохом он закончил.- Просто зови меня Ульдиссианом, пожалуйста.

Она кивнула, и на большее он не мог надеяться на данном этапе.

-Встань рядом со мной,- когда она повиновалась, он выбрал человека, чьё лицо было более всех подёрнуто болезнью.- Эй, ты. Подойди ко мне.

Миг поколебавшись, рыжеватый человек встал перед Ульдиссианом. Он держал в руках шапку, словно прикрываясь ей.

-Как тебя зовут?

-Йонас, Ваша Святость.

Ульдиссиан подавил в себе желание протестовать вновь. Рано или поздно он заставит их прекратить.

-Мы можем коснуться твоего лица?

Снова случилась пауза, но в конце концов человек кивнул:

-Да. Да, Ваша Святость.

Ульдиссиан потянулся к Барте и взял её мягкую руку в свою. Она позволила ему поднести руку к покорёженной коже, не страшась прикосновения, несмотря на неестественный вид. Это впечатлило его. Одно дело – видеть кого-то столь обезображенного, и другое – по-настоящему *почувствовать* рубцеватую кожу под своими пальцами. Он правильно выбрал, с кого начать.

Когда его и её пальцы соприкоснулись с человеком, Ульдиссиан закрыл глаза и постарался представить плоть целой. В то же самое время он попытался проникнуть в Барту, увидеть её изнутри и дать ей почувствовать, что он делает.

Он почувствовал, как она вдруг задрожала, но не отёрнулась при этом. Благодарный ей за это, Ульдиссиан сосредоточился на фигуре перед ним. Мужчина волновался, что и было понятно, – вероятно, он был сейчас в центре внимания. Ульдиссиан знал, что нужно торопиться, хотя бы чтобы не дать Йонасу струсить и отступить.

Ульдиссиан попытался припомнить ощущения, которые наполняли его, когда он лечил руку мальчика. Как ни удивительно, но на этот раз их оказалось проще вызвать, чем тогда.

Боль, потеря пронизали его. Он знал других изуродованных из своей деревни, которым он теперь не мог помочь. Быть может... Быть может, если всё пойдёт так, как он надеется, однажды Ульдиссиан сможет вернуться в Серам и всё исправить...

Затем, словно подобные мысли были ключом, внутренняя сила внезапно полилась наружу. Он чувствовал новое изумление Барты, изумление, смешанное с огромной радостью.

Он так же ощущал, что человек чувствует силу, льющуюся в него и, особенно, в его исковерканное лицо.

Вздых удивления раздался от зрителей. Ульдиссиан осмелился открыть глаза...

Его пальцы уже в некоторой степени дали ему знать о результатах, но лицезрение этого поразило Ульдиссиана как минимум так же сильно, как толпу. Повреждённая кожа была розовой и целой... По сути, *нигде* на лице человека не было ни рубца, ни пятнышка.

-Ещё одно чудо!- выдохнула Барта.

Подопытный Ульдиссиана сам приложил руки к лицу, восторгаясь ощущению своей кожи.

Он повернулся к своим товарищам, давая им лучше рассмотреть результат.

Прежде чем они начали вновь восхвалять его, сын Диомеда громко произнёс:

-Барта, ты всё чувствовала? Так ведь?

На её лице отразилось смущение, она ответила:

-Я почувствовала, как вы лечите его...

Он оборвал её:

-Что ты чувствуешь внутри себя? Ты ещё не ощущаешь этого?

Она прикоснулась к своему сердцу. Толпа – включая исцелённого – посмотрела на неё.

-Я чувствую... Я чувствую...- она блаженно улыбнулась Ульдиссиану.- Я чувствую, словно я только что проснулась, Ваша Свято... Мастер Ульдиссиан! Эт... Это... я не знаю, как описать это...

Кивая, он посмотрел на остальных:

-Так это начинается. Ощущение продолжает расти. Это может отнять время, но потихоньку... Потихоньку... Вы будете становиться теми, кем являюсь я... А может, и большим. Может, гораздо большим.

Это было серьёзное обещание, и Ульдиссиан в значительной мере пожалел о нём сразу же, как только произнёс. Да, теперь отступить слишком поздно. Пока он продолжает учиться тому, на что он способен, он будет пытаться учить и других, по крайней мере, пока кто-нибудь не сможет это делать лучше него.

Это означает, что Кеджан должен будет подождать даже дольше, чем он планировал изначально. Ульдиссиан не может просто взять и оставить людей Парты, пока к ним не придёт лучшее понимание.

Он тут же подумал о Лилии. Поначалу она расстроится, несомненно, но, как и раньше, она сможет преодолеть это. Когда благородная дева увидит, как реагируют партанцы, она сразу поймёт смысл оставаться здесь столько, сколько требуется.

Во всяком случае, он надеялся, что она увидит это так.

Исцелённый снова подошёл к нему:

-Мастер Ульдиссиан... Не мог бы ты... Не мог бы ты показать и мне?

Ульдиссиан подался было вперёд, затем засомневался. Он улыбнулся, удивлённый тому, что не ощутил этого ранее:

-Думаю, в том нет необходимости. Ты уже должен знать это. Просто загляни поглубже. И увидишь...

Брови Йонаса сомкнулись... Потом радость снова отразилась на его лице. Это было никак не связано с его восстановленной кожей. Он радостно закивал, затем крикнул:

-Я чувствую... Наверно... То, о чём сказала мадам Барта! Я чувствую... Что пробудился...

Его проникнутых благоговением слов оказалось достаточно, чтобы толпа возбуждённо загудела. Кто-то вышел вперёд к Ульдиссиану. Это заставило всю толпу подтечь ближе. Каждый хотел быть следующим.

На миг застигнутый врасплох, Ульдиссиан затем стал принимать одного за другим, тратя на каждого столько времени, сколько требовалось. Руки потянулись к нему, стремясь коснуться. Не все они могли почувствовать пробуждение так же быстро, как Барта и Йонас, и он говорил это каждому перед тем, как предпринять попытку, но в конце концов это должно было произойти. Ульдиссиан свято верил в это, и его вера передавалась тем, кому он помогал.

По мере того, как к нему подходили всё новые и новые молящие, он всё больше утверждался в своём решении. Парта действительно была идеальным местом, чтобы проявить себя. Если он мог делать это здесь, Ульдиссиану даже трудно было вообразить, как пойдёт дело в большом городе.

Нет, короткая передышка в городке определённо не повредит делу...

Окружённый столь многими, Ульдиссиан не заметил, как издалека из-под вуали на него смотрят глаза той, чьи мысли наиболее важны для него. Лилия стояла у основания ступеней и обозревала фонтан, прикованная к нему взором. Странное дело, но, несмотря на её обезоруживающий вид, мало кто замечал её.

Но она замечала всё, в том числе и то, что организованное им здесь займёт его на некоторое время. На слишком долгое время, вообще-то. К этому времени он уже должен быть неподалёку от Кеджана. Таков был её план. Уж

точно не его очень подозрительный поворот к Парте, из всех возможных мест.

И всё же, по некотором размышлении, Лилия улыбнулась. Планы нужно постоянно корректировать.

-Если не в Кеджане, то почему бы и не здесь, *любовь моя*,- прошептала светловолосая женщина сама себе.- В конце концов, место не имеет значения. Ты всё равно преподнесёшь мне то, что по праву моё, Ульдисиан... Ты сделаешь это... Даже если для этого тебе придётся умереть...

Глава двенадцатая

Ахилий нашёл Серентию не там, где рассчитывал – он думал, что дочь Сайруса пошла помогать Ульдиссиану с его первой миссией. Вместо этого охотник обнаружил темноволосую девушку сидящей там, откуда она могла видеть происходящее, но была слишком далеко, чтобы принимать в нём участие. Её взгляд, конечно же, был прикован к Ульдиссиану – думать иначе было бы неразумно даже Ахилию – хотя, когда лучник подошёл, его собственный острый взор уловил, как она исподтишка взглянула на Лилию, прежде чем снова перевести взгляд на сына Диомеда.

-Я принёс тебе воды,- сказал он, приблизившись к ней. Он предложил ей мех, недавно наполненный в имении мастера Этона. Всегда практичный – за исключением случаев, когда дело касалось любви, – Ахилий позаботился сперва о питье, прежде чем идти за своей подругой.

Приняв подношение, Серентия кивнула в знак благодарности. Она отпила гораздо больше, чем предполагал Ахилий, что означало, что она сидела тут уже довольно долго, просто наблюдая. Наверняка Серентия бежала всю дорогу сюда, страшась какой-то воображаемой опасности, в то время как он занимался своими делами, почему-то уверенный, что Ульдиссиану ничего не грозит.

Когда она закончила, он взял мех назад и заметил:

-Это и вправду удивляет, не так ли, Серри?

-Да.

-Я дружу с ним с детства,- не спрашивая разрешения, он уселся рядом с ней. На большее он не мог решиться. Несмотря на свою общительную наружность, Ахилий гораздо удобнее чувствовал себя в лесу, наедине с преследуемой добычей. В обществе он был лишь ступенью выше Мендельна; в обществе той, что сидела рядом с ним, – столь же неуклюжий.

После его замечания она посмотрела на него так напряжённо, что он подумал, что сказал что-то не то. Похоже, Серентия хотела что-то произнести, но прошла добрая минута, прежде чем она разомкнула губы.

И говорить она стала не о том, о чём предполагал он:

-Почему *вы* дружите, Ахилий? Вы столь во многом кажетесь такими разными.

Он не нашёл ничего ответить, кроме как:

-Просто дружим и всё, я думаю. Мы стали друзьями сразу, как только встретились,- он пожал плечами. - Для детей это обычное дело.

-Наверное,- Серентия подумала немного, а затем спросила. - Мог бы ты мечтать о такой, как *она*?

Вот *теперь* тема была та, которую он предполагал. Просто Серентия пошла к ней более кружным путём:

-Лилия? По правде сказать, она хороша, и нет такого мужчины, который не заметил бы этого, но то же самое можно сказать и о других, не только о ней.

По его мнению, он не мог быть более прямолинеен, но она, похоже, не поняла, что он имеет в виду её:

-Я знаю, что нам она кажется необычной, и я понимаю, почему Ульдиссиан влюбился в неё, но это произошло так быстро, Ахилий.

-Так бывает,- так *было* с ним... В известном смысле. Сегодня он знал Серентию – ребёнка-чёртенка. На завтра она оказалась красивой девушкой. Ахилий был так заворожён этой переменой, что всю следующую неделю не мог похвалиться ни одной добычей.

Серентия молчала некоторое время, но Ахилий довольствовался и тем, что был вместе с ней... Тем обычно такие ситуации и разрешались. Они наблюдали, как Ульдиссиан приветствует одного парланца за другим. Каждый раз, когда он добивался успеха в том, что делал, Ахилий наблюдал безмерное удовлетворение на лице своей подруги и того, к кому прикасался фермер.

-Ты тоже чувствуешь это? - наконец осмелился он спросить Серентию. - Как и они?

-Да,- но то, как она сказала это, заставило охотника несколько усомниться.

-Тебе удалось что-нибудь сделать?

На этот раз была пауза, за которой последовало:

-Я не знаю.

-Как ты можешь...

-Я *не* знаю,- тон её делался более твёрдым.

В иной ситуации Ахилий оставил бы это, но теперь он не мог:

-Серри, что это значит?

Она перевела взгляд не на него, но на свои ладони:

-Я чувствую это, как – я знаю – чувствуют многие из них. Но это всё. Я не заметила, чтобы вокруг меня что-то изменялось. Я пробовала думать о разном, желать, чтобы это произошло, но... Но, насколько я знаю, ничего не произошло.

-Всё ещё? Я думал, что к этому времени...

Теперь она посмотрела на него. Её взгляд был холодным, как сталь:

-Я тоже. Поверь мне, я тоже.

Это было лишено для него смысла. Лилия уже продемонстрировала несколько примеров своих способностей вроде цветов и ягод на кустах и исцеления небольших царапин на лошадях. Ещё она призвала к ним кролика, избавив Ахилия от необходимости охотиться, но заставив лучника чувствовать, что животное лишили шанса на выживание.

-Что скажешь *ты*?- вдруг спросила его собеседница.- Я тоже не видела, чтобы ты что-то делал.

По правде говоря, Ахилий чувствовал, что что-то внутри него пытается пробиться, но он изо всех сил старался унять это. Он никому не сказал об этом решении. Может, многие и жаждали дара, который предлагал Ульдиссиан, но не его лучший друг. Ахилий был доволен тем, кто он есть. Охотник и простой человек.

-Я подозреваю, что я не лучший ученик Ульдиссиана,- ответил он.- Отнюдь не лучший.

-Но никто по-настоящему не учил и его! С Ульдиссианом это произошло так же внезапно, как буря над Серамом... Которая тоже, очевидно, была из-за него!

-Ульдиссиана прижали со всех сторон, Серри. Брат Микелий обвинил его в жестоком убийстве. Инквизиторы доставили бы его в Собор, где, наверное, сожгли бы, как одержимого! У него не было выбора!

Её это не убедило.

-Всё это было ужасно, но почему именно в это время? Почему не тогда, когда его родные медленно и ужасно умирали от эпидемии? Почему не потом? Вообще, почему он, раз уж на то пошло? Есть столько таких, кто переживал худшее, и всё же мы никогда прежде не слышали о таких удивительных вещах! Слухи добрались бы даже до Серама, и ты это знаешь!- он кивал в ответ на эти доводы, но Серентия продолжала.- И почему не Мендельн? Он страдал не меньше! Его семьи не стало, его брата обвинили в ужасном преступлении! Это мог быть он, но не был! Я ничего необычного не заметила в Мендельне, а ты?

Ахилий вздрогнул при упоминании Мендельна. Серентия заметила это и прищурилась.

-Что такое, Ахилий? Что с Мендельном? Он проявляет способности, как его брат?

Не то, что предполагала Серентия, заставило лучника вздрогнуть, но короткое и неожиданное воспоминание о другом времени и другом месте. Когда Серентия заговорила о брате Ульдиссиана, Ахилий заново *пережил* случай, когда он и его друг изучали таинственный камень неподалёку от Серама. Лучник не только вновь увидел, как Мендельн застыл на месте перед ним, но также вновь испытал собственное прикосновение к камню... И пугающую пустоту, которая владела им до тех пор, пока он не отпустил его.

-Нет...- наконец сумел вымолвить Ахилий.- Нет... Ничего похожего...

Это не убедило её:

-Ахилий, что...

Ни с того ни с сего несметное ощущение страха охватило охотника, но страха не за себя. У него появилось ужасное чувство, будто что-то происходит с Мендельном в эту самую минуту.

Ахилий вскочил на ноги, напугав свою подругу.

-Что такое? Что-то не так?

Он хотел ответить ей, но ощущение безотлагательности было слишком сильным. Не говоря ни слова, Ахилий пустился бежать. Он не обратил внимания на обеспокоенный крик Серентии за его спиной.

Но не успел Ахилий скрыться с глаз девушки, которую любил, как остановился, как вкопанный. Страх за Мендельна ничуть не уменьшился, но лучник не спешил возобновить бег.

Дело было в том, что Ахилий просто понятия не имел о том, куда ушёл брат Ульдисиана.

Улицы, которыми шёл Мендельн, были подозрительно пусты, а здания вокруг него внезапно приобрели неуютный серый оттенок. Не было ни ветерка, не доносилось ни малейшего звука.

Мендельн чувствовал бы себя очень одиноко, если бы не одно «но»... Он всё ещё был окружён тенями стражников, которых убил Ульдисиан.

С момента их появления ему требовались величайшие усилия, чтобы не выкрикнуть правду. Либо что эти человеческие тени существовали, либо что он сошёл с ума... Либо то и другое. Мендельн не знал, что было бы хуже. Он знал лишь то, что хочет рассказать хоть кому-нибудь о том, что происходит с ним.

Но не рассказал. Он не сказал ничего, даже когда они прибыли в Парту, где его надежды на то, что призраки оставят его, рассеялись сразу, как только первая из теней проникла в город. До этого Мендельн верил, что его преследование духами временно. Теперь он боялся, что мертвецы не оставят его.

Впрочем, пожалуй, «боялся» уже не было правильным словом. Определённо, они продолжали его беспокоить, но, чем больше они находились вокруг него, тем меньше его пугали. Они ничего не делали, только смотрели. Не осуждающе, но так, словно ждали от него какой-то речи. До сих пор, правда, Мендельн сказал им немного. Он вежливо просил их уйти, но, поскольку они не подчинились, он не видел причин предпринимать дальнейшие попытки разговора.

В эту минуту они беспокоили его меньше всего. По мере продвижения по городу Мендельн начал замечать особые признаки старости на зданиях, словно Парта была каким-то древним, давно оставленным местом. С каждым шагом изменения становились всё разительнее. Серый оттенок становился темнее, постепенно переходя в чёрный...

Он осознал, что это неправильно. Где все? Где Ульдисиан, за которым он пошёл? Мендельн волновался за своего брата, особенно за то, что могут сделать партанцы. Он слишком живо помнил, что случилось в Сераме, где люди, которых Ульдисиан знал всю свою жизнь, повернулись против него...

Но затем его взору открылось то, что заставило Мендельна споткнуться на ходу и совершенно позабыть о своём брате. Он развернулся, намереваясь бежать... Только для того, чтобы обнаружить себя повернутым в том самом направлении, которое он только что оставил.

В направлении давно заброшенного кладбища. Кладбища, которое, судя по древним статуям, не могло быть партанским.

С тенями мёртвых, уже окружавшими его, брат Ульдисиана не видел ничего хорошего в том, чтобы войти на заросшую территорию кладбища. Но, когда он попытался пятиться, кладбище придвинулось ближе. Несмотря на это, Мендельн попытался сделать ещё шаг назад...

И в следующий миг обнаружил себя стоящим *внутри* разорённых земель.

Захлёбывающийся звук только и сумел издать он, пытаясь сообразить, что с ним происходит. Он молил, чтобы всё это оказалось плохим сном, но знал, что это не так. Затем Мендельн подумал о потерях сознания и

предположил, не является ли это их странным продолжением. У него точно не было другого ответа.

Внезапно он заметил ещё один очень любопытный – и тревожащий – момент. Тени мёртвых стражей не проникли внутрь вместе с ним. Они парили за пределами сводчатых ворот, словно крылатая горгулья, которую он увидел наверху, не пропускала их. Впервые Мендельн был бы рад их компании – потому лишь, что они были хоть немного знакомы. Теперь он оказался совершенно один пред лицом неизвестности.

Он начал оборачиваться... Как вдруг почувствовал, словно рука тянет его вглубь кладбища. Проковыляв несколько шагов, Мендельн взглянул назад. Он тут же сглотнул. Естественно, там не было *никого*.

Фермер взглянул на первую могилу. Полукруглый камень отмечал место. Могила была выкопана так давно, что была осажена поколениями сорняков и травы и даже немного осела. Мендельн снова огляделся по сторонам, затем присмотрелся к камню.

Едва различимые в странных серых тенях там были те же символы, что и на камне подле Серама.

Против его воли Мендельна охватил восторг от этого открытия. Проявляя уважение к могиле, но встал на колени сбоку и подался вперёд к камню. Присмотревшись, Мендельн смог убедиться в своей правоте. Многие из тех символов были на камне, но последовательности он не узнавал.

Без колебаний он приложил пальцы к первой строке. Он тут же почувствовал, как от символов исходит некая сила. Мендельн слышал о словах силы, какие предположительно в своё время использовали кланы магов, и он мог только предположить, что это было одно из них.

Оглядевшись по сторонам, брат Ульдиссиана обнаружил, что поле камней кажется бесконечным. Могилы были отмечены по-разному. Помимо полукруглых камней были и звездообразные, и приземистые прямоугольные, и ещё всякие. Осматривая пейзаж перед ним, Мендельн заметил возвышающуюся крылатую статую, держащую в одной руке оружие.

Влекомый статуей, он заскользил среди могил, чтобы лучше разглядеть её. Восторг сменился ужасом. Он должен узнать больше. Был ли это склеп для умерших членов магических кланов? Если так, то были ли они как-то связаны с тем, что происходит с ним... И с Ульдиссианом, если уж на то пошло? До сих пор он бы усомнился в этом, исходя из того небольшого, что уловил среди торговцев, отмечающих, что некогда могущественные кланы просто-напросто укрыли себя от мира, чтобы продолжать свои противоборства разума друг против друга. Вряд ли у них нашлось бы время на пару фермеров, живущих далеко от большого города.

Хотя статуя стояла в глубине кладбища, едва Мендельн начал идти по направлению к ней, как тут же оказался рядом. Он остановился, пытаясь понять, что бы это могло быть. Лицо крылатого существа было полностью скрыто капюшоном, не считая проблесков рта и спадающих волос. Облачение из мантии и нагрудника напоминало снаряжение инквизиторов Собора, но лепка наводила на мысль о лучшем материале. На нагруднике было начертано ещё несколько слов на том же загадочном языке.

Мендельн снова взглянул на крылья, отмечая, что они отличаются от птичьих. То, что он сначала принял за оперение, при ближайшем осмотре больше походило на попытку мастера передать языки *пламени*. Мендельн никогда не слышал легенд о существах или духах с такими крыльями, их не было даже в сказках, которые мама рассказывала ему в раннем детстве.

В левой руке гигантская фигура держала огромный меч, остриё которого покоилось на основании статуи. Другая рука указывала вниз, не на одну, как показалось Мендельну, а сразу на несколько могил. У него создалось острое впечатление, что это должно что-то *значить* для него, но что именно, брат Ульдиссиана не мог сказать.

И вот, несмотря на своё положение, Мендельн рассердился не на шутку. Вообще он был терпеливым человеком, но кто-то пытался – и у него отлично получалось – вывести его из себя.

-Ну ладно!- закричал он, и его голос вновь и вновь в тишине повторяло эхо. - Если тебе что-то нужно от меня, так скажи, что! Скажи мне, я требую!

Как только он умолк, резкий звук ударил по ушам. Сглотнув, Мендельн наблюдал в ужасе, как указующая рука статуи развернулась в сторону основания.

Мендельн подождал, не сделает ли она что-то ещё, но крылатый страж снова застыл. Постепенно он набрался смелости, чтобы посмотреть, что было внизу.

Всё те же древние записи. Не то чтобы он ждал чего-то другого, но это подлило масла в огонь.

-Но я не могу *прочитать* это!- пробурчал он. - Я не знаю, что говорится хоть в чём-нибудь из этого!- Скосив

глаза, Мендельн попытался припомнить те слова, которые стали ясны для него в тот момент испуга, когда демон поймал его одного в лесу. Он вспомнил образы в своей голове и звуки этих слов, но этого всё ещё было недостаточно, чтобы Мендельн мог разобраться в том, что лежало сейчас перед ним.

Уставший от тщетности этого кошмара, Мендельн в конце концов осмелился склониться над могилой, чтобы изучить каждый знак. Его губы складывались определённым образом, но этим дело и ограничивалось. Всё, абсолютно всё было лишено смысла.

-Что здесь говорится? - проворчал он, вздыхая. - Что здесь говорится?

«Дракон избрал тебя...»

Мендельн вскочил на ноги. Он снова услышал голос, как в Сераме. Он был похож на голос Сайруса.

Сайруса, *после* того, как тот умер.

Часть его хотела закричать, чтобы голос убирался из его головы, но часть зацепилась за то, что он говорил. «Дракон избрал тебя...»

Он уставился на древнюю запись и прочитал её заново:

-Дракон избрал меня... Тебя... Дракон... Избрал... Тебя...

И внезапно брат Ульдисиана смог прочесть эту строку. Что было важнее, остальные символы тоже приобрели смысл. Мендельн чувствовал, что находится теперь на пороге раскрытия значения всех их, а значит, и того, что происходит.

Но что именно значила эта фраза? Снова склоняя колени рядом с могилой, Мендельн изучил символ, означающий самое важное слово... Дракон. Петля, замыкающаяся на самой себе, нечто без начала и конца. Мендельн знал о драконах из легенд; почему этот знак обозначал это создание? И вообще, почему это создание?

-Что произошло? - тихо спросил Мендельн... Затем нахмурился, обратив внимание на то, как построен вопрос. Он хотел спросить: что происходит. Почему это он...

Земля под его рукой внезапно зашевелилась... Словно что-то под ней пыталось прокопать путь *наружу*.

С круглыми глазами Мендельн отскочил назад. При этом он неумышленно оказался над другой могилой, в которой, к его дальнейшему испугу, *тоже* что-то зашевелилось внизу.

Хуже того, он обнаружил, что могилы повсюду стали двигаться, шевелиться. Кучки свежевырытой земли уже украшали многие из них, и воображение Мендельна нарисовало скелетов, готовых появиться оттуда.

Но когда уже начало казаться, что его воображение сейчас станет чудовищной реальностью, в тени крылатой статуи образовалась фигура, полностью завернутая в чёрное. Быстрый взгляд Мендельна уловил лицо, не похожее на его: это было лицо учёного, но при этом очень, очень непохожее на его собственное. Оно было невероятной красоты, какая могла быть только у изваяния или картины.

Фигура начертила в воздухе один-единственный символ – кинжаловидный знак, который на один миг засиял белым. Нечто, похожее на глубокий вздох, пронеслось по кладбищу...

Могилы замерли. Фигура в плаще исчезла... И в этот же миг окружение Мендельна поменялось.

Он всё ещё был в Парте, это мог уяснить даже его потрясённый разум, но брат Ульдисиана больше не стоял внутри кладбища. Вместо этого Мендельн стоял у ворот, горгулья улыбалась во всю пасть, видимо, насмехаясь над его сознанием. Кладбище больше не выглядело древним и заросшим, но было хорошо ухоженным, как и следовало ожидать от жителей Парты.

Но как бы Мендельн ни скашивал глаза, он никак не могу разглядеть крылатую статую.

Кто-то тронул его за плечо, от чего он подпрыгнул, как прищипоренная лошадь. Сильные пальцы схватили Мендельна и развернули его.

К его облегчению это оказался Ахилий, а не какой-нибудь демон или мертвец.

-Мендельн! Ты в порядке! Что ты делаешь *здесь*? Охотник был почти таким же бледным, как брат Ульдисиана. Ахилий взглянул на кладбище за Мендельном с крайним отвращением. - Ты что, был там?

-Я... Нет,- Мендельн подумал, что лучше ему не пускаться в объяснения, поскольку он сам не был вполне уверен, что только что произошло. Видение? Сон? Сумасшествие?

Вместо этого Мендельн остановился на новом и интригующем вопросе:

-Ахилий, друг мой, а *ты* почему здесь? Ты что, шёл за мной?

На этот раз лучник колебался, прежде чем ответить с не меньшим подозрением:

-Да,- Ахилий внезапно улыбнулся Мендельну и хлопнул фермера по плечу.- Не хотел, чтобы ты потерялся, а, Мендельн? В таком большом городе мало ли что может отвлечь тебя, хм?

Мендельн не был уверен, должны ли его оскорблять такие комментарии, но предпочёл проигнорировать их ради их обоих. Быть может, в другой раз он сможет поделиться с Ахилием своими секретами, а охотник сможет поступить так же по отношению к нему. Он считал, тайна целиком сосредоточена на судьбоносном камне недалеко от дома.

-Тебе нужно вернуться со мной на площадь. Ульдисиан...

Мендельна обьял стыд, что он не беспокоился за своего брата. Нервно потирая руки, он выпалил:

-Ульдисиан! Он в порядке?

-Более чем,- ответил Ахилий.- Но нужно увидеть, чтобы понять...- тут ему случилось опустить взгляд на руки Мендельна. Его брови изогнулись.- Твои ладони покрыты грязью! Что...

-Я запнулся на соседней улице, пришлось защититься руками, чтоб не удариться лицом о камень,- быстро объяснил Мендельн.- Там было грязно,- прибавил он довольно неубедительно.

К его удивлению и облегчению, светловолосый лучник опять принял его ответ за чистую монету:

-Упал на улице! Ты становишься слишком рассеянным! Ладно, давай найдём, обо что тебе вытереть руки, и пойдём уже...

Не найдя ничего подходящего поблизости, Мендельн был вынужден обтереть ладони об одежду. Будучи фермером, он привык к этому движению, но его немного смущало предстать таким в Парте. Но не могли же они из-за этого сначала возвратиться в имение мастера Этона. Мендельну очень хотелось увидеть, что происходит на площади.

Он начал идти за Ахилием, только для того, чтобы остановиться в нерешительности спустя несколько шагов. Убедившись, что друг не смотрит в его сторону, Мендельн быстро огляделся вокруг в поиске.

Призраков, которые были с ним со времени битвы, нигде не было. Словно, когда укрытая фигура отравила духов могил на покой, она сделала то же с тенями стражников Храма.

-Спасибо,- прошептал он.

-Ты что-то сказал?- спросил лучник фермера, останавливаясь, что бы тот смог нагнать его.

-Нет...- ответил Мендельн, энергично качая головой.- Ничего.

Ахилий воспринял этот ответ, как и все остальные, за что брат Ульдисиана был ему благодарен. И всё же, пока они спешили вперёд, разум Мендельна витал вокруг не положения его брата, но тревожащего, да что там, даже *зловещего* случая, который ему только что пришлось пережить.

Одно беспокоило его больше всего. Не то, что случилось, не это именно. Нет, это был новый вопрос, который подняло странное видение... Вернее, два вопроса, связанных между собой.

Чем *был* Дракон... И почему он избрал *его*?

Несмотря на показную весёлость Ахилия, его настроение было мрачнее, чем когда он отправился на поиски Мендельна. Лучник совсем не ожидал обнаружить брата Ульдисиана стоящим у входа в такое место. Это во второй раз возвратило с полной силой ужасающее ощущение, которое испытал Ахилий после прикосновения к камню.

Он немедленно попытался прикрыть свою внезапную муку, и был благодарен Мендельну за то, что тот бы

так поглощён чем-то, что не заметил. К несчастью, эта поглощённость в свою очередь привлекла внимание охотника... И изъедала Ахилия даже сейчас.

Мендельн отрицал, что заходил на кладбище, когда лучник спросил у него. Но Ахилию не нужно было обладать обострёнными чувствами охотника, чтобы понять, что грязь на руках была не такая, какую можно найти на улице. Она была суше, выглядела старше, к ней были примешаны сорняки и трава.

Это была грязь, которую вернее всего найти – очень легко – на кладбище.

Это, в свою очередь, заставило Ахилия припомнить другой случай, в Сераме, когда брат Микелий пожелал увидеть могилу убитого проповедника... И заявил лучнику и остальным, что она была кем-то осквернена. Верховный инквизитор считал, что Ульдиссиан как-то причастен к этому. Ульдиссиан или кто-то, близкий ему.

И вот теперь Мендельн был здесь, на другом кладбище, с руками в грязи, Мендельн, который любопытным образом отсутствовал на протяжении большей части событий в деревне.

Мендельн... Который в чём-то начинал пугать Ахилия даже больше, чем Ульдиссиан.

Глава тринадцатая

День за днём летели в Парте, а работе Ульдиссиана не было видно конца. Не то что бы он не мог почувствовать силу, курсирующую внутри тех, кто к нему приходил, но то, что дальше этого дело у них не заходило, не приближаясь к возможностям его или даже Лилии, удивляло Ульдиссиана. Он говорил с ней об этом, когда они лежали в постели в роскошных палатах, предоставленных им щедрым мастером Этоном, но Лилию, похоже, совсем не волновало отсутствие результатов.

-Это показывает, любовь моя, что ты даже более особенный, чем я уже знаю, - проворковала она, пробегая рукой по его груди. - Но подожди ещё несколько дней. Думаю, ты увидишь то, чего так желаешь.

-Я рад, что ты так думаешь, - ответил он угрюмо. - Мне это тем более приятно, что я знаю, как ты не рада тому, что мы всё ещё здесь, а не в Кеджане.

-Уж приспособиться я всегда смогу, дорогой Ульдиссиан. Я поневоле научилась этому.

Ульдиссиана озадачило это замечание, но, когда он посмотрел на неё снова, то обнаружил, что Лилия только что уснула. Несколько минут спустя он присоединился к ней и на несколько часов был освобождён от своих опасений.

Не прошло и двух дней, как предсказание благородной девы сбылось. К этому времени Ульдиссиан уже притронулся практически ко всем в городе. Было на удивление мало людей, которые не спешили пробуждать дар внутри себя, и ещё меньше тех, кого он сам отвергал.

Это мастер Этон назвал тех, на кого Ульдиссиану не следовало тратить время. Все они были преступниками, и потому более всех вызывали подозрение и недоверие. Будучи главным судьёй в Парте, торговец знал большинство из них в лицо. Когда он узнал, что делает Ульдиссиан, он тут же посчитал нужным стоять рядом с ним.

-Вон тот человек, - заявил Этон. - Будь осторожен, давая ему что-либо... - затем указал на другого. - Вот этот может перерезать тебе горло, пока ты будешь приветствовать его, так что присматривай за ним тоже.

Поначалу Ульдиссиан покорно подчинялся, но в этот день он снова увидел первого подозрительного человека, неприятного, бородатого мужа по имени Ромий. Страшный шрам проходил через бо́льшую часть его плешивой головы – без сомнения, следствие его грязных занятий. Когда Ромий понял, что за ним наблюдают, он хотел скрыться. Но Ульдиссиан вдруг решил, что *хочет* говорить с обладателем сомнительной репутации.

-Ромий! Ромий! Подойди ко мне!

Сотни пар глаз поглядели на Ромия. У него не было выбора, кроме как выйти вперёд, не обращая внимания на сердитые взгляды городской стражи и многих других.

Мастер Этон тоже был недоволен:

-Ульдиссиан, я знаю, у тебя добрые намерения, парень, но такие, как он, скорее, будут представлять опасность, если дать им дар...

Лилия положила мягкую ладонь на руку торговца:

-Но дорогой Этон! Как вы можете знать, что подобные Ромию уже не получили помощь Ульдиссиана? Можете ли вы утверждать, что знаете *каждого* злодея в Парте?

-Нет, моя леди, но я знаю треклятую их кучу – ты уж извини меня за такие слова – и этот – один из худших!

Она не была разубеждена:

-Вы видели лица тех, кто был пробуждён. Вы сами испытали это. Загляните вглубь себя. Как вы думаете, вы когда-нибудь могли бы использовать это во зло?

-Нет... Никогда... Но...- Этон запнулся.

-Никто не мог бы,- упорствовала Лилия.- Никто.

Не дожидаясь того, что ещё скажет мастер Этон, Ульдисиан потянулся к Ромию, который скорее походил на испуганного ребёнка, чем на человека, представляющего угрозу. Плешивого человека окружало много хороших горожан, который считали Ульдисиана кем-то вроде святого.

-Не бойся,- сказал Ульдисиан, а затем добавил, обращаясь к толпе.- Расступитесь немного. Всё в порядке.

Когда они повиновались, сын Диомеда подтянул его ближе. Ромий нахмурился, но дал вести себя.

Всё ещё стоявшая рядом с мастером Этоном Лилия подалась вперёд и глядела пристально.

Остальные горожане смотрели с тревогой, видимо, отлично зная репутацию Ромия. Они были готовы защитить Ульдисиана, если что-нибудь пойдёт не так.

Но сам Ульдисиан не боялся. Как только он коснулся ладоней человека, сила внутри него стала подниматься. Ульдисиан сразу же почувствовал, что она колеблет что-то внутри Ромия. У плешивого мужчины спёрло дыхание, удивление отразилось на его лице. Он стал выглядеть, как совсем другой человек, – такой, какому Ульдисиан доверил бы свою жизнь.

Это... Это...- заикался Ромий.

-Да, я знаю.

Ульдисиан, как всегда, отошёл назад, чтобы дать человеку возможность самому сообразить, что с ним случилось. Ромий хихикнул, как ребёнок, и слеза покатилась по его щеке. Обеими руками он схватился за макушку, пытаясь осознать.

Когда его руки опустились, Лилия вдруг крикнула:

-Ульдисиан! Посмотри, что он сделал! Посмотри на шрам!

Ульдисиан *не мог* посмотреть на него... Потому что его больше не существовало. Кожа, по которой когда-то проходил неровный порез, была здоровой и розовой, как восстановленное лицо Йонаса.

И это не было делом рук Ульдисиана.

Горожане не сразу это поняли, аплодируя Ульдисиану, думая, что это сделал он. Быстро подняв высоко руки, Ульдисиан дождался, пока толпа затихнет, затем прокричал:

-То, что вы видите, сделал не я! Отнюдь! То, что вы видите перед собой... Чудо, которое вы наблюдаете... Ромий сделал сам!- когда народ запротестовал, он сделался более строгим.- Я говорю это, и я это знаю! Кто здесь назовёт меня лжецом?

Никто здесь *не мог* этого сделать. Многие стали смотреть с изумлением на Ромия, который не переставал качать головой, пытаясь отрицать правду точно так же, как это только что делали его соседи.

Но Ульдисиан не дал ему такой возможности:

-Ромий, встань рядом со мной у фонтана! Пусть другие видят!

Не говоря ни слова, бородатый человек подчинился. Другие подобрались ближе, переговариваясь друг с другом и указывая на исцелённый участок. Ромий начал густо краснеть. Никогда он сейчас не походил на закоренелого преступника, каким его назвал вначале мастер Этон.

Уму непостижимо...- пробормотал торговец сзади.- Неужели это возможно?

Лилия крепко стиснула его руку:

-Ещё как!- выдохнула она.- *Теперь* вы понимаете?

-Да... Да... Кажется, я понимаю...

Тем временем Ульдисиан снова привлёк внимание публики:

-Может пройти время, прежде чем такое снова произойдёт, но теперь вы знаете, что это возможно! Не

сомневайтесь, что *каждый* сможет делать то же самое... И сверх того!

Этого было достаточно, чтобы толпа зашлась рёвом. Многие упали на колени и благодарили Ульдиссиана, который был очень расстроен этой реакцией.

-Встаньте! Встаньте!- настоял он. Его ярость потрясла его последователей. Они смотрели со страхом.

Он не обратил внимания. Они должны были понять:

-Никто не кланяется мне! Я не король, не патриарх магического клана! Я был и всё ещё являюсь простым фермером! Может, я и потерял свою землю, свой дом, но я остаюсь собой даже притом, что мне дано! Я хочу поделиться, а не командовать! Никогда больше не преклоняйте колени передо мной! Здесь нет хозяев! Только равные!

Даже после этой речи Ульдиссиан знал, что они не совсем так воспринимают это. Они ждут, что он даст им ответы и направит по нужному пути. Он утешил себя мыслью, что действует как учитель, как проводник. Однажды они больше не будут нуждаться в нём. Возможно даже, что кто-то из них превзойдёт Ульдиссиана, и уже ему придётся учиться у них.

Но сейчас всё зависело от него. Впрочем, начальное деяние Ромия дало ему новую надежду. Каждый человек индивидуален. Как фермер, он понимал, что разные побеги приносят разные плоды. Всё, что требуется, – проявлять терпение.

У него есть время. Кеджан может подождать. Он останется здесь до тех пор, пока не будет уверен. Это пойдёт на пользу, когда он предстанет перед жителями большого города.

С новой надеждой на успешный исход дела Ульдиссиан повернулся к следующему просителю... А затем к следующему... И следующему...

На этот раз Малик был более осмотрителен. Не потому, что его пугала новая встреча с Ульдиссианом, – просто он хотел, чтобы на этот раз всё прошло гладко. Морлу в чём-то были палкой о двух концах. Они были очень способные, но их тяга к кровопролитию могла соревноваться с демонической. К счастью, хозяин выбрал способного слугу Демоса, а Демос хорошо отобрал пятерых воинов. Вместе они представляли куда большую силу, чем демоны и стражники, которыми священник командовал до этого.

Демос прямо сейчас шествовал впереди группы, с шумом втягивая воздух, словно зверь, почуявший запах. Другие морлу напряжённо сидели в своих сёдлах, ожидая, когда их на кого-нибудь натравят.

-Они шли этой дорогой,- прокричал Демос. Он вознёс свой шлем из бараньего черепа к небу и снова втянул воздух.- А здесь они повернули... Сюда.

-Ты уверен?- взгляд Малика последовал за вытянутой рукой.

-Я чую кровь, высший жрец,- главный морлу ослабил, показывая острые пожелтевшие зубы.

-Они держали курс на Кеджан. Когда я видел их в последний раз, они явно были на пути к нижним землям и джунглям. Поворот в этом направлении означает серьёзный крюк.

Демос пожал плечами. Для таких, как он, такие рассуждения были ни к чему. Для него было важно лишь то, где можно найти жертву, а не то, какой курс она держала до охоты.

Священник взмахнул своей изуродованной рукой – вскоре после трансформации это стало его неосознанным движением. Когтистые пальцы дёрнулись. Перед самым отбытием группы хозяин наконец сказал ему, что могла делать рука. Малик бы теперь с удовольствием опробовал её... Но для этого нужно было добраться до жертвы.

-Значит, мы едем сюда,- наконец объявил высший жрец.

Крякнув, Демос возвратился к своему тёмному коню. Всем морлу было очевидно, что нужно следовать этим путём, но они знали своё место и не делали ненужных комментариев. Высший жрец мог по своей воле предать их смерти, если Храму было так угодно. Они не могли поставить под вопрос его лидерство, пока так не скомандует хозяин.

С Маликом впереди банда скакала в неистовом темпе. Любопытное дело: их ездовые животные не оставляли за собой следов; более того, даже цокота копыт не было слышно. Если бы поблизости нашёлся очевидец их движения, то он мог бы заметить, что копыта даже немного не достают до земли...

Снова над Партой нависла ночь. Измученный, Ульдисиан упал в свою постель. Он едва заметил, как Лилия проскользнула к нему, прежде чем фермера объял сон.

Вскоре он начал видеть сны – приятные сценки, где ему удавалось помочь больным и изувеченным научиться, как исцелять самим, либо помогал выжженным землям вновь расцветать. Ульдисиан видел, как мир превращается в рай и люди достигают совершенства, о котором нельзя было и мечтать...

Затем, посреди гармонии и любви, ворвалась беда. Расщелины открылись в земле, и даже в небе образовались трещины. Словно его дом был спрятан внутри огромного яйца, и теперь что-то пыталось разбить его *извне*.

В следующий миг небо заполнили фигуры с пылающими крыльями, а из расщелин поднялись тьмы покрытых чешуёй чудовищ. Две страшные армии немедленно столкнулись друг с другом, и человечество было поймано посередине. Мужчин, женщин и детей разрывали в кровавые клочья не замечающие их воины обеих сторон. Мгновенно погибли тысячи.

-Стойте!- взревел Ульдисиан.- Стойте!

Никто из воюющих не обратил ни малейшего внимания на его крики, а когда он попытался использовать свой дар, чтобы заставить их слушать, ничего не произошло.

-Они повсюду!- кричал Ахилий, вдруг оказавшийся рядом с ним.- Сделай что-нибудь! У меня стрелы почти закончились!- И правда, лучник, судя по всему, умудрился повергнуть около сотни бойцов, но они всё ещё накатывали волной.- Это твоя вина!- заявил Ахилий, разъярясь.- Твоя вина!

-Нет!- Ульдисиан отвернулся от охотника и его обвинений и увидел Серентию, глядящую на него издалека. Она стояла, окружённая морем яростных воинов, позабыв об угрозе. Клинки уже обрушились на её голову, но дочь Сайруса продолжала смотреть на Ульдисиана точно так же, как публика смотрела на него сегодня.

-Я верю в тебя,- заявила она.- Я верю...

Топор, уже с зазубринами от активного применения, аккуратно отрубил ей голову. Кровь фонтаном хлынула из шеи. Пока голова Серентии падала, Ульдисиан всё ещё читал доверие в её глазах.

-Серри!- вымолвил он. Ульдисиан хотел ринуться туда, но вдруг чья-то рука потянула его назад. Он оглянулся посмотреть, кто это мешает ему подбежать к ней, и обнаружил, что это не кто иной, как его собственный брат... Но при виде такого Мендельна он невольно вздрогнул.

-Не беспокойся больше за неё,- сказала мертвенно-бледная фигура без единой эмоции. Лицо Мендельна было искажённым и серым, он казался полутенью. Он был закутан в тёмный плащ, плащ, колеблющийся несмотря на видимое отсутствие ветра.- Не беспокойся за неё. Теперь она моя.

Только тогда Ульдисиан увидел фигуры позади Мендельна, лица, которые он знал по Парте и Сераму. Но их лица, как у Мендельна, были искажены, и, когда он посмотрел ближе, то увидел неровные раны и вырванную плоть.

Все они были мертвы.

Сделав своё заявление, Мендельн отплыл за Ульдисиана, словно сам был тенью. Трупы невинных последовали за ним по пятам. Сражение разгорелось по разные стороны от тела Серентии, которое всё ещё стояло, несмотря на её смерть.

Мендельн поманил, и тело тоже присоединилось к нему.

-Подожди!- крикнул Ахилий, прыгнув вперёд. Опустив лук, он схватил окровавленную голову Серентии и поспешил к Мендельну.- Постой!

Ульдисиан попытался последовать за ним, но перед ним воюющие легионы не расступились. Крылатые воины и их зверские противники тесно сомкнулись друг с другом, и всё же, несмотря на большие потери с обеих сторон, число их не уменьшалось. Новые потоки всё подходили и подходили, наводняя мир.

Теперь не осталось даже намёка на рай, который окружал Ульдиссиана до этого. Земля горела красным от пролитой в бойне крови, небеса были выжжены и объаты дымом.

Когда он уже почти потерял надежду, он услышал, как Лилия зовёт его. В отчаянии он стал смотреть по сторонам и наконец заметил благородную деву – её пышное убранство, – скользящую к нему сквозь побоище. Битва никак не коснулась Лилии; на самом деле, воюющие спешили уйти у неё с дороги. Прибежав, она упала прямо в руки Ульдиссиана, держа его так же крепко, как он держал её.

-Лилия...- выдохнул он, почувствовал невероятное облегчение.- Лилия... Я думал, что потерял и тебя...

-Но тебе никогда не быть без меня, любовь моя, никогда...- проворковала она и сжала его ещё крепче. Её лицо возлежало у него на груди.- Мы связаны с тобой навеки...

Благодарный, Ульдиссиан подался вперёд, чтобы поцеловать её. Лилия подняла к нему своё лицо...

Со сдавленным дыханием он попытался освободиться от благородной девушки, но объятия Лилии были неразрушимы. Ульдиссиан в ужасе смотрел, как её рот приближается к его рту.

-Ты не поцелуешь меня, любовь моя?- спросила она с улыбкой... Улыбкой, обнажавшей острые зубы. Её глаза были лишены зрачков, лишь зловещая алая тень покрывала всю область под веками. Кожа была покрыта чешуёй, уши были вытянутыми и заострёнными. Волосы всё ещё были длинны, но состояли из твёрдых перьев изумрудного цвета.

Несмотря на отвратительные изменения в ней, оставалось ещё что-то такое, что пробуждало в Ульдиссиане желание, желание столь сильное, что оно пугало его. Пышное платье, которое было на ней надето, исчезло, совсем исчезло, и, хотя чешуя покрывала всю её плоть, она не скрывала того, что обычно скрывают людские одежды.

-Нет!- выпалил он, отталкивая её назад со всей силы.- Нет!

Лилия засмеялась над его жалкими потугами. Её хвост, который оканчивался тремя острыми, как кинжалы, колючками, размеренно хлестал окровавленную землю. Она сделала шаг назад на ногах, оканчивающихся копытами, какие были у коз, которых держал у себя на ферме Ульдиссиан, и предстала в полный рост перед его широко раскрытыми глазами.

-Разве я – не всё, о чём ты мечтал? Ужели я не предмет твоих стремлений?- женщина-демон снова засмеялась и, несмотря на то, что от её смеха несчастного фермера холод пробрал до костей, он возжелал её ещё больше.- Подойди, любовь моя.- Продолжила Лилия и поманила его к себе когтистыми ладонями.- Подойди... Ты – мой, тело и душа, душа и тело... Иди ко мне...

Когда она сказала это, армии внезапно прекратили борьбу и повернулись лицами к Ульдиссиану. Они медленно маршировали к нему, их шаги били в такт с ритмом голоса Лилии.

...тело и душа... Душа и тело... Тело и...

С безмолвным криком Ульдиссиан проснулся. Он повернулся на бок и увидел, что Лилия растянулась подле него, её лицо – её красивое лицо – выражало беспокойство.

-Ульдиссиан, любовь моя! Ты заболел?

-Я видел... Других... Тебя...- положив лицо на ладони, он постепенно собирался с мыслями.- Мне снилось... Снилось. Вот и всё. Всего лишь плохой сон.

-Кошмар?- Лилия протянула ровную – без когтей – ладонь к его щеке. Ульдиссиан инстинктивно вздрогнул, вспомнив её наружность из видения.- И какой же, должно быть, это был жуткий кошмар,- добавила она,- если ты так боишься меня!

-Лилия... Извини.

Она покачала головой, давая своим распущенным волосам разметаться по обнажённому телу. Даже укрытая темнотой, она была обезоруживающе прекрасна. Желание снова наполнило Ульдиссиана, и отвратительный сон начал забываться.

Обвивая свои тонкие руки вокруг него, Лилия прошептала:

-Позволь мне помочь тебе успокоиться, позволь показать тебе, что тебе не нужно бояться меня...

-Лилия, я...

-Ш-ш!

Их губы встретились и не размыкались, пока Ульдиссиан не стал порядком задыхаться. Когда он вдохнул воздуха, благородная дева захихикала – звук, не только очень приятный сам по себе, но ещё и совсем не похожий на соблазнительный, но при этом насмешливый смех из кошмара.

-И это только начало, я обещаю, - её ладони поласкали его руки, пробежали по волосам на груди и пошли вниз.

Последние следы сна исчезли. С игривым рёвом Ульдиссиан бросился вперёд и обнял её всю. Они перекатились на другую сторону кровати, где сын Диомеда без усталости работал над тем, чтобы ни малейшее воспоминание о видении больше никогда не посетило его.

Когда Ульдиссиан снова заснул, он был в настроении, которое предрасполагало только к хорошим снам, а никак не к кошмарам. Крепко похрапывая, он лежал на животе, одну руку бездумно положив на Лилию.

Но Лилия не спала. Лёжа на спине, она витала в воспоминаниях, что были далеки от кровати и Ульдиссиана.

Среди людей много тех, кто видит в снах знамения, и Лилия знала, что он могут быть недалеко от правды. Сны могут быть вещими; она это знала лучше, чем кто бы то ни было. Пока они занимались любовью, ей удалось собрать кое-какие обрывки, которые Ульдиссиан даже не осознавал, что произносил. Собранные воедино, они создали картину, которая чуть не заставила её забыть. К счастью, её силы быстро исцелили то, что при других обстоятельствах оставило бы ужасный шрам на спине Ульдиссиана.

Да, сны могли быть вещими, и в случае Ульдиссиана так могло и быть. Тем не менее, у них могла быть и другая причина, которая больше заботила Лилию.

Сны – особенно кошмары – могли служить также *предостережением*.

Лилия знала лишь то, о чём эти предостережения. Но она не знала, откуда они исходят. Она сделала всё возможное, чтобы скрыть своё присутствие от тех, кто может её узнать. Безусловно, они теперь могут подозревать что-то, но они тоже должны действовать осторожно. Иначе всё может открыться Высшему Небу. Никто, даже *он*, не хочет, чтобы оно обнаружило существование Санктуария.

Поэтому она всё ещё была в выигрыше, по крайней мере, насколько она могла судить.

Но этот сон продолжал тревожить её. Не похоже это было на чью-то попытку сорвать её планы... Но что же ещё это могло быть?

«Это не имеет значения» - сказала она себе. Она владеет ситуацией. Это она пробудила силу нефалемов в глупце подле себя, и с его помощью она поднимет её в *каждом* смертном. Ничто не остановит её.

А если Ульдиссиан уль-Диомед в какой-то момент перестанет быть послушной марионеткой, Лилия просто *убьёт* его и найдёт другого простофилю. В конце концов, на свете *столько* мужчин...

Глава четырнадцатая

Ещё четыре дня прошло в Парте, и за эти дни Ульдиссиан ещё больше здесь прижился. Кеджан всё ещё оставался будущей целью, но эта цель отодвигалась всё дальше с каждым проходившим днём.

Помимо городских жителей стали подходить люди с фермерских земель и меньших поселений в радиусе дня пути в округе – новости доходили до них от тех, к кому уже прикоснулся Ульдиссиан. Естественно, он приветствовал каждого вновь прибывшего и делал всё, что в его силах. Хотя дело продвигалось медленно, теперь у него было подтверждение его слов; не считая Ромия, где-то ещё у пары дюжин других проявились признаки силы. Эти признаки разнились от исцеления небольших ран или цветения цветов до внезапной способности девочки подзывать птиц, чтобы те сели ей на руку. Все были разные. Сам Ульдиссиан восхищался всё больше и часть времени тратил на то, чтобы разобраться, почему для этого это работает так, а для другого – этак.

Кошмар к нему больше не возвращался и, столь занятый делами, он вскоре позабыл его. Тем временем ряды стали пополняться иным, самым неожиданным образом. Парта была торговым городом, и потому для оказавшихся поблизости путников и торговцев было обычным делом остановиться здесь. Они неизбежно втягивались в общий ажиотаж, и многие чисто из любопытства просили Ульдиссиана прикоснуться к ним. Не все, конечно, как пока и жители самой Парты. Тем не менее, отказывающихся становилось всё меньше с каждым новым «чудом», вроде того, когда дочь вернула зрение своему престарелому отцу, сначала даже не осознав этого. Опять же, хотя она не могла повторить это действие, Ульдиссиан не мог не думать о том, что очень многие ещё только ожидают воссоединения с ним.

Несмотря на коренные изменения внутри них, большинство горожан пытались продолжать жить обычной жизнью. Что *ещё* им оставалось делать? Урожай всё ещё нужно было собирать, детей всё ещё нужно было кормить. Мастер Этон сам признался, что получает удовольствие от своей работы, особенно после того, как несколько лет назад умерла его жена и в прошлом году два старших сына отправились в Кеджан.

Собственно, из-за этого удовольствия он и должен был оставить своих гостей грядущим вечером:

-Я прошу извинить меня, славный Ульдиссиан, за то, что меня не будет вечером. Старый друг и собрат по торговле хочет, чтобы я посетил его обоз и посмотрел на последние приобретения! Как и я, он ощутил твоё прикосновение, но, как и я... В общем, он тоже торговец в душе!

-Не стоит извиняться, мастер Этон. Вы и так были более чем добры. Вы так много сделали.

-Это я-то? Я?- рассмеялся старик. - Ох, Ульдиссиан, ты, наверное, самый скромный человек из всех, которых я знал! Я сделал так много! А ты всего лишь навсегда изменил жизни всех живущих здесь!

Этон ушёл, всё ещё смеясь, и Ульдиссиан остался немного смущённым.

Лилия позднее попыталась привести в порядок чувства Ульдиссиана:

-Ты должен радоваться! Ты просто был собой, любовь моя! Здесь нечего стесняться!- она поцеловала его. - Но это правда, ты удивительно скромный.

-Возможно...- он вдруг почувствовал тревогу. - Мне нужно пройтись.

-Куда мы пойдём?

-Лилия, я хотел бы пройтись один,- с возрастающим беспокойством ответил Ульдиссиан.

-В Парте?- казалось, это заявление позабавило её. - Осмелюсь предположить, что ты не зайдёшь очень далеко, дорогой Ульдиссиан, но попробуй. Желаю удачи.

Он знал, что она имеет в виду. Сразу, как только один человек замечал его, вокруг него тут же, как по волшебству, собиралась толпа. И всё же, ночь была лучшей порой для попытки. Большинство людей, должно быть, уже вернулись в свои дома. Постоялые дворы и таверны всё ещё будут открыты, но Ульдиссиан намерен обходить их стороной.

-Я просто пройду по улице направо от имения, а затем, скорее всего, сразу вернусь назад.

-Бедный Ульдиссиан! Ты не должен докладывать мне о каждом своём шаге!- Лилия наградила его очередным

долгим поцелуем. - Я желаю тебе расслабляющей прогулки!

Скажи так кто-нибудь другой, Ульдиссиан подумал бы, что над ним насмеются, но от неё Ульдиссиан ощущал лишь заботу и любовь. В который раз он подумал, какая же это удача, что он нашёл её. Словно такова была воля судьбы.

После ещё одного, возможно, ещё более страстного третьего поцелуя он оставил её в рабочем кабинете мастера Этона. Ульдиссиану хотелось сначала найти своего брата, но он подозревал, что, как и в предыдущие разы, он не найдёт Мендельна поблизости. Хотя всё остальное вроде бы вставало по местам, они с Мендельном продолжали всё больше отдаляться друг от друга. Ещё более усугубило положение то, что во все разы, когда Ульдиссиан имел возможность поговорить со своим братом, его прерывали новые просители. Не в силах отказать им, он так несколько раз упустил драгоценную возможность.

Но время должно прийти. С Мендельном что-то было не так. Ульдиссиан чувствовал это. Младший брат скрывал что-то важное. Что именно, возможно, знал только Ахилий, но лучник тоже умудрялся не быть на месте, когда Ульдиссиан хотел увидеться с ним. Видно, даже присутствие Серентии на собраниях не удерживало Ахилия рядом.

В который раз Ульдиссиан поклялся сам себе, что всё это вскоре изменится. Каким-то образом ему удастся добраться до правды. А теперь ему нужно очистить разум и расслабиться.

Ночной воздух помог практически сразу. Когда он достиг ворот наружу, люди Этона беззвучно салютовали ему. Как и многие другие, они ощущали пробуждение внутри себя, но при этом находили наиболее удобным заниматься своими прежними делами. К счастью, они уже привыкли уважать уединение Ульдиссиана.

-Я скоро буду,- сказал он им.

-Как пожелаешь, мастер Ульдиссиан. Мы будем здесь к твоим услугам, когда ты вернёшься.

Он оставил попытки отговорить их или кого бы то ни было ещё называть его так. Всё же лучше, чем «Ваша Святость» и тому подобное, как его ещё звали некоторые.

Он выбрал наименее освещённую дорожку и пошёл по ней. Темнота успокаивала его, её тенистый покров давал Ульдиссиану чувство анонимности, в котором он теперь по-настоящему нуждался. Он стал думать о своей ферме, которая уже наверняка пришла в упадок или попала в руки предприимчивому соседу, который установил, насколько ценна эта почва. Ульдиссиан надеялся, что, по крайней мере, кто-нибудь заботится о его животных.

Отдалённые голоса предупредили его о том, что кто-то идёт. Предпочитая быть один, Ульдиссиан свернул в сторону на ещё более тёмную улицу и поспешил прочь, прежде чем другие увидели его. Из того, что он услышал, он понял, что это просто члены стражи Парты делают свой обычный обход, но даже с ними не хотелось бы сейчас видеться.

Ульдиссиан не представлял, куда ведёт новая улица, но её манящая уединённость была достаточной, чтобы идти по ней некоторое время. Голоса вскоре стихли позади него. Он начал расслабляться так, как не мог даже во сне. Впервые со времени неразберихи в Сераме сын Диомеда чувствовал себя простым человеком.

Затем другой голос, на этот раз шепчущий, привлёк его внимание. Ульдиссиану показалось, что он исходит слева, и посмотрел туда.

Но справа раздался другой шёпот. Как и первый, он был слишком тихий, чтобы можно было разобрать. Было, однако, что-то в его тоне, что заставило Ульдиссиана насторожиться.

-Кто здесь?- позвал Ульдиссиан. - Кто здесь?

Слева вновь раздался голос. Не теряя больше времени, Ульдиссиан прыгнул на звук... Но его вытянутые руки не нащупали ничего.

Третий голос раздался откуда-то спереди. С рычанием Ульдиссиан повернулся в этом направлении... И снова не смог обнаружить ничего вещественного.

Он осторожно отступил на несколько шагов, затем оглянулся. Чуть позади должна была виднеться другая улица, но Ульдиссиан видел только темноту.

Внезапно все голоса снова начали безумно нашептывать. Хуже того, к ним быстро присоединились другие; все звучали тем же напряжённым тоном, который сильно взволновал Ульдиссиана. Он вертелся на месте в поисках тех, кто говорил, или же выхода, но не находил ни того, ни другого.

-Покажитесь, чтоб вас!- закричал он в конец концов.- Покажитесь!

Он попытался призвать свою силу... Не удалось. Прибегая к другой тактике, Ульдиссиан представил яркое освещение – чтобы легче было отследить его ловцов – или даже сильный ветер, который унёс бы его отсюда. Но опять ничего не произошло.

Ничего...

Один голос вдруг оказался сразу справа. Он начал было поворачиваться на него... Как вдруг плотная рука с другой стороны схватила его за горло. Задышавшись, Ульдиссиан попытался освободиться от того, что бы его ни держало. Он даже не был уверен, что это рука, а не какое-то щупальце, только хватка была сильнее железной.

Когда недостаток воздуха стал одолевать его, мысли Ульдиссиана вернулись к Лилии. Он мог лишь предполагать, что это нападение связано с Маликом, и он боялся теперь, что после него высший жрец отправится за ней. Но даже это опасение не дало ему силы освободиться...

Затем из ниоткуда раздалось шипение, за которым последовало звериное рычание. В то же время Ульдиссиана охватил какой-то инстинкт. Каждый мускул его тела напрягся.

Воздух покрылся зыбью. Ночь разрезал гортанный вопль, за которым последовал грохот.

Хватка вокруг горла Ульдиссиана исчезла, а вместе с ней и коварное нащёптывание. Вдруг остался только звук его отдышки, а ещё быстрая поступь мягких ботинок.

-Ульдиссиан!- раздался столь знакомый голос.- Ульдиссиан! Я думал, это... Проклятье! Я не знаю, что это было...

Но, несмотря на это маленькое препятствие, Ахилий, по-видимому, умудрился метко выстрелить. В темноте мишенью с той же лёгкостью мог оказаться Ульдиссиан – определённо, вероятность попадания в него была бы высока, стреляя любой другой лучник. Но Ульдиссиан знал умение своего друга детства, и потому понял, что его жизнь ни на миг не подверглась опасности, во всяком случае, опасности быть раненным стрелой.

-С... Спасибо...- выдохнул он.

Перекинув лук через плечо, Ахилий помог Ульдиссиану выпрямиться:

-Не благодари. Жаль, я не сумел убить то, что тебя... Но будь я проклят, если знаю, почему! Я попал прямо туда, где должен быть затылок! Если бы это был наёмный убийца, он бы лежал мёртвым у наших ног, - убедившись, что Ульдиссиан может стоять на ногах, охотник преклонил колени. Вскоре Ахилий пробормотал, - Здесь что-то есть, но это не похоже на *кровь*. Во всяком случае, не свежая. Это не может быть кровь напавшего...

Ульдиссиан не был столь уверен – он помнил, каких ужасных созданий уже насылали на него. Но он был бы рад хоть на минуту положиться на опыт Ахилия.

Поднявшись, гибкий охотник отправился в направлении, откуда раздавался грохот. Минуту спустя Ахилий вернулся, и, судя по тому немногому, что можно было разглядеть, его лицо выражало досаду.

-Что-то тяжёлое ударило стену этого дома, - сказал он, указывая на темноту позади. - Порядком проломило её... Но что бы это ни было, сразу после оно встало и убежало.

И это тоже не удивило Ульдиссиана. Малик мог послать куда более способных слуг, чем прежние.

На этот раз они тщательно подготовили ловушку, дождавшись, пока он окажется один. Высший жрец знал его. Он знал, что настанет момент, когда его жертва захочет побыть в одиночестве.

Но тут он вдруг задумался: а что лучник делает здесь? Ульдиссиан давно перестал верить в совпадения.

Но не успел он задать вопрос, как Ахилий сказал:

-Предлагаю перейти в более людное место. Может, ты и наслаждаешься уединением, но уж не *настолько*.

Кивнув, Ульдиссиан последовал за своим другом туда, откуда они пришли. Ахилий явно мог видеть в темноте лучше, чем он. Вскоре охотник привёл их в окрестности имения Этона. Только тогда они остановились, чтобы отдышаться.

-Ну вот, так гораздо лучше, - заметил блондин.

-Спасибо ещё раз,- отозвался Ульдисиан.- А теперь скажи мне, как так получилось, что ты оказался прямо там, когда мне понадобилась помощь.

Ахилий вздёрнул голову:

-А почему вообще тебе понадобилась моя помощь, Ульдисиан? Что с тобой случилось там?

-Просто ответь мне, Ахилий,- Ульдисиан был ещё не готов, чтобы вопросы задавали ему.

-Я подумал, ты можешь быть в опасности,- последовал ответ после длительного колебания.

Эта фраза озадачила Ульдисиана:

-Что ты имеешь в виду?

-Я просто почувствовал, что то-то должно произойти, и доверился чутью. Вот и всё.

-И смог дойти до места, где я был.

-А что такого,- лучник пожал плечами.- Отец назвал бы это инстинктом,- отец Ахилия, как и он сам, был охотником, и никто не сумел побить его в ремесле кроме его собственного сына.- Наверное, я просто хороший охотник.

Но Ульдисиан считал это большим, чем простой инстинкт. Он воздержался от замечания, но подозревал, что Ахилий обратил тот самый дар, которым обладал Ульдисиан, в нечто, подходящее его талантам. Если точнее, то было возможно, что его семья делала так уже два поколения.

Это придавало ещё большее значение силам, растущим внутри них, чем они считали до сих пор. Ульдисиан осознал, что он, наверное, даже не первый, кто обучился дару, а всего лишь первый, кто понял, насколько он поразительный.

-Что это там такое было?- спросил Ахилий.- Ты видел это?

Решив не напирать на Ахилия – по крайней мере, пока – Ульдисиан ответил:

-По-моему, очередной питомец высшего жреца,- раздумав ещё немного, он добавил.- Думаю, он притворялся человеком. Ещё мне показалось, я почувствовал броню.

-Ну, моя стрела не задела броню. Судя по звуку удара. Выстрел должен был причинить ему больше вреда...

Ульдисиана это не волновало. Нечто более важное было у него на уме. Это нападение в самом сердце Парты заставило его принять решение:

-Ахилий, у меня есть просьба к тебе. Обещай, что выполнишь её.

-Не раньше, чем услышу, что это за просьба, дружище! Ты меня знаешь.

-Тогда внимательно выслушай и ещё внимательней обдумай. Ахилий, только тебе я могу доверить это. Я считаю, что остальные здесь в опасности. Мне нужно, чтобы ты увёл их куда-нибудь *подальше* от меня. Ты сделаешь это?

-Под остальными ты подразумеваешь в первую очередь Лилию, я полагаю?

-Всех вас... Но да, само собой, я надеюсь, ты и ей сможешь помочь.

Ахилий огляделся, нет ли кого вокруг. Улицы были пусты.

-Я понимаю, почему ты хочешь, чтобы Лилия, Серри и Мендельн были подальше отсюда... И ты прекрасно знаешь, что я больше всех хочу, чтоб Серри была в безопасности.

-Ахилий... - охотник жестом остановил его.

-Я никогда не стану тобой в её глазах, но я смирился с этим. Но даже если мы согласимся, что они не должны быть здесь, – и я уверен, что ты хочешь, чтобы и я был в безопасности,- добавил он со смешком, – я уверен, что никто из них не согласится пойти. Даже твой брат. Они дадут отпор тебе и мне, Ульдисиан.

-Это небезопасно ни для кого из вас! Подтверждение тому ты видел только что!

-Да, но, услышав это, они только ещё больше заупрямятся... И я не возьмусь винить их за это! Тебе не избавиться

от них или меня, дружище! Никак не получится.

Но Ульдиссиан подумал, что *есть* один способ. Самый худший из всех.

Хотя он знал, что продолжать спор бесполезно, Ульдиссиан раскрыл рот... Но закрыл его, как только услышал стук копыт. Оба мужчины напряглись, Ахилий приготовил свой лук.

Но с тёмной улицы к ним подъезжал не кто иной, как мастер Этон. Торговец заметил мужчин и остановил коня прямо перед ними.

-Ульдиссиан. Лучник. Что заставило вас двоих стоять здесь и смотреть столь недоверчиво?

-Просто нервы, мастер Этон!- усмехнулся Ахилий.- Нервы, вот и всё!

-Мне нужно было подышать!- подтвердил сын Диомеда коротким кивком.

-Этим я не удивлён,- пожилой человек спешил. Держа поводья в одной руке, он другой хлопнул Ульдиссиана по плечу.- Ты столько сделал, Ульдиссиан уль-Диомед! Столько сделал...- после небольшой паузы он добавил.- И если я могу сделать что-то ещё для тебя, пожалуйста, не стесняйся.

Ульдиссиан почувствовал смущение. К счастью, Этон неожиданно обернулся к Ахилию:

-Говорил я тебе, какой хороший у тебя лук, лучник? Я не могу налюбоваться им с тех пор, как впервые увидел его.

-Это моего отца, мастер Этон! Отец заботился о том, чтобы он выглядел так же хорошо, как в день его создания, и я прикладываю все усилия, чтобы так оно и оставалось! Половина умения стрелка зависит от того, каким луком он владеет...

-Так много, по-твоему? Можно подержать?- попросил торговец, протягивая руку.

-Конечно, пожалуйста,- Ахилий дал их гостеприимному хозяину изучить оружие. Этон со знанием дела пробежал пальцами по умело изготовленному изделию. Ульдиссиан, который сам восхищался и даже несколько раз стрелял из лука, увидел его по-новому. Мало кто мог превзойти Тремаса, отца Ахилия, в его работе.

Но был ли исключительный талант резьбы Тремаса ещё одной вариацией дара?

Очень тщательно осмотрев лук, мастер Этон вернул его владельцу:

-В самом деле, блестящая работа. Мне не терпится снова увидеть его в действии.

Его замечание заставило друзей обменяться быстрыми взглядами. Глава Парты просто понятия не имел, о чём просит. Ульдиссиан не сомневался, что уличное нападение было только началом чего-то куда более зловещего... Чего-то, что могло захлестнуть весь город.

Чего-то, что очень даже могло *уничтожить* его и всех, кто находился в нём.

Паства вытекла из храма, не ведая о том, что они теперь находились на один шаг ближе к потере своих душ... Больше того... К Люциону.

Нет... Не к нему, быстро подумал Примас, скрывая озабоченность за благочестивым выражением лица. Не к нему, но к величайшей славе его отца и других Первичных Зол.

Но при этом сын Мефисто был не прочь греться в отражении их славы.

Но для того, чтобы это продолжалось, для того, чтобы они наконец получили власть над Санктуарием, всё должно было пройти так, как запланировал Люцион... А последние события дали понять, что возможен иной исход. Всё нужно было поставить на свои места. Для демона Люцион был очень правильным созданием. Он не любил изменений.

Два других высших жреца, Херодий и Бальтазар, пришли к нему и почтительно поклонились. Обычно после того как Примас читал проповедь всем трём орденам, он и его самые преданные последователи встречались наедине для дальнейшего обсуждения продвижения Триединого на пути к господству.

Но не в этот вечер. В этот вечер Люциону пришлось остановиться на приведении в порядок положения дел. Хотя от его слуг и была польза, когда речь шла о планировании, он главным образом полагался на самого себя.

-Мы поговорим накануне завтрашнего дня. Приходите с луной. А сейчас идите и исполняйте свои обязанности... в обязанности входило знакомить с учением тех верующих, кто достиг точки, когда они уже готовы принять истинные доктрины Храма... Ненависть, Разрушение и Ужас. Методов, при помощи которых Примас и его слуги постепенно подводили дураков к этому итогу, было множество, и они разнились от самых земных до магических. Некоторые верующие были более расположены к этому – *слабоумные* – и их тщательно отбирали из толпы и отводили на особые проповеди. Там лёгкие формы уединённых проповедей Примаса откладывались глубоко в головах смертных, обращаясь к самым тёмным их уголкам.

Но сейчас Люцион мог поручить это дело двум людям, стоящим перед ним. Он отпустил их и поспешил вернуться в свою святую святых. Его сердило, что он должен был проделать свою работу тайно, но приходилось идти на жертвы... Особенно если она вовлечена. Усилия Малика могли оказаться неплохим отвлекающим манёвром, благодаря которому ей не было известно, что ещё намерен предпринять Люцион.

Четыре стражника насторожились, когда он прошёл мимо них. Они были одеты подобно надзирателям мира, но были морлу. Любой, кто оказался бы достаточно глуп для того, чтобы попытаться пройти без разрешения, быстро бы понял разницу... За миг до того, как быть разорванным на куски.

Комната была погружена в тень: нынешняя работа Люциона больше годилась для темноты. Он посмотрел туда, где ещё два морлу стояли на часах возле съёжившегося молодого человека в сером наряде начинающего священника. В первой части своего учения эти избранные высшими жрецами не носили мантий какого-либо ордена, ибо Примасу было дано решать, кому они лучше послужат.

-Икарион... - произнёс Люцион. Его лицо приняло самое доброе выражение, но это было ни к чему: молодой человек перед ним знал, кем и чем был его хозяин.

-М-мой хозяин велик,- вымолвил Икарион, становясь на одно колено.- Мой хозяин м-милосерден...

Это вызвало усмешку Примаса, который гораздо лучше знал себя, чем смертный. Он подошёл к склонившейся фигуре и взял избранного за подбородок.

-Дорогой Икарион. Ты осознаёшь жертвы, на которые идёшь ради мантии священника, не так ли?

-И я с благодарностью принимаю их!

-Уверен? Твоих сестёр должны были привести к нам, чтобы сделать нашими преданными служанками... у Люциона был очень низменный вкус к человеческим женщинам, особенно нетронутым. Прислужники показывали, насколько они посвятили себя, продавая своих.- Но те, как оказалось, отправились в далёкое путешествие...

-Хозяин, я...

Ладонь, которая коснулась подбородка, теперь больно сжала рот. Люцион продолжил всё тем же добрым тоном:

-Правда, далеко им уехать не удалось – спасибо очень преданному брату Томалу, твоему доброму другу. Я имел удовольствие обсудить с ними их таланты не далее как прошлой ночью...

-Нга! - Икарион совершил ошибку, попытавшись прыгнуть на своего хозяина.

Один морлу выхватил свой огромный топор и одним быстрым движением отделил голову бунтаря от тела.

Голова упала в руку Люциона. Он перевернул её, чтобы удержать содержимое. Сын Мефисто предпочитал убивать сам, но не мог винить воина за его энтузиазм.

-Оставьте тело,- скомандовал он морлу.- Вы свободны.

Те поклонились и вышли. Люцион помедлил, затем взглянул на самую тёмную тень наверху:

-Астрога! Я знаю, ты смотришь! У меня есть для тебя лакомый кусочек...

-А какова цена?- донёсся шипящий голос.- Какова цена, а, Люцион?

-Ничего такого, с чем бы ты не мог справиться, пёс Дьябло... Мы поговорим об этом позже. Возьми тело...

Что-то белое и похожее на верёвку опустилось туда, где лежало тело. Оно напоминало паутину, только было

Обезглавленное тело поползло вверх, паутина тянула его в тень. Чуть погодя раздалось ужасное чавканье.

Демон закрыл рот, который расплылся в грубой каменной улыбке.

Люцион кивнул. Сложив кончики пальцев, он закрыл глаза, размышляя:

-Прекрасно. А теперь... Вот что мне нужно от вас двоих...

Глава пятнадцатая

Иллюзия покоя разлетелась на куски, теперь Ульдиссиан постоянно был настороже. Малик был поблизости и, несомненно, замышлял что-то ещё более коварное. Как всегда, Ульдиссиан волновался не столько за себя, сколько за Лилию и остальных. Но, как и сказал Ахилий, они не собирались оставлять его по своей воле, и он никак не мог придумать, как заставить их изменить решение.

Заметив его мрачное настроение, мастер Этон отвёл его в сторону следующим вечером после ужина:

-Ты сам не свой. Что-то тревожит тебя?

-Нет, ничего.

Тёмные глаза буравили его собственные:

-А я думаю, что это так, но ты не хочешь сейчас говорить,- Этон нахмурился.- Прошлой ночью я предложил любую дополнительную помощь, какую я могу предложить тебе. Думаю, это как раз такой случай. Может быть, если мы встретимся наедине, когда остальные уснут, я хотя бы смогу дать тебе пару советов.

Со времени смерти его родителей Ульдиссиан в большей или меньшей степени полагался лишь на себя, только изредка обращаясь за советами к подобным Сайрусу и другим друзьям отца. И всё же, торговец много видел и многое пережил, и, конечно же, мог куда лучше обозреть проблему, чем фермер.

В конце концов Ульдиссиан благодарно кивнул гостеприимному хозяину:

-Спасибо. Это было бы кстати.

-Тогда увидимся позднее,- пробормотал мастер Этон.- Скажем, за час до полуночи?

Снова кивнув, Ульдиссиан возвратился в компанию Лилии и остальных. С этой минуты он изо всех сил старался скрыть своё нетерпение. Минуты перетекали в часы, а часы казались вечностью. Когда наконец он отделался от Лилии – благородная дева привыкла к его ночным прогулкам – Ульдиссиан чуть ли не побежал через дом, так он жаждал добраться до кабинета и унять своё беспокойство.

На пути он чуть не столкнулся с кем-то небольшим. Седрик посмотрел на него, лицо юноши было на удивление бледным.

-Сед! Ты почему ещё не в постели?

Мальчишка бросил взгляд назад, словно ему не терпелось отделаться от человека перед ним:

-Отец... Мой отец хотел видеть меня. Теперь я иду спать.

Чувствуя, что сам уже опаздывает на встречу с мастером Этоном, Ульдиссиан похлопал сына торговца по плечу:

-Ну конечно. Ну, иди, раз такое дело.

Не дожидаясь ответа мальчишки, он пошёл дальше. Коридоры были слабо освещены, лишь несколько масляных ламп рассеивали темноту. Ульдиссиан не миновал ни одного стражника – очевидно, торговец чувствовал себя в полной безопасности в своём собственном доме. Дело, несомненно, примет иной оборот, когда он услышит, что хочет ему рассказать его гость.

Дверь в кабинет была закрыта, и снизу через неё не просачивалось никакого света. Ульдиссиан осмотрел пустой коридор и постучал один раз.

Голос Этона разрешил ему войти. Чувствуя облегчение, Ульдиссиан проскользнул внутрь, быстро закрывая за собой дверь.

Комнату освещала одна единственная свечка на небольшом столе красного дерева у боковой стены. Рядом со свечкой стоял графин вина и два кубка, один из которых хозяин, сидевший в кожаном кресле у стола, поднял, как только глаза фермера привыкли к полумраку.

-Сегодня я нахожу тишину ночи куда более расслабляющей,- объяснил мастер Этон, отхлебнув вина.- Да и

думается лучше.

Ульдиссиан занял другое кресло, на которое указал мастер Этон:

-Спасибо, что пригласили меня увидеться с вами.

-Разве я мог поступить иначе? После всего, что произошло? Ульдиссиан, я не мог отказать тебе в том, в чём ты нуждаешься!- он указал на другой кубок.- Прошу... Рекомендую.

Хотя он хотел сохранить свою голову свежей, Ульдиссиан вдруг почувствовал, что в горле у него пересохло. Он позволил мастеру Этону налить ему немного вина. Жидкость восхитительным пламенем пробежала по его горлу.

-Сильное вино, берёт за душу, я бы сказал,- Этон опустил свой кубок.- Ты очень встревожен, сынок.

Стиснув кубок с вином обеими руками, Ульдиссиан подался вперёд и поделился опасениями за своих друзей... И за саму Парту. Этон слушал молча, иногда кивая в знак понимания.

Когда Ульдиссиан кончил, мастер Этон задумчиво потёр подбородок. Мерцающий свет от свечи плясал в его глазах, привлекая внимание фермера.

-Твои страхи за моих людей и твоих собственных товарищей справедливы, Ульдиссиан. Я бы сам понадеялся сделать не меньшее, окажись я в твоём положении...

-Но что я могу сделать, чтобы уберечь их – *всех вас* – от вреда? Я не уверен, что смогу защитить *каждого* от силы Триединого. Когда-то я думал, что *могу*, но после прошлой ночи...

Глава Парты встал и начал размеренным шагом ходить перед Ульдиссианом. Было видно, что он напряжённо размышляет.

-Да... События прошлой ночи, судя по твоим описаниям, показывают непостоянство твоего дара, чего я не ожидал. Это был показательный случай,- Этон остановился и посмотрел на него.- Возможно, ты прав: того, чем ты владеешь, может оказаться недостаточно против такой силы, как Храм. Они владеют легионами. Я слышал из надёжных источников об их фанатичных войнах, по сравнению с которыми надзиратели мира – миролюбцы. Некоторые утверждают даже, что эти тёмные закованные в броню бойцы не могут быть убиты средствами смертных...

Это описание попало прямо в точку:

Да!- воскликнул Ульдиссиан.- Налётчики на улице! Как я и сказал! Стрела Ахилия должна была убить его, но она его только вспугнула...

Пожилый господин вышел из области освещения свечи, почти полностью растворившись в тенях дальнего угла комнаты:

-Так значит, эти истории небеспочвенны. Это почти заставляет меня предложить... Но нет, ты никогда не пойдёшь не это.

-На что? Ульдиссиан был готов почти на всё, если это хотя бы защитит женщину – *людей* – которых он любил.- Скажите мне!

Мастер Этон снова развернул к нему лицо. Если бы огонь свечи снова не отразился в его глазах, Ульдиссиан не сумел бы прочесть *ничего* в его выражении. В этом же взгляде он видел приговор и укрепил свою собственную решимость.

-Есть единственный путь защитить их... И мою дорогу Парту, но мне стыдно это даже предлагать.

-Пожалуйста! Я не буду держать на вас обиды, мастер Этон! Вы всегда были не кем иным для меня, как хорошим другом и хозяином!

-Ну, хорошо. Быть может, мой юный Ульдиссиан, ты можешь добиться того, чего желаешь, только оставив их без всякого предупреждения. Оставь их глухой ночью и скажи из Парты, как если бы гончие Храма были вблизи от города. Скажи отсюда и встретиться с Маликом...

-Что?!- Ульдиссиан вскочил на ноги, роняя кубок и кресло.

-Выслушай меня! Малик пришёл за тобой! Ему нужен только ты! Каким бы ни был исход твоей встречи с ним,

оставив Парту и остальных, ты снимаешь с них всякую угрозу! Триединое больше не принесёт им никаких неприятностей!

Самое ужасное было то, что Ульдисиан уже обдумывал это. И всё же, будучи высказанным столь прямолинейно, предложение легло тяжким грузом на его сердце.

«Но это уберёжет их всех, особенно Лилию...»

Но было тут ещё о чём подумать:

-Но приспешники высшего жреца уже в Парте. Может быть, слишком поздно предпринимать это.

-Они следят за тобой. Они наверняка увидят, как ты уезжаешь, даже если ты примешь решение вот в эту самую минуту. Такие существа немедленно последуют за своей жертвой... Или ты считаешь, что это бессмысленно?

Осмысленность этого для Ульдисиана была несомненной, но было в предложении мастера Этона что-то такое, что не укладывалось у него в голове.

«Но это единственный путь!» - настаивал его разум.

Торговец не нарушал тишины, давая Ульдисиану самому бороться с собой. Оставить остальных позади было единственным правильным курсом действий. Это было строго между ним и Маликом.

-Вы считаете, они все последуют за мной? Я про существ высшего жреца.

-Готов поклясться, что так и будет. Глупо с их стороны было бы действовать иначе.

Это окончательно убедило Ульдисиана:

-Тогда я должен сделать это.

Этон поклонился в знак того, что понимает всю тяжесть его решения:

-Я буду помогать тебе изо всех сил. Всем, чем могу.

Этон протянул руку. Ульдисиан инстинктивно сделал то же самое, но не успели они пожать друг другу руки, как чувство опасности захлестнуло сына Диомеда. Он отнял руку и посмотрел в глаза торговцу. Что-то было с ними не так...

Он оторвал взгляд от торговца, внезапно почувствовав необходимость посмотреть на потолок.

Но было слишком поздно. Из темноты сверху тяжёлое, закованное в броню тело рухнуло на фермера. Оно уронило его на пол, под их совместным весом ломались доски.

-Всегда найдётся *что-то*, из-за чего самый лучший план пойдёт не так! - фыркнул голос, никак не принадлежащий торговцу. - Уж я начинаю думать, не связано ли это с твоими любопытными и непредсказуемыми способностями...

Даже сражаясь со своим противником, Ульдисиан узнал новый голос. Это был голос *Малика*. Малика, притворившегося мастером Этоном...

-Всё так просто... Или должно было быть просто. Заманить тебя в глушь, где вопрос можно уладить без дальнейших осложнений. Но, как и в прошлый раз, *ничто* не может пройти просто с тобой, а, фермер, не так ли?

С лицом, чуть ли не вдавленным в пол, Ульдисиан сумел выговорить:

-Где... Где Этон?

-Как где, да вот же он, - ответил голос, принадлежавший теперь как Малику, так и торговцу. - Дай ему посмотреть, - приказал священник пленителю Ульдисиана.

Толстая ладонь схватила пленника сзади за волосы и с силой потянула, заставив его посмотреть наверх. Перед Ульдисианом всё ещё стоял торговец.

-Прямо здесь, из плоти и крови, - сказал Этон, снова используя голос высшего жреца. Фигура усмехнулась, а затем добавила. - Ну, или, по крайней мере, в его плоти и крови.

Он дотронулся до щеки ладонью правой руки. Там, где ладонь коснулась лица, кожа внезапно *поплыла*, словно расплавленная. Она начала обильно стекать на подбородок и закапала с него.

Желудок Ульдисиана перевернулся. Он попытался освободиться, но чудовищный воин крепко держал его.

Сквозь отвратительное зрелище стали проступать собственные черты высшего жреца. Малик отнял руку, и ужасное расплавление прекратилось. Он показал Ульдисиану ладонь.

Взору фермера открылось нечто более ужасное, чем лицо, ибо у Малика была не человеческая рука, но нечто, более подходящее его демоническому сердцу. Высший жрец принялся разминать то, что сходило за пальцы, и Ульдисиан поразился тому, что не заметил неправильных отростков раньше.

-Элементарное применение отвлечения и иллюзии,- объяснил Малик, правильно истолковав его выражение... Или прочитав мысли. Он поднёс конечность ближе.- Дана мне моим хозяином, чтобы помочь на этой охоте. Я опробовал её дважды перед торговцем, которого морлу поймали, когда он возвращался домой. Такую возможность я не мог упустить.

Ульдисиан плюнул на человека, к сожалению, не достав до него. Стражник – высший жрец назвал его морлу – наградил пленника за его попытку, снова обрушив лицо Ульдисиана на пол.

-Довольно,- скомандовал Малик то ли пленнику, то ли стражу.- Поднять дурака.

Другая пара сильных рук схватила Ульдисиана за правую руку. Первый морлу подался влево. Два закованных в броню великана держали Ульдисиана, словно в тисках.

-Не так, как задумывалось изначально, но сойдёт.

Дверь открылась. Взглянув туда, Ульдисиан увидел к своему ужасу, что возвратился Седрик.

-Уходи!- закричал он мальчику.- Беги!

Но вместо того, чтобы повиноваться или хотя бы выказать страх, Седрик не обратил внимания на предупреждение. Он обратился к Малику:

-Женщины в комнате нет.

Кровь отхлынула от Ульдисиана. Голос, исходящий из сына Этона был похож на голос мальчика не больше, чем Малика – на торговца.

-Нет...- выдохнул он.- Нет...

Она должна быть там!- упорствовал священник.- Я даже сейчас чувствую её там. Рука тоже это подтверждает. Её тянет к ней, как и говорил хозяин. Ты проверил не ту комнату.

Седрик покачал головой. Небрежно махнув рукой в сторону глядящего на него во все глаза Ульдисиана, он пробурчал:

-Запах вот этого разошёлся там по всей комнате... И кровати. А её нет. Ни запаха, ни следа.

-Вот как,- Малик задумался.- Это хитрая добыча. Определённо хитрей, чем этот шут...

Ульдисиан понял из сказанного только одно. Малик послал эту тварь – слёзы покатались по лицу Ульдисиана, когда он подумал о том, что случилось с парнем, – охотиться на Лилию. До сих пор, к счастью, охота шла неуспешно.

-Быстро найди её, Демос,- продолжал высший жрец.- Выйти тайком ты отсюда никуда не сможешь. Заклинание, которое я прочёл, заглушает звуки только в доме. Помни об этом всё время.

-Я поймаю её, Великий. И после этого она не проживёт долго,- ложный Седрик издал животное фырканье в подкрепление своего заверения и снова вышел.

Малик улыбнулся своему пленнику:

-Думаю, этот вопрос мы ещё решим. А потом тебя ждёт дорога на давным-давно назначенную аудиенцию с Примасом.

-Они не дадут тебе выйти из Парты, священник!- прорычал Ульдисиан.- Горожане любили мастера Этона! Они остановят тебя! Они разорвут тебя на куски за то, что ты сделал!

-Но с чего бы это им останавливать меня?- спросила злорадная фигура, поднося чудовищную ладонь к лицу. На глазах у ошеломлённого Ульдисиана плоть двигалась, находя на открытые участки. В считанные секунды Малик

снова полностью походил на торговца, несмотря даже на разницу в росте. Заклинание, которое позволило ему разгуливать в плоти Этона, изумляло, несмотря на омерзительную природу. - С чего бы это им останавливать своего горячо обожаемого лидера?

Действительно, причины у них не было, и Ульдисиан теперь ясно это видел. Стражники и любые наблюдатели будут одурачены точно так же, как и он, особенно в темноте.

- Должно быть, она с кем-нибудь из остальных, - продолжил Малик, возвращаясь к вопросу о Лилии. - Возможно, она уже соблазняет его, чтобы он занял твоё место...

Более ужасных слов у высшего жреца не могло найтись для Ульдисиана. Кровь вскипела в нём, по нему прошла волна бездумной ярости. Он ринулся назад, пытаясь освободиться от захвата стражей.

Он надеялся сделать лишь несколько шагов, чтобы его пленители запнулись, но вместо этого Ульдисиан и двое морлу полетели через кабинет.

Через кабинет... И прямо в окно.

Осколки обрушились дождём на Ульдисиана, когда он и морлу полетели вниз. Несмотря на затруднительное положение, звероподобные воины вцепились в него так, будто их жизни зависели от этого. Ульдисиан, в свою очередь, попытался как можно плотнее сгруппироваться, зная, что земля не так уж далеко.

Они приземлились с глухим стуком и фонтаном грязи. Хруст костей отдался в ушах Ульдисиана. Один из морлу издал режущий ухо крик, и его пальцы соскользнули с руки пленника.

Ульдисиан тут же попытался освободиться от другого воина, но морлу хватал быстро. Повернувшись, они сошлись лицом к лицу. Ночная тень скрывала черты морлу, но не настолько, чтобы сын Диомеда не разглядел чёрных впадин там, где должны были быть глаза.

Удар кулаком в подбородок морлу прошёл впустую. Ульдисиан схватил противника за горло, и тот сделал то же самое. Пальцы воина могли переломить его дыхательное горло, но по какой-то причине морлу сдержался.

Несколько драгоценных минут ушло, прежде чем Ульдисиан понял, почему. Они всё ещё хотели взять его живым. Зачем же ещё нападать на него тайком?

Тем не менее, хотя это и давало ему некоторую надежду, он всё ещё не мог полагаться на то, что морлу не забудет приказов и в итоге просто не убьёт человека, с которым сражается. То, что смотрело на него из-под устрашающего бараньего шлема, было не человеком, уже не было им. В любой момент его враг мог забыться в своей жажде крови.

Взяв волю в кулак, Ульдисиан попытался призвать ту же самую силу, которая так далеко отбросила его и двух его грузных неприятелей. Стиснув зубы, фермер снова замахнулся на своего врага, на этот раз целясь прямо в надёжно защищённую бронёй грудь.

Морлу заблокировал его кулак, замедлив удар. Кулак Ульдисиана развернулся и раскрылся. Ладонь едва достала до брони, не грозясь нанести никакого урона.

Морлу ушёл в землю, словно огромный невидимый молот ударил его. Он погряз так глубоко, что его совсем не стало видно.

Не успел Ульдисиан прийти в себя, как другая рука схватила его. Откуда-то донеслись крики – видимо, стражники мастера Этона спешили защитить своего нанимателя и его имущество. Ульдисиан хотел предупредить их об ужасном маскараде Малика, но оставшийся морлу, придя в себя после падения, теперь обрушился на него со всем рвением.

Пожалуй, «пришёл в себя» было не очень правильно сказано, ибо, когда воин повернулся, чтобы сойтись с Ульдисианом лицом к лицу, сын Диомеда обнаружил его голову склонённой вправо. Значительная часть шеи морлу торчала неправильным и невозможным образом. При этом всё это, похоже, ничуть не заботило яростное создание.

Снова пальцы сомкнулись на горле Ульдисиана. Морлу сжал их, но хватка была не смертельной.

Ульдисиан стал задыхаться. Он знал, что его врагу нужно только подождать, пока он потеряет сознание. И тогда Малик получит свою добычу... И никто уже не сможет спасти Лилию.

Потянувшись, Ульдисиан схватился за одну сторону головы морлу. Стиснув зубы, он надавил так сильно, как только мог.

С ужасным чавкающим звуком голова отошла от тела.

Тело морлу затряслось, пальцы разжались. Они вслепую потянулись за головой, которую Ульдиссиан оттянул назад.

Словно в каком-то отвратительном марионеточном спектакле, Ульдиссиан отвёл тело на несколько шагов к стене, окружавшей имение мастера Этона. Затем со всей силы он зашвырнул голову подальше за стену.

Тело бросилось за ней, но столкнулось со стеной. Повторная попытка прошла с тем же результатом. На третий раз безголовое тело споткнулось и упало на землю, где наконец замерло.

Выдыхая, Ульдиссиан быстро оглянулся на дом. В кабинете не было заметно никакого движения, но внизу стали собираться стражники. Двое из них приблизились к Ульдиссиану.

Узнав Ульдиссиана, они замедлились. Он указал на дом:

-Внутри! Внутри есть ещё! Берегитесь! Вы должны снести им головы!

Они посмотрели на него с выражением страха на лицах. Ульдиссиана не волновало, поверили ли они ему.

Он уже бежал, боясь, что Малик нашёл Лилию... Или кого-то из остальных, раз уж на то пошло.

Влетев в парадную дверь, он на что-то напоролся в темноте. Ульдиссиан обнаружил к своему ужасу, что это распостёртое на полу тело одного из домашних слуг торговца. Снова содержимое желудка Ульдиссиана грозило выйти наружу, ибо тело было полностью и идеально *освежено*.

Сначала Этон и его сын, теперь и эта бедная душа. Ульдиссиан разрывался между отвращением и горечью.

Все эти ужасные убийства были связаны с ним. Но Ульдиссиан был не настолько глуп, чтобы винить себя одного. Малик был преступником, который совершил грязное дело. Малик, по указанию Примаса.

Ярость снова заполнила всё его существо. Ульдиссиан ничего не может поделать с загадочным Люционом, но он может хотя бы позаботиться о том, чтобы высший жрец больше не принёс неприятностей, даже если ради этого придётся пожертвовать жизнью.

Стражники, с которыми он говорил, остановились на входе, факел в руке одного из них осветил зверскую сцену. Круглыми глазами они уставились на Ульдиссиана.

-Берегитесь любого в доме, кто держит оружие, или любого, похожего на вашего хозяина или его сына. Если это настоящие Этон и его юный Седрик... - он сдержал нахлынувшую волну чувств, чтобы стражники не догадались о правде, - тогда они поймут, что вы запираете их ради их же собственной безопасности!

-Запираем их? - с удивлением вымолив один из стражников.

-Ради их же самих и вас! Верьте мне!

Если бы им это говорил какой-нибудь другой человек, вероятно, они бы не послушались его приказов, но они знали о его чудесах. Ульдиссиан тихо ругнулся, желая, чтобы ещё несколько людей проявили теперь способности, какими обладал он. Да, теперь бы ему не помешали Ромий с Йонасом по флангам.

Или Ахилий.

Лучник был его единственной надеждой. Ахилий уже однажды чуть не убил Малика, и мог бы убить морлу теперь, если бы знал о происходящем.

Пока стражники пытались собраться с мыслями, Ульдиссиан отправился на второй этаж. Он уже рисовал в воображении Лилию, лежащую мёртвой на полу в коридоре, и эти мысли заставили его поспешить, несмотря на его ранения и потраченные усилия.

Комната, которую он делил вместе с ней, лежала прямо по коридору. Собирая все свои силы, Ульдиссиан бросился на дверь.

Она с грохотом распахнулась. Ульдиссиан немедленно вскочил на ноги, готовый сойтись с сотней маликов.

Но зловещего священника здесь не было... Как и Лилии. Вместо них напуганная девушка съёжилась в углу. Ульдиссиан узнал в ней одну из девушек, которых мастер Этон приставил прислуживать благородной деве, пока они в гостях...

-Где она?- проревел он, не обращая внимания на её страх. - Где Лилия?

Девушка без слов указала на огромный дубовый шкаф для одежды. Хозяин предоставлял в распоряжение всех своих гостей множество нарядов. Человек проявил учтивость и заботу, и то, что случилось с ним, было сущим кошмаром, который Ульдиссиан никогда не забудет.

Но что ещё было хуже, он боялся, что то же самое случилось с его любимой. Почему ещё стала бы служанка указывать на закрытый кабинет и дрожать от ужаса?

И тут его пронизала дрожь. Слуга... Слуга внизу...

Ульдиссиан припомнил ложного Седрика и как, несмотря на его маленькие размеры, какое-то заклинание вместило в нём ещё одного чудовищного морлу.

Могло ли это быть?

Он развернулся... Чуть не опоздал.

Оно прыгнуло на него через кровать, нечто, выпиравшие за пределы кожи, которую оно примерило на себя. Разрезы и прорехи имелись тут и там на непрочной плоти, и через них была видна броня. Лицо было скошенной маской, и, даже когда ужасная фигура упала на него, Ульдиссиан не мог не подивиться тому, как чары Малика умещали за наружностью такие формы и размеры.

Двое рухнули на шкаф, от чего он разлетелся в щепки. Теряя лоскутки кожи со своего отвратительного лица, морлу поднял руку... Руку, в которой теперь имелся свирепый изогнутый топор.

С режущим смехом он обрушил его на Ульдиссиана.

Глава шестнадцатая

Ахилий проснулся в испуге. Он потянулся за одеждой и набросил её как можно скорее, затем взял с ближайшего стула колчан и лук. Лучник не услышал ни звука, но что-то насторожило его. Он подкрался к двери и прислушался.

Сначала было тихо, но потом Ахилий услышал движение поступи то ли очень лёгкой, то ли очень уверенной. Перекинув лук через плечо, он вынул охотничий нож, который всегда висел у него на поясе. Затем с величайшей осторожностью Ахилий приоткрыл дверь.

Слабого света единственной масляной лампы, вделанной в стену, как раз хватало его опытному взору, чтоб разглядеть коридор. Кто-то прошёл прямо по краю освещённой области, но фигура была недостаточно высока, чтобы быть мастером Этоном или кем-то из домашней прислуги.

Вообще-то... Ему показалось, что это юный Седрик.

Мальчик медленно переходил от одной двери к другой, останавливаясь у них. Вот он остановился перед дверью, ведущей в покои Серентии, но затем продолжил движение. Сам не зная почему, Ахилий выдохнул с облегчением.

Что именно делал сын торговца, лучник понятия не имел. Обычно Седрик так не делал. Ахилий начал бояться, что у парня что-то с головой... Или что, если принять во внимание недавние события, кто-то или что-то управляет им.

Значит, надо было решиться. Двигаясь тихо, как кот, Ахилий вступил в коридор. Он держал нож наготове... Зачем, он и сам не знал. Уж конечно, не затем, чтобы использовать против бедного мальчика... Сын Этона был невинен.

Седрик продолжал изучать двери, но иногда также поглядывал на альковы и, по временам, на потолок. Ахилий гадал, что он ожидает увидеть там наверху, а потом решил, что лучше ему этого не знать.

Глаза его уже привыкли к полумраку, и лучник не отставал от своей ничего не подозревающей цели. Ахилий добрался до двери к Серентии. Здесь он задержался, приложив к двери ухо. Мягкие звуки её мерного дыхания, различимые за дверью, убедили его в том, что она в целости и сохранности.

Выпрямившись, Ахилий снова сосредоточил своё внимание на Седрике... Вернее, сосредоточил бы, если бы юношу было где-нибудь видно. Каким-то образом за те секунды, когда лучник отвлёкся на безопасность Серентии, Седрик пропал из виду.

Нахмурившись, Ахилий пошёл вперёд. Сын мастера Этона должен был быть где-то впереди, если только ему не удалось проскользнуть в одну из последних комнат незаметно для Ахилия. Это было очень маловероятно. Охотник не мог упустить из виду столь явное действие.

Но когда он добрался до конца, заход в одну из комнат стал единственным возможным объяснением исчезновения Седрика. Тем не менее, самая вероятная дверь оказалась заперта, а он, конечно же, услышал бы шум поворота дверной ручки.

Ещё несколько шагов, и Ахилий оказался у дальней стены. Сбитый с толку, он стал шарить по ней рукой – вдруг здесь есть потайная дверь? К сожалению, он ничего не нашёл. Стена была сплошной.

Затем какой-то внутренний тревожный звоночек заставил его поднять голову и посмотреть на потолок... Но там, хотя и было темно, тоже не было ничего пугающего. Ахилий нахмурился, на короткий миг задумавшись, почему он внезапно почувствовал, что опасность таится наверху.

Всё ещё сконфуженный исчезновением Седрика, он развернулся...

Сын мастера Этона стоял в каком-нибудь ярде от него, глядя серьёзно на высокого лучника.

Сед!- Ахилий аж подпрыгнул.

-Я искал её,- тихо и спокойно заметил юноша.- Ту, что с Ульдисианом.

-Ты про Лилию? С чего бы это она...

-Лилию,- повторил Седрик, как будто заворожённый этим словом.- Ты знаешь, где она?

-По моему представлению, с Ульдисианом, как ты и сказал, парень!- Ахилий усмехнулся.- Но я бы сейчас не беспокоил их! А то можно зайти очень не вовремя!

-Она не с ним.

-А ты откуда знаешь?- по необъяснимым причинам лучник вдруг почувствовал сильный холод. Ахилий наклонился к мальчику.- Сед, с тобой всё в по...

Сын мастера Этона толкнул его в стену с такой силой, что охотник почувствовал, как ломается дерево.

Выражая внутреннюю благодарность тому, что это не были его кости, Ахилий упал на пол. Прямо над его головой Седрик ударил кулаком в стену, нанося дальнейший урон, невыносимый для кого-то его размеров... Даже для Ахилия, если уж на то пошло.

Охотник сделал подсечку, намереваясь сбить противника с ног, но с тем же успехом он мог ударить твёрдую скалу. Отдача прошла по всему его телу. Седрик как будто ничего не почувствовал. Вообще-то, Ахилий почти мог поклясться, что мальчик улыбнулся этой жалкой попытке.

Когда маленькая фигура потянулась за ним, охотник подумал, какой же он дурак, что всё ещё думает, что сражается с сыном торговца. Это был не Седрик; наверное, это был даже не человек. Ахилий слишком живо помнил демонов в глуши. Разумеется, это был один из них.

С ловкостью, выработавшейся хождением по следу самого хитрого зверя, Ахилий умудрился избежать вытянутых рук. Он бросился вперёд, минуя ложного Седрика.

К несчастью, когда охотник попытался подняться на ноги, одна рука схватила его за воротник. С победным кряхтением Седрик запустил Ахилия по коридору.

Ахилий приземлился твёрдо, но звук приземления был странно приглушён. Он сомневался даже, что кто-то кроме него мог услышать его. Работа очередного заклинания была налицо, она встревожила Ахилия не меньше, чем выдача существом себя за мальчика. Она означала, что целая армия – под предводительством высшего жреца Малика, разумеется, – могла заполнить дом, и никто не узнал бы об этом, пока не стало бы слишком поздно.

Должно быть, злодеям нужен Ульдисиан. Возможно, они уже пленили его. Но зачем тогда они искали Лилию? Можно только предполагать, что либо он всё же ушёл от высшего жреца, и они хотят использовать благородную деву как приманку, либо Ульдисиан *пленён*, а поимка Лилии должна сделать его более податливым.

Какова бы ни была причина, её не было с ним. Ахилий поблагодарил за это удачу, поднимаясь на ноги, чтобы его противник не упал на него сверху. Её побег означал, что осталась ещё какая-то надежда.

У него больше не осталось времени, чтобы думать об Ульдисиане и Лилии, ибо у Седрика в руках вдруг оказалась пара жутких мечей длиной с его тело. Ахилий не представлял себе, откуда взялись эти мечи, но существо использовало их с невероятным умением, прочерчивая дуги в воздухе и разнося в щепки деревянные перила. Щепки полетели во все стороны.

Что-то *ещё* изменилось в фигуре перед Ахилием. Она стала крупнее, раздулась, словно что-то хотело прорваться из-под кожи. Холод пронимал Ахилия всё сильнее, пока он представлял себе судьбу мальчика, который стал его другом, мальчика, который хотел стать умелым охотником, как он.

Зазубренные рубцы стали покрывать лицо и тело Седрика. Правая сторона лица рядом с челюстью порвалась, открывая под собой нечто бледное, как смерть, и закованное в чёрный металл. То, что когда-то было сыном мастера Этона, теперь было ростом почти с Ахилия и шире, чем он.

Даже в ходе превращения клинки шли в дело. Ахилий уклонялся снова и снова, ну успевая даже воздуха набрать между прыжками. Большинство на его месте уже давно были бы изрезаны на куски, и он знал, что одна промашка повлечёт за собою смерть. Он волновался не столько за себя, сколь за других: что случится с Серентией и Мендельном, если он потерпит поражение? Он не решался даже окликнуть их, боясь, что они выйдут из своих комнат и будут убиты. Раз уж на то пошло, была вероятность, что они и не смогли бы услышать его крика, раз заклинание действительно работало.

Один клинок снова вошёл в перила и на короткое время застрял там. Такое промедление и было нужно Ахилию. Свой нож он потерял, когда ударился об стену, но отточенным движением лучник снял лук и приготовил стрелу. На таком расстоянии он вряд ли мог промазать, но куда следовало стрелять? Это определённо был демон, похожий на того, что атаковал Ульдисиана на улице, так что простая стрельба в жизненно важные точки могла и не сработать. По сути, имелось только одно место, в эффективности попадания в которое Ахилий не

сомневался.

Все эти размышления отняли у него какую-нибудь секунду. В следующую Ахилий уже стрелял, целясь в глаз. На месте глаз зловеще темнели пустые впадины. И всё же оно *должно* было видеть...

Он должен был без труда попасть в цель. Даже существо, наверное, подумало об этом, ибо оно поспешило прикрыться лезвиями. Но стрела не только не попала в область глаза, но она, вопреки всякой логике, полетела совсем не туда, вонзаясь глубоко в стену *рядом* с врагом.

Чудовищная фигура рассмеялась. Она сорвала остатки лица Седрика и при этом снова увеличилась в росте и объёме, становясь бронированным великаном, на голове которого был жуткий шлем, напоминавший череп животного.

Посылая проклятья, Ахилий попятился и приготовил другую стрелу. Он выстрелил снова в том же направлении.

На этот раз стрела отскочила от закрытого бронёй плеча.

-Не очень-то,- ужасный воин ухмыльнулся. Он насмеялся голосом, от которого по телу Ахилия пробежала дрожь, ибо он отдавал могилой и напомнил лучнику тот миг, когда он прикоснулся к камню в Сераме.- Не очень-то хорошо для тебя...

Клинок прошли, как два вихря. На этот раз Ахилий оказался недостаточно быстр. Один клинок ранил бедро. Вскрикнув, Ахилий упал на пол.

-Из тебя выйдет хороший морлу,- прохрипело закованное в броню чудище.- Не такой хороший, как я, Демос, но всё же. Возможно, я принесу твоё тело хозяину...

Он поднял оба меча...

Позади Демоса кто-то тихо заговорил. Ахилий подумал, что узнал голос, и в то же время что-то в нём звучало неестественно, так же, как когда говорил морлу.

Огромный воин резко дёрнулся, словно был марионеткой, за верёвочку которой потянули. С шипением он развернулся, чтобы встретиться лицом к лицу с тем, кто бы там ни стоял. Ахилий потянулся за луком, но не знал, куда стрелять. Единственной открытой зоной была шея, но в прошлый раз стрела, попав туда, не убила.

-Кто ты?- спросил Демос.- Что ты говоришь?

Последовал ответ на языке, которого Ахилий не узнавал.

Морлу завыл. Он согнулся пополам, роняя один из мечей.

-Прекрати это! Прекрати!- Демос сделал выпад с оставшимся оружием, но быстро выдохся. Задышавшись, он упал на одно колено. Второй меч последовал за первым.

Тёмная фигура позади морлу произнесла один единственный слог.

Демос снова завыл. Его тело затряслось. Внезапно оно стало источать зловоние, запах мертвечины.

С последним скорбным звуком закованный в броню великан свалился нескладной кучей. Вонь усиливалась.

Прикрывая ладонью нос и рот, Ахилий уставился на того, кто стоял над телом.

-Мендельн?

Брат Ульдиссиана смотрел на Ахилия так, будто смотрел *сквозь* него. От Мендельна исходило что-то, что заставляло охотника дрожать почти так же сильно, как когда он сообразил, что стало с Седриком. Это было не зло, но нечто совершенно *иное*, и Ахилий вновь задумался о камне и том, что он тогда почувствовал.

-Кир Й Траг' оул дискай,- наконец сказал ему Мендельн, словно эта тарабарщина всё объясняла.

Поднимаясь, Ахилий взглянул на морлу. Судя по запаху и тому, что он мог разглядеть, он мог бы поклясться, что существо было мертво уже много дней, даже недель. Плоть как будто бы разлагалась чуть ли не у него на глазах.

Он снова посмотрел на Мендельна, бледный, как мертвец. Младший брат вдруг заморгал. Выражение его лица вновь ожило, а вслед за этим последовали недоумение и ужас при виде картины перед ним.

-Ахилий... Что... Где...?

В этот самый миг дом наполнился шумом. Был слышен треск и голоса внизу и поблизости. Жуткий стук донёсся со стороны покоев Ульдисиана и Лилии, места, которое лучник предполагал пустым из замечаний ложного Седрика.

Дверь рядом распахнулась, и ворвалась Серентия, одетая в платье, которое ей дал мастер Этон. Сначала она увидела Ахилия, потом Мендельна и, наконец, чудовищную груды на полу.

Надо отдать ей должное: дочь торговца сдержала крик и вместо него немедленно спросила:

-Где Ульдисиан и Лилия? С ними всё в порядке?

Прежде чем Ахилий успел ответить, снова раздался треск, на этот раз точно из покоев Ульдисиана. Охотник развернулся и пошёл на звук. Когда Серентия начала идти за ним, он крикнул:

-Вы двое стойте на месте! Делай, как говорю!

Он понятия не имел, подчинились они или нет, но надеялся, что хотя бы Мендельну достанет здравого смысла удержать дочь Сайруса подальше от опасности. Как Мендельн сделал то, что он сделал с ужасным морлу, Ахилий не понимал – как не понимал и того, что именно случилось с существом, – но надеялся, что эта сила пригодится, если их атакуют. Кто мог знать, сколько ещё нечестивых воинов здесь оставалось.

Двое стражников поднялись по ступеням, судя по всему, направляясь туда же. Первый, что добрался до двери, сжал дверную ручку...

Из комнаты, соседней с комнатой Ульдисиана, огромная туша морлу ворвалась в коридор. Он протаранил двух напуганных стражников, одного из них скинув с лестницы. Второй попытался сражаться, но чудовищный воин прорубил ему грудь топором, разбрызгивая повсюду кровь. Труп упал на спину, глаза несчастного стражника замерли на Ахилии.

Лучник уже держал наготове свой лук и был готов стрелять, но он хорошо помнил, как ему не удалось его прежние попытки. Произведя быстрый расчёт, отточенный поправками на ветер и внезапным поведением животных, он наконец выпустил стрелу.

По всей логике, стрела должна была улететь далеко за мишень, но она, как и надеялся Ахилий, отклонилась прямо на неё. Он был уверен, что какое-то заклинание было заброшено на его оружие, хотя и не мог сказать, когда это случилось. Кроме него к нему прикасались только Ульдисиан и Мастер Этон...

Стрела вонзилась прямо туда, куда он хотел. Морлу завыл и стал доставать стрелу из глазной впадины.

К тому времени у Ахилия уже была готова вторая стрела. Он выстрелил немедленно и с мрачным удовольствием наблюдал, как вторая стрела пронзает другую глазницу.

Бронированное чудище свалилось на колени. Рука, достававшая первую стрелу, свободно повисла, ладонь ударились об пол. За ней последовала вторая рука, сжимавшая окровавленный топор. Но морлу ещё не был полностью побеждён.

Подбежав к адскому воину, Ахилий схватил топор. Морлу слабо потянулся за ним. Охотник увернулся, а затем, перекинув лук через плечо, высоко поднял топор.

Спустя миг он дал ему опуститься на шею морлу, начисто отрубая голову. Только тогда тело упало вперёд.

Держа топор наготове, Ахилий посмотрел на дверь в комнату Ульдисиана. К его ужасу, Серентия с острым отломанным куском перил в одной руке уже стояла там, и Мендельн сразу позади неё.

-Я же сказал вам стоять...

Не обращая внимания на его предупреждение, она распахнула дверь. Ахилий прыгнул к ней, боясь за её жизнь.

Когда они вошли, они увидели Ульдисиана и очередного морлу, схвативших друг друга за горло. Серентия ахнула и забежала за спину морлу. Ахилий думал, что она попытается стукнуть его куском дерева, но вместо этого она направила острый конец ему в затылок.

По-хорошему, деревяшка должна была переломиться, не нанеся никакого вреда или, самое большее, нанести неглубокую рану. Но, когда Серентия вложила в движение всю свою силу, наконечник вспыхнул белым... И вошёл в плоть морлу с удивительной лёгкостью.

Противник Ульдисиана закашлялся. Вырвавшись из захвата, морлу попытался освободиться от куска перил. Он упал на колени, отчаянно сжимая дерево.

Серентия ступила назад, судя по всему, овеянная благоговейным ужасом от того, что сделала. Ульдисиан же просто наклонился над морлу и схватил дерево. Мощным усилием он повернул его так, что чуть не оторвал голову.

Морлу упал.

-Голова... В голове всё дело,- объявил Ульдисиан.- В голове,- он поднял глаза.- Лилия! Она с тобой?

-Нет!- быстро ответила Серентия.

-Одно из этих существ искало её,- прибавил Ахилий.- Да только не нашло.

-Я не понимаю, разве что...- он миновал их и сорвался на крик.- Должно быть, она пошла искать меня! Должно быть, она пошла в кабинет... Где я оставил Малика!

Мендельн не пошёл за братом и остальными, когда те бросились выручать благородную деву. Не то чтобы он не хотел помочь, но что-то заставило его остановиться и посмотреть ещё раз на морлу – того, что был только что убит, и другого в коридоре. Когда он подходил к ближайшему из них, плохое предчувствие росло в нём. Он почти чувствовал, что, несмотря на внешний вид, какие-то искры оживления – не жизни – ещё оставались в омерзительном трупе.

Сам не зная, зачем, он приложил ладонь к его спине. В его голове возникли символы. На этот раз Мендельн, пусть неотчётливо, но знал, что они означают, и, как и раньше, их произношение было для него очевидным.

Когда он произнёс слова, он почувствовал, как холод исходит из приложенной руки. Тусклое свечение, словно свет луны, осветило участок под его ладонью.

Тело морлу задрожало, будто он снова намеревался встать. Мендельн собрал все силы, чтобы не броситься прочь. Что-то внутри подсказывало ему, что, если он это сделает, может произойти катастрофа.

Труп морлу неистово трясся. Затем чёрное облако размером не больше яблока поднялось от тела. Короткое время оно парило в воздухе, а затем вошло в его ладонь... Где сразу и рассеялось.

Морлу снова затих. Труп как будто бы сдуся. Мендельн больше ничего не чувствовал.

Он отправился ко второму морлу в коридоре и проделал тот же ритуал. Оглядываясь через плечо, Мендельн узрел самого первого, с которым сошлись они с Ахилием. Он до сих пор не мог припомнить, как он поднялся с постели и отправился в коридор и почему морлу пал пред его ногами. Мендельн знал только, что для этого морлу он уже произнёс слова, и потому в ритуале не было необходимости.

Любопытное дело, Мендельн вдруг вспомнил, что, когда он разделялся с этим существом, он чувствовал себя не одиноким. Он мог поклясться, что позади него кто-то стоял, кто-то, кто первым прошептал нужные слова, – как раз вовремя.

«Но кто это был?– спросил Мендельн сам себя.- Кто?»

Но тут он вспомнил, что поблизости ещё могут быть воины в шлемах, как бодрствующие, так и кажущиеся мёртвыми. Как бы то ни было, Мендельн знал, что он должен увидеть каждого из них и позаботиться о том, чтобы ритуал был совершён. Только тогда он будет уверен, что никто из них не поднимется вновь...

Содрогаясь при этой мысли, брат Ульдисиана поспешил прочь один.

Это должен быть кабинет. Откуда-то Ульдисиан знал, что Лилия ушла туда. Она вошла бы туда без колебаний, уверенная, что внутри её любимый и мастер Этон обсуждают свои дела.

Там её взял бы Малик и использовал бы как рычаг против сына Диомеда. Он знал, что Ульдисиан сделает всё,

чтобы уберечь её от вреда.

Кровь внезапно вскипела в жилах Ульдиссиана. Но если ей *был* причинён вред...

Дверь в кабинет была заперта. Это казалось странным, если учесть, как домашняя прислуга и стражники обегали всё здание, пытаясь уразуметь, что произошло. То, что никто из них не заглянул в кабинет в поисках своего нанимателя, дурно пахло, ибо походило на происки священника.

С растущим беспокойством Ульдиссиан бросился к входу.

Дверь распахнулась настежь, ударившись о стену с такой силой, что слетела с петель. Ульдиссиан приземлился на пол, немедленно вскакивая на ноги и пытаясь сообразить, что перед ним.

-Малик!- проревел он, ожидая худшего.- Это между тобой и...

Но он запнулся, усваивая то, что видел перед собой. В центре кабинета был ещё один морлу, его голова была полностью отделена от тела, а на груди была видна тёмная выжженная область. Голова, всё ещё в бараньем шлеме, как будто бы гневно смотрела на потолок.

Это сцена, впрочем, была ничем по сравнению со зрелищем, что пролегало дальше. Это был ещё один труп с полностью содранной кожей, кровь хлестала из тысяч разорванных вен. Тело было высоким, крепко сложенным – как можно было судить по повреждённым мускулам и сухожилиям – и всё ещё каким-то образом одетым, несмотря на содранную кожу.

Это было тело Малика, высшего жреца ордена Мефиса.

Глава семнадцатая

Безобразная рука Малика была прижата к груди прямо у основания горла. Демоническая конечность два раза дёрнулась, словно не совсем мёртвая, несмотря на ужасное состояние.

Позади ужасной сцены дрожащая Лилия смотрела на Ульдисиана.

-Любовь моя!- воскликнула она, подбежала к нему и крепко обвила руками. От неё пахло лавандой и другими цветами – поразительный контраст вселяющей ужас сцене. Ульдисиан глубоко потянул носом, желая, чтобы всё остальное оказалось просто жутким кошмаром.

К несчастью, всё это было чересчур правдой. Оторвавшись от благородной девы, он взглянул на покойного священника.

-Лилия... Что здесь произошло?

-Это было... Отчасти везение, отчасти дар, который ты пробудил. Я увидела, что тебя нет в постели, и пошла сюда. Мне показалось, я слышала что-то, и постучалась, - она задрожала.- Я услышала голос дорогого Этона, и когда я вошла, торговец стоял здесь и ждал меня...- благородная дева прислонила лицо к его груди.- Ох, Ульдисиан, молю, не заставляй меня продолжать!

-Просто сделай глубокий вдох. Нам нужно услышать. Ты не осознаёшь, но тут может быть что-то важное.

Мендельн проскользнул вперёд и склонил колени рядом с телом морлу. Ульдисиан почувствовал, что его раздражает нездоровый интерес его брата, но сейчас решил не обращать на это внимания.

-Я... Я попытаюсь,- Лилия собралась с силами.- Когда я вошла... Дверь тут же захлопнулась за мной. Я отскочила и увидела это отродье...- она указала на слугу Малика.- А потом заметила, что окно полностью разбито. Этон вдруг засмеялся, и его голос изменился. Я узнала голос высшего жреца. А потом... Потом... Ох, Ульдисиан, он носил кожу бедного Этона.

-Я знаю, Лилия, я знаю. Седрика и одного из слуг постигла та же участь.

-И мальчика тоже? Как ужасно!

Он крепко сжал её.

-Что было дальше?

-Малик...- продолжала благородная дева, приходя в себя.- Он начал протягивать ко мне эту... Я никогда не видела такой руки!.. И тогда я поняла, что она сделает со мной то же, что случилось с Этоном! Я нашла в себе силы броситься на него и *направить* его руку обратно на его же грудь!

Поднявшись от морлу, Мендельн перешёл к трупу священника.

-И получилось это?- спросил он.- Так быстро? Против его воли?

-Это было так, словно кто-то снял покрывало с новой статуи, чтобы показать её всем! Я *никогда* этого не забуду! У него не было времени даже на то, чтобы закричать...

Ульдисиан был доволен тем, что восторжествовала справедливость. Он надеялся, что Малик страдал хотя бы так же сильно, как и его жертвы, особенно маленький Седрик.

-А морлу?- спросил его брат, оставляя освежёванное тело. Глаза Мендельна были широко раскрыты от любопытства. Не было даже никакого намёка на отвращение к тому, что он видел.- И *это* тоже ты устроила?

Её выражение ожесточилось:

-Чудовище напало на меня сразу, как только его хозяин умер! Я не знаю точно, что я сделала, но я махнула на него рукой, как если бы хотела разрезать ей... И вот что получилось.

Ульдисиан понял точно, что получилось. Стресс от происходящего расшевелил силы внутри неё точно так же, как некогда в нём. Её инстинкт выживания взял верх и, к счастью, её действия могли подействовать на морлу

лишь одним путём.

-Его грудь ещё прожжена,- заметил Мендельн.- Причём глубоко.

-Должно быть, это произошло тогда же. Я не помню. Я не *хочу* помнить.

Снаружи раздался шум. Ульдиссиан ещё сильнее сжал Лилию.

-Довольно,- сказал он своему брату.- Нам всем посчастливилось выжить...

Мендельн кивнул, но затем спросил:

-Ты сражался с кем-нибудь ещё, Ульдиссиан?

-Ещё двое снаружи. Один зарыт глубоко в землю, другой без головы у внешней стены.

Мендельн кивнул и вышел из комнаты. Ульдиссиан заморгал, не понимая, почему эта информация так важна для его брата.

В дверном проходе внезапно появился стражник. Поражённый ужасом, он осмотрелся.

-Мастер Этон! Где он?

-Мастер Этон мёртв, и его сын тоже,- объяснил Ульдиссиан.- Тела где-то спрятаны. Они выглядят как... Вот как это,- добавил он, указывая на Малика.

-Чтоб меня! Мастер Ульдиссиан... Ч-что здесь произошло?

Не было времени пересказывать всё сначала.

-Злое дело, вот что произошло. Давайте уберёмся здесь и будем молиться, что найдём тела торговца и его сына для должного погребения. Боюсь, мастер Этон может оказаться где-то за городом...

Ещё один стражник присоединился к первому. Они обменялись парой слов; второй человек ушёл.

-Я остаюсь здесь на страже,- сказал первый группе.- Жуткие вести сообщат остальным,- душевная мука отразилась на его лице.- Мастер Ульдиссиан... Вы ничего не можете сделать для них?

Ульдиссиану понадобилась пара мгновений, чтобы понять, что имел в виду человек.

-Нет... Нет, ничего,- он сглотнул, растревоженный уже одним этим замечанием.- Мне очень жаль.

Стражник скорбно кивнул и встал на пост в коридоре.

Ахилий положил руку на плечо Ульдиссиана:

-Возможно, нам лучше уйти отсюда.

-Лучше нам совсем уйти из Парты,- ответил Ульдиссиан, хмурия брови. Его страхи оправдались. Друзья и невинные потеряли жизни ужасным образом из-за его присутствия.- И чем скорее, тем лучше...

На то, чтобы найти останки сына Этона, не потребовалось много времени. Седрик лежал в постели, и все пришли к выводу – Ульдиссиан настоял на этом, – что мальчик умер во сне. Никому не хотелось думать иначе.

Трупы морлу и высшего жреца сожгли без всяких церемоний. Никто и не думал связаться с Храмом, хотя и витала невысказанная мысль, что рано или поздно кто-то придёт в поисках пропавшего священника. Но это был тот случай, когда все желали перенести разрешение дела на как можно больший срок... А лучше – навсегда.

Согласно партанским традициям, на следующий день тело Седрика было сожжено с почестями и прах помещён в фамильный склеп. Никто не говорил во время церемонии, но почти вся Парта оплакивала потерю.

Только через два дня они нашли самого мастера Этона. Морлу хорошо спрятали его, и если бы Ахилий не заметил скопление падальщиков, нечего было бы сжигать. Прах Этона был помещён рядом с прахом сына и жены, и несколько дней после обряда скорбящие носили на своей груди тёмно-синюю ленту – кеджанский

символ чествования великого человека.

Ульдиссиан хотел уехать, хотел залога того, что больше ничего не случится из-за него, но всегда находилось что-то, требующее его участия. Сначала это был Седрик, потом все скорбящие, которых требовалось утешить. Не успел он разобраться с этим, как нашли Этона, и всё началось по новой. Все обратились к Ульдиссиану за наставлением – Ульдиссиану, который по-прежнему считал себя всего лишь простым фермером.

Удивительное дело, но появился ещё один источник, помогающий партизанам пережить потерю своего обожаемого лидера, – Мендельн. Когда однажды группа людей пришла в дом увидеть Ульдиссиана, а тот, как оказалось, отправился беседовать с другими горожанами, Мендельн вдруг вызвался поговорить с ними. Посыл его речи был столь необычным, что его брат, когда впервые услышал её, сильно обеспокоился. Но тем, кто слушал, она принесла некоторое удовлетворение.

Мендельн говорил о смерти, но не как о завершении. Он объявил, что смерть – всего лишь состояние. Мастер Этон и его сын не лежат холодные в своих могилах; они существуют и поныне в другом плане. Они вышли за пределы борьбы существования смертных, чтобы столкнуться с новыми и захватывающими испытаниями. Смерти не должно страшиться, подчёркивал брат Ульдиссиана, но должно её лучше понимать.

Никто так не удивлялся всем этим предположениям, как сам Мендельн. Когда его спрашивали, он не мог объяснить, откуда это пришло к нему. Просто пришло, и всё тут.

Жители Парты ничего не знали о намерениях Ульдиссиана покинуть их. Он сам так хотел. Он боялся, что если они узнают правду, то поднимется сумятица, и многие просто захотят оставить всё и следовать за ним. Лилия, похоже, считала, что это только к лучшему, но довольно здесь уже было наделано бед. Ульдиссиан хотел добраться до большого города, больше не потеряв ни одной жизни. В большом городе, убеждал он себя, всё пойдёт по-другому. Никто не нападёт на него, когда вокруг будет столько людей.

Конечно же, это был самообман, но он сознательно шёл на него.

Меж тем, к своей большой неожиданности, Ульдиссиан узнал, что его группа будет гораздо меньше, чем он представлял себе. От Ахилия пришли новости, которых он никак не ожидал.

Это было за две ночи до их предполагаемого бегства. Лилия всё ещё призывала его не таиться. Разве не было то, чтобы люди шли за ним, говорила благородная дева, именно тем, чего он хотел? Разве не хотел он дать Кеджану доказательство того, что он предлагает? А что может быть для этого лучше, чем показания добровольных очевидцев, включая некоторых таких, кто может показать свои способности, пусть пока и совсем незначительные?

Вместо того чтобы спорить со своей любимой, Ульдиссиан снова отправился бродить по тёмным улицам. На этот раз он постоянно следил за тем, чтобы быть в пределах видимости более людных зон, не желая повторного нападения. Вряд ли поблизости ещё оставались существа Малика, но кто мог знать.

Но, несмотря на предосторожности, он почувствовал, как кто-то тихо следует за ним. Когда Ульдиссиан зашёл за угол и подождал, он увидел, что это лучник.

-Эй, там!- выпалил Ахилий нарочито громко.- Я не морлу, клянусь!

-Ты знал, что я услышу тебя и подожду,- бросил Ульдиссиан в ответ.- Иначе я бы не услышал ни звука.

Его друг ухмыльнулся:

-Верно! В этом я хорош.

-Чего ты хочешь?

Ахилий немедленно посерьёзnel.

-Я хотел пройтись с тобой наедине. Похоже, это единственный способ. Извиняюсь, если сделал неправильно.

-Ты можешь говорить со мной о чём угодно, Ахилий. Ты это знаешь.

-Даже... О Серентии?

Как и Ульдиссиан, охотник всегда звал дочь Сайруса по сокращённому имени. И от того, что сейчас он поступил иначе, бровь фермера поползла вверх.

-О Серентии?

Его собеседник прокашлялся. Ульдиссиан никогда не видел Ахилия таким смущённым.

-Она предпочитает, чтобы её называли так.

-Чего ты хочешь?

-Ульдиссиан... То, что между тобой и Лилией... Всё остаётся в силе?

Направление беседы начало приобретать смысл.

-В силе весенних бурь. В силе бушующей реки.

-И между тобой и Серентией ничего нет.

-Для меня она – любимая сестра,- констатировал Ульдиссиан.

Ахилий сумел слегка улыбнуться.

-Но для меня она гораздо большее. Ты знаешь это.

-Я всегда это знал.

Это заставило лучника усмехнуться.

-Да, это было очевидно для всех, кроме разве что её самой.

-Она знала,- за это Ульдиссиан мог поручиться. Серентия не была слепа, она прекрасно знала, что Ахилий томится от любви.- А теперь поясни, к чему всё это. У нас на это один вечер.

-Ульдиссиан... Серентия хочет остаться, когда ты уедешь. И я тоже хочу остаться.

То, что она хотела остаться, сильно удивило его, но решение Ахилия остаться с ней не было сюрпризом. Ульдиссиан почувствовал облегчение от этих новостей, хотя часть его и стонала от потери друзей.

-Я хотел, чтобы все вы остались. И если Серри... Серентия так решила сейчас, никаких проблем. Я также рад, что ты будешь здесь для неё, Ахилий, но... В курсе ли она, и, если так, ожидаешь ли ты каких-то подвижек между вами?

Ещё более широкая улыбка.

-Недавно произошло нечто, что заставляет меня думать, они уже есть.

Это были ещё лучшие – нет, счастливые – вести.

-Тогда я вдвойне счастлив. Я хотел, чтобы она могла видеть тебя таким, каков ты есть, Ахилий... И то, что вы будете в безопасности, тоже радует меня.

-Вот второе-то меня и беспокоит. Уж кому-кому, а мне *не следует* оставлять тебя. Опасности не закончились. Найдутся другие малики! Я должен бы оставаться с тобой...

Ульдиссиан прервал его:

-Ты и так сделал больше, чем следовало, так же как и Серентия, и Мендельн! Я говорил и раньше, что хочу, чтобы вы держались порознь от меня. Ты прав: будут другие малики, особенно до тех пор, пока Примас командует Храмом. Я не хочу, чтобы кто-то из вас оставался подле меня, когда придут другие... Даже Лилия.

-Но она никогда не оставит тебя!

-Я знаю... Но я должен попытаться заставить её слушать голос разума. Если мне удастся, пожалуйста, присмотри за ней. И за Мендельном тоже.

Охотник протянул руку, которую Ульдиссиан крепко пожал.

-Ты знаешь, что можешь просить у меня что угодно,- пробормотал Ахилий.- Даже остаться с тобой.

-Ты не можешь оказать мне больше услуги, чем если покинешь меня и удержишь с собой остальных.

-А что делать с партанцами? Что я скажу им, когда они обнаружат, что тебя нет? Им это не понравится.

Ульдиссиан много думал об этом, но сейчас он смог ответить только:

-Скажи им, чтобы продолжали расти.

Это были слова истинного фермера, и точнее он бы не смог сказать. Он надеялся, что они поймут. Он надеялся также, что они простят его за то, что навсегда изменил их жизни. Теперь они не найдут покоя.

Ни минуты покоя...

Внешне Мендельн оставался спокоен, но внутри его словно кололи иголками. За последние дни он узнал много истин, но они в свою очередь породили тысячу вопросов, на которые не было ответа. Он всё ещё не представлял, что с ним стало, знал только, что это было глубоко отличное от того, что повлияло на брата и остальных. Их пути как будто были направлены на расширение жизни, на рост.

Он же, по-видимому, остановился на смерти.

Не то чтобы он всецело противился этому. Больше нет. Сказать по правде, Мендельн чувствовал себя более удобно, чем поначалу; так удобно, в общем-то, что мог проводить бо льшую часть времени вдали от людей. Уединение, тень словно манили его. А ещё кто-то наблюдал за младшим братом Ульдиссиана. Теперь он это знал наверняка. Кто это был, ещё предстояло узнать. Это будоражило любопытство Мендельна, порождая новые вопросы. Верно, Мендельн хотел узнать личность другого. При этом Мендельн с интересом обнаружил, что совсем не боится ответа.

А ведь, по-хорошему, следовало бы.

Постепенное проникновение в суть вещей повлекло перемены. Мендельн всегда одевался в более мягкие тона, но теперь он обнаружил, что предпочитает цвета успокаивающей ночи. Ещё он заметил, что люди почтительно стали обходиться с ним, хотя в этом почтении и сквозила неуверенность. Похоже, все замечали постепенное изменение, но остальные понимали его даже меньше, чем он сам, и, наверное, предполагали, что это связано с даром брата. Думая так, они приходили к нему в поисках утешения после потери их лидера, и он рассказывал им, во что верит. К его облегчению, большинство принимали его слова к сердцу, пусть даже и не понимали до конца, что он имеет в виду.

Тени всё чаще становились его спутниками. Он стал много бодрствовать ночью. Тогда Мендельн впервые начал слышать голоса. После двух ночей прислушивания к ним он наконец набрался храбрости последовать за ними.

И, разумеется, они привели его прямо к кладбищу.

На этот раз Мендельн вошёл без колебаний, несмотря на новолуние и отсутствие звёзд. Он ничуть не боялся, ибо то, что лежало перед ним, было не загадочным, бесконечным местом из его видения, а просто последней обителью почитаемых местных. Это место было наполнено в основном покоем, шелестом мыслей и бесконечными сновидениями.

Но в самом центре было что-то ещё, что-то куда более древнее. Нечто, что возбуждало шёпоты и подстёгивало его вперёд.

Мендельн заметил, что стал хорошо видеть ночью. Больше того, он почувствовал, что видит теперь почти так же хорошо, как и днём. Даже Ахилий не мог превзойти его.

Он приблизился к участку, в котором ощущался источник. Здесь шёпоты стали более отчётливыми. Большинство их исходило из могил поблизости, и они говорили о своих жизнях так, словно они продолжались по сей миг.

«Нужно приготовить бобы, а потом испечь хлеб. Надо постирать рубашки детям...»

«В самом деле, это отличный жеребёнок, я могу продать его мастеру Линию, когда он подрастёт...»

«Поппи говорит не играть у реки, но она сверкает, и под ней танцуют рыбки. Я просто пойду и посмотрю немного, и я буду очень осторожна...»

Они звучали снова и снова. Мендельну даже казалось, что если скосить глаза, можно увидеть неясные тени над могилами, тени, представляющие тех, кто говорит.

Но, хотя всё это и восхищало его, не для этого он пришёл сюда сейчас. Нужно было разобраться с тем, что

лежало в сердце кладбища. Но, когда брат Ульдиссиана в первый раз взглянул туда, он ничего не увидел кроме заросшего старого надгробия с едва видимыми знаками.

Он приблизился. Разочарование захлестнуло его. Знаки были старыми, но различимыми письменами, а не древними символами, на которые он рассчитывал. Мендельн хотел было уйти, но вдруг припомнил кое-что о его теперешнем местоположении.

Это было то самое место, где в его видении стояла огромная крылатая статуя.

Это заставило его вернуться к могильной плите. Он попробовал потрогать пальцами там, где было высечено имя...

Огромная сила отбросила его более чем на ярд.

Мендельн ударился о другое надгробие, при столкновении ему здорово досталось. Его зрение затуманилось...

Огромный полупрозрачный образ внезапно возник над плитой. Он даже отдалённо не походил на человека, но не было в нём и ничего демонического. Тень и звёздное свечение – звёздное свечение, исходящее не от небес, – формировало то, что *было* видимым. То, что, по мнению Мендельна, было вытянутой мордой рептилии, повернулось к нему.

«Ты должен остаться с ним...» произнесла она. – Брат раскроет секрет сестры, и она убьёт за это...»

Зрение Мендельна наконец проявилось... И образ исчез. Всё было так, как до того, как он коснулся камня.

Отчего-то он понял, что не сам камень призвал это – *что бы* это ни было – к нему. Нет, истинный источник лежал *под* землёй. Камень выступал чем-то вроде проводника.

Но что это означало? Мендельн прокрутил слова в своей голове. «Ты должен остаться с ним... Брат раскроет секрет сестры, и она убьёт за это...»

Брат? Сестра? Ничто из этого не представляло смысла для него, ясно было лишь, что конфликт между ними повлечёт смерть. Странно, но эта «смерть» беспокоила Мендельна, как никакая из недавних. Он чувствовал, что она приведёт к ещё более ужасным последствиям.

«Ты должен оставаться с ним...»

Он вскочил на ноги. Вот где ключ. В предупреждении могло говориться только об одном человеке, ибо о ком ещё Мендельн подумал бы первым делом, как не о своём брате?

-Ульдиссиан!- он поспешил с кладбища, срочность дела превозмогла уважение к окружающей обстановке.

То, о чём говорилось в предостережении, должно было произойти очень, очень скоро.

Если уже не произошло...

В ночной темноте Собор буквально служил маяком, манящим всех к себе. Неважно, какой был час, всегда находился кто-то, кто приветствовал паломника или заблудшую душу. Так повелел Пророк, сказав, что спасение народа не должно прекращаться лишь потому, что кончился день.

Пророка часто можно было увидеть в эти поздние часы, ибо Инарию не требовался сон. Тем не менее, хотя он и стал отрицать бы это, ангел выказывал всё большее нетерпение, и потому, неспособный предстать перед толпами смертных в своём полном великолепии и отправиться в полёт, он вместо этого обходил спиралевидный дворец вдоль и поперёк, иногда объявляясь там, где его последователи менее всего ожидали его увидеть.

Этой ночью лучезарный юноша стоял на вершине высочайшей башни. Отсюда можно было обозреть пейзаж на много миль вокруг. Всё казалось таким близким, словно он мог тут же куда угодно подлететь.

Инарий не боялся, но был осторожен. Игра, которую он вёл с Люционом, требовала такта с обеих сторон, чтобы не испортить всё и не открыть Санктуарий его сородичам. Он чувствовал, что ему вполне по силам сдерживать демона, пусть даже Люцион был способен призвать всю мощь Пылающего Ада. В конце концов, этот мир был *инариевым* произведением. Никто не мог отнять его у него... Ни демон, ни она, ни даже какой-то простой фермер, чья жизнь была не более чем мгновением по сравнению с его.

И вскоре они все это узнают.

Глава восемнадцатая

Ульдиссиан услышал крик, в то время как набирался духу сказать Лилии, что она должна остаться независимо от того, чего желает. Этим вечером он уже предпринял две попытки, и то, что оба раза закончились занятием любовью не очень-то заглушало чувство вины. Сейчас, когда к нему вернулись силы и дыхание и он сказал себе, что на третий раз не потерпит поражения, голос, судя по всему, принадлежавший брату, пронёсся эхом по дому мастера Этона.

Люди Парты, похоже, считали его теперь домом Ульдиссиана, но он собирался пользоваться им не более чем три дня... И даже за это испытывал чувство вины. Как только он исчезнет, Лилия и остальные смогут им пользоваться столько, сколько им будет нужно для того, чтобы решить, что им делать дальше.

К несчастью, Мендельну, судя по всему, требовалось уладить что-то немедленно. Ульдиссиан поднялся с постели, чтобы сходить посмотреть, что происходит.

-Только недолго,- прошептала Лилия, желая в очередной раз соблазнить его своим тоном.

Кивнув, он накинул что-то на себя и вышел... И тут же чуть не столкнулся со своим братом.

-Ульдиссиан! Какое счастье! Я страшился худшего!

Напряжение Мендельна было заразительным.

-Что? Надзиратели мира или морлу? Инквизиторы Собора?

-Нет! Нет! – Мендельн осматривал его с ног до головы.- Ульдиссиан! Ты в порядке?

-Да,- старший брат не хотел делиться своими намерениями. Мендельн узнает о них позже.- Ну и к чему всё это?

-Я боялся... Я думал...

-Что?

С чувством досады Мендельн покачал головой.

-Ничего. Это был кошмар, Ульдиссиан. Всего лишь дурацкий кошмар... - его взгляд перескочил за спину брата, где, как сообразил Ульдиссиан, была частично видна лежащая в постели раздетая Лилия.- Мне жаль. Прости меня... Я не знаю, что и думать.

Поразмыслив, Ульдиссиан предположил:

-Ты всё время на ногах, Мендельн, день и ночь. Это нехорошо. Ты мне здорово помог поднять дух партанцев после убийства мастера Этона. Думаю, тебе просто нужно немного отдохнуть.

-Наверное... - в голосе брата мелькнула неуверенность. Он снова бросил взгляд за Ульдиссиана.- Ты извини, что помешал...

Прежде чем Ульдиссиан успел хоть что-то сказать, Мендельн развернулся и рванул в свою комнату.

Закрыв дверь, Ульдиссиан вернулся к Лилии. Она слегка улыбнулась, когда он растянулся подле неё.

-С твоим братом всё в порядке?

-Он переутомился.

-А ты?- Светловолосая женщина пробежала пальцами по его груди, играя с волосами.

-Ничуть,- ответил Ульдиссиан, заключая её в объятия.- Давай, я покажу тебе.

Прошло три часа. За это время Ульдиссиан вновь испытал Лилию. А потом они лежали рядом.

А теперь Ульдисиан заканчивал седлать своего коня.

Это был единственный способ решить вопрос. Больше никаких раздумий. Никаких объяснений. Убедившись, что благородная дева спит, он осторожно поднялся и оделся. Тихой поступью, которой гордился бы Ахилий, Ульдисиан выскользнул из комнаты и из дома. Когда он наткнулся на нескольких стражников на посту – они поклялись служить ему так же верно, как служили своему прошлому нанимателю, – никто не увидел, как он проскользнул. Впрочем, не стоило их за это винить, ибо, судя по всему, на этот раз дар Ульдисиана сработал безотказно. Он пожелал, чтобы люди смотрели в другую сторону... И они смотрели.

С растущим чувством вины Ульдисиан тихо проскакал по улицам и наконец выехал из Парты. Люди только стали понимать, что происходит с ними. Хотя его собственные способности были так новы, сын Диомеда знал, что он понимает их лучше, чем кто-либо другой. Ульдисиан также был ответственен за превращения. Всё это требовало, чтобы он немедленно вернулся в город и взял на себя ответственность.

Но смерти перевешивали всё. В то же время было возможно, что он совершает ужасную ошибку, оставляя всех и скача в Кеджан сам...

Ульдисиан покачал головой. Он больше не мог думать о других «в то же время».

Деревья окружали его, как безмолвные часовые. Ночь казалась темнее, чем обычно. Ульдисиан попытался подгонять своего коня, но зверь двигался осторожно, чуть ли не как словно боялся кого-то, таящегося в тенях.

Дорога огибала ряд низких холмов. Между Партой и Кеджаном пролегал хорошо освоенный путь, но Ульдисиан хотел усложнить задачу тем, кто мог последовать за ним. Не считая Ахилия, который знал причину его внезапного отъезда, вряд ли было много тех, кто мог выследить его. Менее известный путь так же сулил меньше встреч с другими путешественниками.

Его поклажа была невелика и состояла главным образом из одежды у него на спине, поношенного, но проверенного меча и небольшого количества еды, которую он умудрился набрать по пути к выходу. Его спонтанный отъезд не дал ему времени на что-то ещё. У него был мех воды, наполненный возле конюшни, но он предполагал, что вскоре найдёт другой источник.

При мысли о мехе с водой Ульдисиану вдруг сильно захотелось пить. Он отсоединил мешок от седла и стал пить. Жидкость была солоноватой, но сносной.

Сделав последний глоток и вглядываясь во тьму впереди, Ульдисиан подумал о своём маршруте. Низины и Кеджан располагались к востоку. Недалеко уже была территория джунглей; продолжай он ехать в том же направлении, он наверняка почувствовал бы потепление климата. Сайрус говорил о резких изменениях, наблюдаемых здесь, словно какой-то озорной дух разделил мир по своей прихоти, безо всякого плана. Сегодня, рассказывал ему отец Серентии, ты благоразумно надеваешь хорошую шубу, которая защищает тебя от снега... А завтра ты будешь задыхаться от зноя, на каждом шагу прихлопывая москита размером с птицу.

Ульдисиан никогда не верил рассказам людей, хотя некоторые торговцы, которые приезжали в Серам, доказывали собой наличие экзотики на востоке. На протяжении многих лет их было несколько со смуглой кожей и узкими глазами – внешностью, предположительно, доминирующей в регионе джунглей. Ходили слухи, что есть ещё более тёмные люди, с кожей чёрной, как уголь. Поговаривали и о золотокожих.

Говорили, что в магических кланах полно необычных людей, и в самом Кеджане их пруд пруди. Лилия была тому доказательством: мастер Этон сразу предположил, откуда она. При мысли о том, что он самостоятельно подбирается к большому городу, у фермера засосало под ложечкой. Он хотел, чтобы его сопровождала хотя бы благородная дева, – которая знала Кеджан лучше всех, – и в то же время он меньше всего хотел проблем для неё. Опасение, что что-то ужасное может случиться с ней, стало главной причиной его внезапного бегства.

Её лицо встало у него перед глазами. Быть может, однажды они смогут вновь встретиться, но не раньше, чем Ульдисиан удостоверится, что это безопасно. Но Лилия всегда будет с ним, пусть даже только в воспоминаниях и в сердце...

-Ульдисиан...- послышался внезапно мягкий голос.- Любовь моя...

Он уронил мех для воды и повернулся в седле. Позади него, к его величайшему удивлению, была благородная дева. Она была полностью одета и ехала на большом тёмном коне, которого он не припоминал.

-Лилия! Что ты здесь делаешь?

Её улыбка начала растапливать его решимость.

-Разумеется, я приехала, чтобы быть с тобой.

-Тебе следовало оставаться в Парте,- заупрямился он, пытаясь набраться силы.- Я оставил тебя вместе с остальными ради тебя самой...

Она подстегнула вперёд огромное животное.

-Ты можешь оставить остальных, но меня ты не оставишь, Ульдиссиан. С тобой я это начала и с тобой это закончу.

Он был тронут её преданностью и хотел обнять её, но вспомнил злодеяния Малика. Если Лилия останется с ним, она всегда будет мишенью для таких людей, как высший жрец... Или, того хуже, для их хозяев. Неважно, как она нужна ему, Ульдиссиан должен отпустить её.

-Нет, Лилия. Для нас всё заканчивается здесь и сейчас. Я не хочу, чтобы ты пострадала. Я не хочу, чтобы ты умерла.

-Но ты видел, что я сделала с Маликом, а ведь он был такой сильный! Я могу постоять за себя, любовь моя, особенно когда кто-то хочет нас разлучить!

Это был весомый аргумент – Ульдиссиан сам чуть не проиграл слуге Примаса. Но из своих собственных способностей он знал, что Лилии могло просто повезти, и что в следующий раз она может оказаться совершенно беззащитной против кровожадного врага.

Мысль о том, что тогда произойдёт, только и была нужна ему, чтобы его решение вновь стало твёрдо.

-Нет, Лилия. Я так не могу. Если с тобой что-то случится, это будет слишком! Ты должна вернуться. Никаких возражений. Оставайся с остальными, не пытайся больше идти за мной.

Вместо того чтобы подчиниться, светловолосая женщина спешила.

-Я не уйду. Я последую за тобой, куда бы ты ни поехал.

Она оставила коня позади, видно, совсем не заботясь о том, что он может ускакать. Протягивая руки к Ульдиссиану, Лилия продолжила:

-Давай, обними меня ещё раз. Поцелуй меня ещё раз. Докажи мне, что ты можешь оставить меня. Возможно, если ты скажешь, что можешь, я могу передумать.

Хотя Ульдиссиан знал, что это глупо, он тоже спешился. Всего лишь одно объятие и один поцелуй. Потом будет что вспомнить. Он всё равно настоит на том, чтобы она вернулась в город. Он не даст слабины.

Но когда она растворилась в его объятиях, когда её губы встретились с его губами, воля Ульдиссиана вновь истощилась. Что если Лилия поедет за ним? Не подвернется ли она большей опасности, если станет искать его, а не будет бок о бок рядом с ним? Конечно, при том, как он научился управлять своим даром, он сможет защитить её...

Внезапно дрожь пробежала по его телу, пока они целовались. Закрывая глаза, Ульдиссиан отстранился. Он сделал это, чтобы не упасть, поражённый внезапной слабостью.

-Ульдиссиан! Тебе плохо?

Сила вернулась к нему почти так же быстро, как исчезла. Он покачал головой. Он открыл глаза и обнаружил, что его зрение затуманилось. Ульдиссиан заморгал, пытаясь восстановить его.

-Думаю... Думаю, это проходит,- пробормотал он. Черты Лилии стали проступать перед ним. Что-то было не так. Она казалась другой, почти словно...

Он сумел подавить крик, но не попятиться не мог. Сын Диомеда натолкнулся на собственного коня.

Животное повернулось. Ульдиссиан услышал его фыркание, а потом конь начал шарахаться в сторону, словно видел что-то тревожащее.

-Что такое? – спросила обеспокоенная Лилия.- Ульдиссиан! Что такое?

Он не мог сказать ей, потому что сам не был уверен.

То, что стояло перед ним, больше не было светловолосой благородной девой. Оно было выше и покрыто

жуткой чешуёй, перья заменяли волосы, перья, опускавшиеся по спине к... К хвосту ящера, заканчивающемуся свирепыми колючками. Некогда нежные ладони оканчивались теперь когтями, и пальцев было не пять, а четыре. Ступни же стали похожими на копыта, пусть и вытянутые.

Тело было нагим и, пусть и чудовищным, всё ещё очень женским. Формы манили, несмотря на испуг привлекаая взор. Но самым ужасным было то, что, когда он посмотрел на лицо, – лицо с горящими сферами без зрачков и зубами, созданными раздирать на куски, – он всё ещё мог видеть черты своей любимой.

-Тебе плохо?- спросило существо её голосом, и чёрный, раздвоенный язык показывался и исчезал, пока она говорила.

Это был и в то же время не был образ из его кошмара, и на миг Ульдиссиан взмолился о том, чтобы это был всё тот же сон. Но чутьё подсказывало ему, что всё происходило на самом деле... И та Лилия, которую он видел сейчас, не была иллюзией.

-Что... Что ты такое?

-Я – твоя Лилия!- заявила она, и в голосе её звучали замешательство и лёгкое раздражение.- Чем ещё я могу быть?- Её хвост яростно бил о землю.

Его взгляд быстро перебежал к хвосту и вернулся к её лицу. Тем не менее, она заметила это, и выражение её лица сделалось ещё более устрашающим.

Слово вырвалось из неё прежде, чем она успела сдержать себя:

-Люцион...

-Люцион? А он-то здесь при чём?- спросил Ульдиссиан, отчаянно пытаясь найти разумное объяснение.

-Очевидно же, что это заклинание Примаса! Он превратил меня в это!- Лилия потянулась к нему, умоляя.- Только твоя любовь может спасти меня!

Он подался к ней... Но какой-то инстинкт приказал ему сдержаться. Ульдиссиан подумал о том, как она поглядела на хвост без всякого удивления, словно он был вполне обычным делом.

Огромная яма разверзлась в его животе. Он покачал головой, упорно пытаясь отвергнуть то, во что он начинал верить. Этого не может быть! Должно быть объяснение. Лилия не может быть... *Этим.*

-Ульдиссиан!- молил демон.- Пожалуйста! Обними меня! Твоя холодность меня пугает! Любовь моя, только ты можешь исцелить меня!

-Лилия...- снова он шагнул вперёд... И снова инстинкт мгновение спустя заставил его отступить. Ульдиссиан внимательно оглядел её, подмечая мелкие детали в её нынешнем облике, которые казались такими знакомыми и успокаивающими.

Конь рядом с ним всё более тревожился. Он начал вырываться. Ульдиссиан с трудом удерживал поводья.

Конь Лилии, напротив, стоял неподвижно. *Слишком* неподвижно – по мнению того, кто был так хорошо знаком с повадками животных. Можно было подумать, что конь зачарован...

Его обезумевший разум требовал ответов. Возможно, это и не Лилия вовсе! Может, она ещё в постели, а этот демон выдаёт себя за неё. Да, подумал он, это очень даже возможно.

Вытаскивая свой меч, он проревел:

-Отойди от меня, демон! Я уже убивал подобных тебе! Ты не проведёшь меня этим голосом!

Фигура казалась ошеломлённой.

-Ульдиссиан, я – Лилия! Помнишь нашу первую встречу? Как ты застал меня, когда я любовалась конём? Помнишь, как я решила послушаться и прийти к тебе, когда тебя несправедливо заперли? Ты что, всё забыл?

Она перечислила ещё с полдюжины случаев, описав их достаточно детально для того, чтобы не осталось никакой надежды, что это не она. Возможно, тем самым она надеялась удержать его, но на самом деле Лилии лишь удалось доказать, что Ульдиссиан всё это время якшался с чем-то монструозным.

И всё же, несмотря на этот растущий ужас, фермер не мог оторвать взгляда от Лилии. В ней была неестественная притягательность такой силы, что его тело жаждало прижаться к ней, несмотря на всё, что знал его разум. Каждое движение её манило, так, словно, умоляя его, она одновременно пыталась завлечь его собой.

Содрогаясь, Ульдиссиан заставил себя посмотреть в сторону. Когда он сделал это, раздалось острое, яростное шипение.

-Посмотри на меня, Ульдиссиан!- вдруг проворковала Лилия.- Посмотри, что ты имел, и что мог иметь снова... И снова... И снова...

Что-то подсказало ему, что, если он посмотрит, ему конец. Его воля была волей смертного, тогда так ту, с кем он возлежал, никак нельзя было назвать таковой.

-Убирайся прочь, что бы ты ни было!- потребовал он, всё ещё глядя в сторону.- Уходи или... Я сделаю с тобой то же, что и с другими демонами!

Он ожидал ярости или, возможно, страха, ведь она наверняка помнила, как он разобрался с нечестивыми созданиями, которых послал Малик...

Малик... Внезапно *это* тоже приобрело больше смысла. Ульдиссиан был ошеломлён стремительной кончиной хитрого священника, но такая Лилия служила достаточным объяснением. Бедный Малик сам не знал, с чем именно имеет дело. Возможно, он подозревал, но этого оказалось недостаточно. Ульдиссиан улыбнулся бы такой иронии судьбы, если бы не его теперешнее положение.

Странный звук раздался со стороны Лилии. Не шипение, не рычание... Но *смех*, который хватал за душу.

-Бедный маленький Ульдиссиан! Мой дорогой пусечка! Такой наивный, такой доверчивый! Ты поверил даже слишком скоро...

Это почти заставило его посмотреть на неё – возможно, этого она и добивалась.

-О чём ты?

-Ты никогда не задумывался о том, как быстро развились твои хваленые способности? Никогда не думал, почему другие – за исключением твоей любимой Лилии – до сих пор показали так мало?

Он задумывался об этом, и от подтекста её слов у него мороз пробежал по коже.

-Да, *теперь* он видит правду, или хотя бы часть её. Да, дорогой, милый Ульдиссианчик... Я всё время указывала тебе каждый твой шаг! Тем, что ты делаешь, ты во многом обязан *мне*, а не себе самому! Это я вызвала бурю, я направила молнии, я была причиной, почему большая часть твоих желаний воплощалась...

И даже более того, внезапно понял он.

-И кто убил одного проповедника, а потом зарезал другого моим ножом!

Она захихикала – звук, некогда приятный человеку, теперь пробуждал в нём ненависть.

-Сцена была возведена для тебя, любовь моя! Да и вообще, чем они были? Всего лишь пешками предателя-любовника и дураком под началом *брата*.

Ульдиссиан попытался усвоить последнее. Если верить ей, Примас и Пророк ей хорошо знакомы. Один из них одной с ней крови, – если только кровь течёт в её жилах, – тогда как другой сыграл ранее роль, которую Ульдиссиан сыграл сейчас. От этого знания Ульдиссиан оцепенел ещё больше. Всё его бытие было сплошным обманом. Он был не могучей силой, а всего лишь марионеткой. Её марионеткой.

Но... Какая-то часть его восставала при этой мысли, напоминая Ульдиссиану, что их встреча явно проходила не так, как она планировала. Она проговорила, назвав имя Люциона. И всё же, если Ульдиссиан был всего лишь слабой пешкой, зачем поступать так? Почему Люцион просто не уничтожил его? Ульдиссиан мог только предполагать, что либо он представляет какую-то ценность для Примаса, либо Люцион не может смануть его с дороги. В последнем Ульдиссиан сомневался, а вот первое всё ещё не было лишено смысла, ведь Малик говорил об этом не раз.

А раз так, значит, *что-то* было в силе, растущей внутри фермера. Иначе какой толк Лилии, – если так зовут демонессу, – самой выбирать его?

-Ещё раз повторяю,- в конце концов сказал он, пытаясь звучать уверенно и непокорно.- Убирайся, а не то!

Она снова захихикала.

-Ох, дорогой ты мой Ульдиссиан, как же мне полюбилось твоё упрямство! Эта черта у тебя по моей линии, хотя, может, и по его – они такие высокомерные, знаешь ли, такие благочестивые!- когда он ничего на это не ответил, Лилия продолжила.- Ты ведь ничего не знаешь об этом, не так ли? Ты даже не знаешь свою историю! Всё это я открыла бы тебе в своё время, когда ты был бы готов! Стоит ли теперь говорить тебе? Мы всё ещё можем быть вместе! Ты всё ещё можешь держать меня, ласкать меня...

Отчаянно борясь с собой, Ульдиссиан отпрянул назад. К несчастью, его конь, всё ещё воюющий с ним, улучил этот момент, чтобы освободиться. Ульдиссиан развернулся, чтобы ухватить поводья, но конь уже был далеко. Он смотрел, как животное исчезает во тьме.

-Бедный Ульдиссиан... Но тебе не нужно это слабое создание! Я могу научить тебя летать или материализовываться где угодно! Нефалемы снова воспрянут, и на этот раз получают то, что принадлежит им по праву! Ха! Я получу своё по праву, и неважно, как Высшее Небо и Пылающий Ад будут протестовать!

Маниакальный тон звучал в её голосе, говоривший о невиданном им прежде безумии. Бездумно Ульдиссиан взглянул на неё.

Она немедленно поймала его взгляд. Её губы разомкнулись, и показался язык, облизывающийся, словно она собиралась сожрать лакомый кусочек.

-Когда он изгнал меня, как он думал, навеки, он недооценил мою решимость! Я перебила их всех ради детей; как после этого я могла отдать детей ему, чтобы они уверовали в его превосходство? Они были особенные. Они были большим, чем демоны или ангелы! Я поняла тогда, что за ними будущее, истинное окончание ненавистой битвы!

Лилия подняла одну когтистую ладонь, и Ульдиссиан почувствовал, что его правая нога делает шаг вперёд. Она поманила одним пальцем, и левая нога последовала за правой. Он прикладывал усилия, чтобы замедлиться, но рано или поздно он всё равно должен был встать прямо перед ней.

Зная об этом, она продолжила говорить так, словно между ними всё было хорошо, словно он был счастлив знать, что возлегал с чудовищем.

-То, что ты называешь даром, любовь моя, и многое другое! Ты... Все люди... Вы все – наше потомство! От демона и ангела произошли нефалемы, лучше которых нет никого во вселенной! Сила, которую я расшевелила внутри тебя, которую я умоляла освободиться, – не что иное, как ваше *право по рождению*! Он-то хотел заглушить её, чтобы вы оставались покорным скотом, тешащим его тщеславие... Но я... Но я могу предложить гораздо больше!- Намного, намного больше...

Стиснув зубы, Ульдиссиан прорычал:

-Самое большее, что ты можешь для меня сделать, это помочь забыть, что произошло!

-Ты *вправду* хочешь всё забыть, мой дорогой? Ты *вправду* хочешь забыть *меня*?

Наконец ему удалось остановиться. С искажённым от усилия лицом Ульдиссиан ответил:

-Ничто не принесло бы мне больше удовольствия...

-Ах вот как? - глаза Лилия зловеще полыхнули. - Ах вот как, любовь моя?

К своему ужасу, Ульдиссиан обнаружил, что его тянет к ней с головокружительной быстротой. Его сильнейшая попытка была смехотворной, и Ульдиссиан вдруг понял, что Лилия до сих пор попросту играла с ним. Ни секунды он не мог противостоять её силе. Его «право по рождению», как она назвала его, было не чем иным, как пустой ложью.

Её руки обняли его, когда он достиг её. Он, в свою очередь, обвил свои вокруг её чешуйчатого тела, её перья на спине кололи ему руки. Её тело горело, но было очень мягким в нужных местах. Ульдиссиан почувствовал, что желание бороться в нём с отвращением.

-Давай поцелуемся и посмотрим, как сильно ты хочешь забыть, - поддразнила Лилия.

Ему ничего не оставалось кроме как подчиниться. Его тело реагировало со страстью, коей он не мог управлять.

«Нет!- крикнул Ульдиссиан в своей голове, даже когда он и Лилия сомкнулись вместе. - Нет! Я не стану снова её!»

Острая боль в нижней губе заставила его поморщиться. Она укусила его. Ульдисиан почувствовал, как её язык пробует кровь, и задрожал от этого.

Наконец Лилия отняла лицо. Её выражение говорило само за себя. Она знала, что, хотя часть его питала отвращение, другая часть была полностью в её власти.

Демонесса усмехнулась. Ульдисиан почуял недоброе...

Огромная сила ударила его во всю мощь, посылая в полёт точно так же, как он однажды сделал с маликовыми надзирателями мира. Ульдисиан закричал, пролетая меж деревьев, уверенный, что сейчас столкнётся с одним.

Тем не менее, несмотря на то, что шансы были не всего пользу, его только слегка задело. В конце концов Ульдисиан упал на землю, сильно ударившись и прокатившись ещё несколько ярдов. Каждая кость была словно сломана, каждый мускул кричал. Когда сын Диомеда наконец прекратил движение, он не мог пошевелить и пальцем.

Тем не менее, несмотря на преодолённое расстояние, он немедленно почувствовал присутствие рядом Лилии. И верно, она нарисовалась над ним спустя мгновение.

-Великий Ульдисиан, преобразователь миров! Надеюсь, теперь-то понимаешь, насколько ты велик на самом деле...

-П-проклята...- толь и смог он ответить, его лёгкие всё ещё умоляли о воздухе.

-Всё ещё дерзок?- она склонилась над ним, давая ему, несмотря на темноту, разглядеть ближе её красоту.- Полезная черта, иногда...

Он ничего не мог сделать, когда она целовала его снова. Хорошо зная о его борющихся чувствах, Лилия продлила этот поцелуй дольше.

-Думаю, ты придёшь в себя,- проворковала демонесса после.- Но сначала нужно выучить ещё один урок, любовь моя. Урок того, кто ты есть без меня.

Внезапно поднялся сильный ветер и завыл, как стая волков, мчась через местность. Перья на голове Лилии заиграли, как живые. Демонесса стояла с поднятыми руками – очевидно, она была причиной перемены погоды.

-Да, давай посмотрим, кто ты без меня,- повторила она со смешком.- Давай посмотрим, как долго продлится твоё неповиновение! Не очень долго, я думаю, а, любовь моя?

Собирая остатки сил, Ульдисиан сделал отчаянный выпад к её лодыжкам. На что он ещё надеялся, кроме как повалить её, человек не мог сказать, но он чувствовал, что надо попытаться.

Его попытка была такой же жалкой, как недавнее высокомерие. Его пальцы едва коснулись её чешуйчатой шкуры. Лилия просто стояла, наблюдая его выходку.

-Не сейчас, не сейчас, дорогой Ульдисиан! Можешь взять меня снова только после наказания... Если, конечно, ты переживёшь этот урок!- Она склонила голову набок.- Если...

Он зарычал и снова попытался добраться до неё, но ветер задул с утроенной силой, дуя на него с такой свирепостью, что Ульдисиана откатило назад. Мир перекрутился вокруг него, и в следующий миг ему снова не хватало воздуха.

Внезапно ужасный ветер стих. Всё затихло. Лёгкие Ульдисиана постепенно наполнились воздухом. Он сумел оглянуться, гадая, что его искушительница станет делать с ним дальше.

Но Лилии – если её действительно так звали – не было.

«Давай посмотрим, кто ты без меня». Он содрогнулся, зная, что её отсутствие пророчит жуткие события. Демонесса без труда доказала, что у Ульдисиана не было настоящей силы, что всё было мистификацией, устроенной ей.

Образы инквизиторов и надзирателей мира встали у него перед глазами. Он представлял, как демоны и морлу уже ждут его в темноте, ожидая только сигналов своих хозяев, чтобы прекратить сдерживать кровожадность. Неважно, какая секта; очевидно, как Примас, так и Пророк хотели заполучить его из-за его хвалёного «права по рождению». Но как только они поймут, что он всего лишь пустая оболочка, пешка, он больше не будет нужен им.

Хуже того, те, кого он уже вовлёк в это, посчитают его пустословом. Они впадут в уныние, отвернутся от него.

Его друзья узнают, что бросили всё ни за что.

«Давай посмотрим, кто ты без меня».

Он уже знал, кем он был... Величайшим из дураков и обречённым человеком.

Глава девятнадцатая

Кто-то звал его. Голос был знакомым, но он не мог ответить на зов.

-Ульдиссиан!

Он попытался махнуть рукой, подать какой-нибудь сигнал, но у него ничего не вышло. Его разум медленно пытался вспомнить, что произошло. Постепенно Ульдиссиан припомнил Лилию и разоблачение её естества. Этого ужасающего воспоминания оказалось достаточно, чтобы он исторг примитивный возглас, и не без успеха: зов того, кто его искал, стал более отчётливым.

-Ульдиссиан! Я знал, что ты где-то здесь! Где...

Ульдиссиан наконец сообразил, что это голос Ахилия. Славный, верный Ахилий. Он попытался произнести имя охотника, но получилось лишь кряхтение.

-Вот он! Он здесь!- раздался голос как будто бы Серентии.

Как бы ни был он ей благодарен за то, что она тоже отправилась на его поиски, Ульдиссиан внезапно забеспокоился. Лилии доставило бы особое удовольствие помучить дочь Сайруса.

Мягкие руки коснулись его лица. Ульдиссиан инстинктивно резко отдернулся, думая, что возвратилась Лилия. Тем не менее, этот страх быстро исчез, когда Серентия сказала:

-Хвала всему живому! Ты жив! Ахилий! Мендельн! Вот он где!

Звук тел, продирающихся через кусты, сообщил о том, что остальные тоже неподалёку. Он услышал ругательство, произнесённое лучником.

-Он ранен?- спросил Мендельн, скорее с любопытством, чем с тревогой.

-Он весь в синяках,- ответила Серентия. Но я не вижу ни порезов, ни ран! Сломанных костей тоже нащупать не могу.

Другая фигура склонилась над лежащим фермером.

-Бледный, как смерть,- пробормотал Ахилий.- Или того хуже.

Всё больше подробностей возвращалось к нему. Он вспомнил страх за своих друзей и брата. Он также припомнил, как хотел пойти назад, но затем, словно Лилия забрала у него волю к жизни, Ульдиссиан вдруг потерял сознание. Кто знает, очнулся бы он вновь, не отправь остальные на его поиски. Наверное, всё-таки очнулся бы. В конце концов, не похоже было, чтобы Лилия желала ему смерти, просто хотела... Сломить его.

-Как...- он с трудом сглотнул, затем попробовал ещё раз.- Как вы узнали...

Они отреагировали так, словно он попросил их всех признаться в каком-то тяжком преступлении. Все трое странно встревожились. Их молчание только усилило беспокойство.

Наконец Мендельн ответил:

-Мы знали, что твоя жизнь в опасности.

Ульдиссиан вспомнил, как его брат бежал ранее через весь дом, выкрикивая его имя.

-Ты знал?

-Мы все знали.

Охотник и Серентия кивнули.

-Я думала, это кошмар,- добавила девушка.- Но это было так ужасно, я должна была проверить. А потом я заметила, что Ахилий тоже не спит.

-И не успели мы встретиться, как пришёл Мендельн, настаивая на том, что должен увидеть тебя повторно.

Младший сын Диомеда нахмурился.

-Ощущение не пропало, Ульдисиан. Я знал, что ты можешь рассердиться на меня, но я собирался попытаться предупредить тебя снова... И тогда мы все трое узнали, что ты... И Лилия... Исчезли.

-Лилия!- выдохнула черноволосая девушка.- Мы совсем про неё забыли! Ульдисиан! Разве она не с тобой?

-Была,- его ответ прозвучал хрипло... Не из-за его состояния, но из-за омерзительных воспоминаний.

При этом какая-то часть его *всё ещё* желала её.

Его товарищи озабоченно огляделись вокруг. Он поспешно замотал головой:

-Нет... Не ищите... Её,- Ульдисиан заставил себя сесть.- Нам так везёт... Что вы ещё чего доброго её найдёте.

Он чувствовал их смятение. Не без помощи Серентии и Ахилия Ульдисиан встал. Когда он сделал это, взгляды его и брата встретились. Любопытное дело, видение его брата из кошмара снова встало у Ульдисиана перед глазами. Он глядел с таким упорством, что Мендельн в конце концов отвернулся, словно был виновен в чём-то.

-Ульдисиан,- пробормотал Ахилий,- как тебя понимать? Почему мы не должны хотеть найти Лилию? С чего бы это *тебе* не хотеть найти её?

Если бы они никогда не сталкивались с реальностью демонов и заклинаний, он никогда не смог бы рассказать им. Но они сталкивались, и Ульдисиан испытывал такой огромный стыд, что ему пришлось сделать длительную паузу, прежде чем начать.

И пока он рассказывал, на их лицах отражался такой же ужас, какой был у него на душе.

-Должно быть, тебе это привиделось!- заявил охотник.- Этого не может быть!

-Демон?- выпалила Серентия, качая головой.- Демон?

Только Мендельн, пережив первоначальное ошеломление, кивнул с пониманием.

-Это столь многое объясняет,- наконец произнёс он.- Если оглянуться на всё, что произошло.

Ульдисиан не был уверен, что разделяет мнение брата. Он знал только, что он определённо был слеп, глух и глуп. Он позволил Лилии командовать им, как собачонкой. Люди погибли из-за её безумия, из-за её намерения создать мир магических существ.

Нужно было отдать им должное, они восприняли его рассказ всерьёз. Ульдисиан ничего не упустил – даже ту часть, где Лилия заявила, что мир называется Санктуарием и что он был создан беглыми демонами и ангелами. Для него было очень важно, чтобы нашёлся кто-то, кто понял бы, что у демонессы был какой-то безумный план, который касался как Храма, так и Собора, которые были как-то связаны с ней.

Это подвело его к её последнему заявлению. Она оставила его одного, чтобы преподать ему урок, как нехорошо сопротивляться ей.

-Мы должны уйти из Парты!- выпалил он.- Мы должны бежать, спастись! Джунгли нижних земель – наше лучшее...

-Погоди, Ульдисиан!- потребовал Ахилий.- О чём это ты? Мы не можем бежать! Бежать – значит, стать преследуемой добычей, в этом нет никакой защиты!

-Ахилий, всё, во что я верил, оказалось ложью! Это всё была *она*! Всё!

Лучник замотал головой.

-Я не знаю, верю ли я в это. Это не похоже на правду.

-И это неправда,- подтвердила Серентия.- Ульдисиан, я наблюдала за тобой. Я чувствовала, что ты делаешь. Это не могла всё быть Лилия! То, что я ощущала, когда ты коснулся меня,- отчасти это был *ты*! Я знаю это так же верно, как знаю... Как знаю себя,- её лицо покраснело, когда она это сказала.

Хотя он был благодарен ей за всё, что она сказала, Ульдисиан отказывался верить, что его попытки были чем-то помимо спектакля, тайком разыгранного Лилией.

-Ты не видела, как легко она управляла мной, как легко она показала мне, что может заставить меня сделать всё.

что пожелает.

-Ульдиссиан...

-Нет, Серри! Пожелай она, Лилия с лёгкостью убила бы меня сама, тогда и потом. Ты видела, каким я был, когда вы пришли... И мне теперь приходится прикладывать все усилия только для того, чтоб стоять.

-Да, а ведь верно,- проворчал Ахилий. - Дайте ему лошадь.

Пока друзья помогали ему, Ульдиссиан отметил, что он словно дитя – таким слабым его оставила борьба с искусительницей. Да, Лилия не шутила, когда сказала, что он – ничто без неё. Остальным нужно просто немного больше времени, чтобы понять это.

К несчастью, времени у них оставалось совсем немного. Рано или поздно кто-то придёт за Ульдиссианом.

-Твои наблюдения заслуживали бы большего внимания,- заметил Мендельн, который держал поводья животного, пока Ахилий сажал Ульдиссиана в седло,- если бы они объяснили, как Серентия и Ахилий узнали, что ты в опасности.

Дочь торговца быстро ухватилась за это.

-Да! Это уж точно не похоже на то, что входило в её грязные планы!

-Вы все должны понять правду!- проревел он, вырывая поводья из рук своего брата. - Всё была хитрость! Это какая-то игра между демонами и другими, в которой я играю роль величайшего дурака!

С переполняющей его горечью он пришпорил лошадь и поскакал в направлении, которое взял первоначально. Ахилий закричал, но Ульдиссиан не обратил внимания. Лучше он убежит, чем продолжит подвергать опасности своих друзей и близких, и это главное.

Но очень скоро он услышал стук копыт позади себя. Ругнувшись, Ульдиссиан заставил свою лошадь перейти на галоп. Путь был ненадёжный и становился всё опасней, потому что начинал идти под уклон, но ему было всё равно. Если животное запнётся и сбросит его, так что он сломает шею, это, пожалуй, будет лучший конец. Не только он больше не будет бояться, что кто-то ведёт его по ложному пути, но и Мендельн и другие будут в безопасности. Они никогда не столкнутся с угрозой пострадать или стать потенциальным оружием Храма или Собора. Им станет нечего бояться.

-Чтоб тебя, Ульдиссиан!- крикнул Ахилий. - Остановись!

Близость голоса охотника напугала его. Он оглянулся и увидел Ахилия сразу за собой. Гораздо дальше виднелись неясные черты Мендельна и Серентии, скакавших на одной лошади.

-Возвращайся в Парту!- крикнул Ульдиссиан лучнику. - Забери их с собой! Я больше не хочу смертей, кроме разве что своей собственной!

-Ульдиссиан, подумай! Ты прекрасно знаешь, что никто из нас не оставит тебя теперь, когда мы знаем, кто такая Лилия и что она сделала!

Двое других пропали из виду. Посмотрев вперёд, Ульдиссиан увидел, что они приближаются к развилке. Левый путь почти сразу опасно сужался. Ахилий не сможет проскакать там рядом с ним.

Ульдиссиан свернул туда. Его лошадь чуть не споткнулась, такой заросшей и неровной была земля. Было видно, что мало кто следовал этим путём в последние годы, но Ульдиссиана это не волновало. Он хотел только задержать или остановить тех, кто скакал позади него.

Раздался возглас Ахилия, охотник ругался на что-то. Ульдиссиан не оглядывался, сосредоточившись на дороге. Стук копыт позади него стих. Судя по всему, его друг отстал.

Затем путь преградила целая череда низких толстых ветвей. Ульдиссиан едва сумел увернуться от первой. В это же время его правая рука приняла ужасный удар, который отдался во всём его теле. Благодаря одному лишь усилию воли Ульдиссиан не был совсем оглушён и оказался готов встретить следующую и более толстую ветвь.

Третья и четвёртая ветви быстро последовали одна за другой. Ульдиссиан вильнул влево, затем вправо, и ещё раз вправо. Последняя ветвь задела макушку. Он почувствовал, как сверху сочится что-то влажное – без сомнения, кровь.

Но, несмотря на ранения, надежда Ульдиссиана росла. Ахилий увидит ветви и будет вынужден замедлиться.

Для сына Диомеда это была возможность уйти от преследователя, ибо на слабо освещённой луной территории имелись участки, которые могли обеспечить Ульдиссиану такое прикрытие, где даже опытный охотник не смог бы выследить его.

Затем раздался такой треск, из-за которого он чуть не направил лошадь прямо в дерево. Недолго думая, Ульдиссиан притормозил животное. Шум донёсся сзади, оттуда, где были предательские ветви.

Ветви... И, если он не притормозил, Ахилий.

Ульдиссиан остановил лошадь и прислушался.

Тишина... Нет... Фырканье коня. Коня, который стоит на месте.

Он начал было подстёгивать лошадь, затем снова заколебался. Всё ещё никаких звуков, не считая животного.

Исторгая проклятья, Ульдиссиан повернул назад. Он хотел только уйти от Ахилия, не более того. Если худшее произошло...

Подъём оказался не менее опасен, нежели спуск. Комья земли и породы ломались под копытами. В одном месте лошадь повернулась так, что Ульдиссиан чуть не слетел.

Впереди него нарисовалась массивная фигура. Конь Ахилия, но без охотника. Где...

Откуда-то слева, где земля резко уходила вниз, послышался стон. Страх Ульдиссиана возрос. Он осадил лошадь и, не успев та полностью остановиться, спрыгнул на землю. Каждый мускул горел; обуреваемый яростью, он мало обращал внимания на своё состояние, и теперь его тело сердито напоминало ему, что он едва мог идти.

Несмотря на это, Ульдиссиан продолжил двигаться. Он взял поводья обеих лошадей и привязал их к одной из злосчастных ветвей. Затем Ульдиссиан поковылял в направлении стога.

Ироничность ситуации не ускользнула от него. Ахилий добровольно хотел помочь Ульдиссиану, и *вот* что он получил за это. Чувство вины теперь соперничало со стыдом. Он вспомнил, как даже *надеялся*, что одна из ветвей доставит Ахилию неприятности, хотя и не *такие* сильные. Так или иначе, Ульдиссиану *было* известно об опасности, и всё равно его не волновало ничего кроме его собственного выбора.

Спуск был ненадёжный, земля то и дело пыталась выскользнуть из-под ног. Других лошадей всё ещё не было слышно, и Ульдиссиан гадал, как далеко позади были его брат и Серентия. Нельзя было полагаться на то, что, если он дотащит Ахилия до дороги, они непременно наткнутся на него. Ульдиссиан перестал верить в чудеса, большие или малые.

Под собой он видел только темноту. Надежда была на то, что светлые волосы охотника проступят во тьме, но этого не происходило. Ульдиссиан тревожился всё больше. Был ли он вообще в той области, где свалился его друг?

Затем какое-то чутьё заставило его взять влево – место, которое он сам бы не посчитал возможным местоположением. Но, когда Ульдиссиан захотел развернуться, он обнаружил, что не может этого сделать. Нахмурившись, фермер углубился в поиски.

Вскоре Ульдиссиан отметил закруглённую форму. Он бросился к ней, нагнулся и осторожно перевернул.

Когда он это сделал, раздался кашель.

-У-Ульдиссиан? Странно. А-а я-то думал, что это я спасаю *тебя*?

-Прости, Ахилий! Я не хотел, чтобы это случилось! Встать можешь?

Он слышал, как охотник кряхтит от боли.

-Левая нога словно одеревенела, но я думаю, её просто потрепало как следует. Дай... Дай мне руку.

Когда Ульдиссиан сделал это, его собственное тело напомнило ему, что ему пришлось пережить. Они застонали одновременно.

-М-мы с тобой два сапога пара, верно?- отметил Ахилий со слабым смешком.

-Помнится, случались с нами и худшие царапины в детские годы. Тогда мы совсем не стонали,- усмехнулся Ульдиссиан в свою очередь.

-Детишки более жизнерадостны!

Кое-как они проделали обратный путь. Несколько раз оба спотыкались. Когда они наконец добрались до верха, Ульдиссиан услышал отдалённый цокот копыт. Наконец-то Мендельн и Серентия нагнали их.

-Я же говорил тебе, что мы найдём их,- с необычайным спокойствием сказал его брат.- Видишь?

Но девушка не стала тратить время на ответ, она сразу соскочила с животного и ринулась, не к Ульдиссиану, но к Ахилию.

-Ты в порядке?- спросила она, обвивая вокруг него руки.

-Я в норме... Ага.

Похоже, Серентию это не убедило, но в итоге она повернулась к Ульдиссиану:

-Что случилось?

Он открыл было рот, но Ахилий прервал его:

-Я был неосторожен, Серентия, вот... Вот и всё. К счастью, мой добрый друг понял, что что-то произошло, и вернулся за мной.

Она пробежала ладонями по рукам, груди и лицу охотника, ничуть не успокоившись, пока не увидела, что раны его незначительны.

-Хвала небесам. Если бы что-то случилось...

Ульдиссиан увидел, что Ахилий говорил правду, когда утверждал, что дочь Сайруса стала расположена к нему. Это было одной из немногих вещей, что радовали его этой ночью. Они были отличной парой.

Он почувствовал, что его ноги начинают подкашиваться. Не меняя интонации, Ульдиссиан сказал:

-Давайте-ка по коням.

Обоим мужчинам было трудно идти, из-за чего Серентия вновь забеспокоилась об Ахилии.

-Твоя нога!- ахнула девушка.- Она сломана?

-Нет, просто побита, как и моя гордость. Я должен был разглядеть эти низкие сучья.

-Дай мне руку,- настояла Серентия. Она буквально вырвала охотника из рук Ульдиссиана и повела его к коню. Несмотря на все обстоятельства, Ульдиссиан не мог не улыбнуться этой сцене.

Другая пара рук внезапно пришла на помощь ему.

-Позволь мне помочь тебе,- сказал Мендельн, возникая рядом с ним словно по волшебству.- Клади руку мне на плечо.

Присутствие его брата ещё больше успокоило и устыдило фермера.

-Спасибо, Мендельн,- пробормотал Ульдиссиан.

-Кто нам ещё поможет, как не мы сами.

Его слова проняли сына Диомеда до глубины души. Он был так озабочен Лирией, что не рассматривал Мендельна так глубоко, как тот того заслуживал. Но вместе с этой возобновлённой заботой снова пришли мысли о том, что случится с Мендельном и остальными, если они останутся с ним.

-Джунгли Тораджана,- тихо отметил Мендельн ни с того ни с сего.- Самая густая часть, к юго-западу от Кеджана.

-Что – джунгли Тораджана?

Моргая, брат глянул на него.

-Тораджан? Ты о чём?

-Ты упомянул джунгли. Если конкретно, то тораджанские, к юго-западу от великого города.

-Вот как?- Мендельн поджал губы, но никак иначе не выдал обеспокоенность провалом в памяти. - Мне пришло в голову, что мы можем отправиться туда, если мы не возвращаемся в Парту, - он кивнул в сторону своей лошади. - У меня есть кое-какая провизия и вода – во всяком случае, на первое время хватит. Собственно, это и то, что нас было двое на лошади, так задержало нас во время погони.

Ульдиссиан не мог скрыть своего замешательства:

-Ты собрал припасы? Когда?

-Они уже были подготовлены. Я подумал, что это дополнительная лошадь, которую тебе пришлось оставить в последний момент.

Один взгляд на лошадь убедил Ульдиссиана в том, что это не тёмный зверь, на каком скачет Лилия. Но какое ещё объяснение могло быть полностью снаряжённому животному, нашедшемуся сразу же, как только оно понадобилось его брату?

Не уверенный, подарок это или приманка, Ульдиссиан снова подумал о джунглях. Предложение *не было* лишено смысла, несмотря на сомнительное происхождение. Почему-то он сомневался, что устами Мендельна могла говорить демонесса.

-Джунгли Тораджана, - повторно пробормотал он, на этот раз с большим убеждением.

-Ты хочешь скакать туда, - это не был вопрос.

-Не думаю, что у меня есть выбор, - мрачно кивнув, ответил Ульдиссиан.

-У нас есть самый широкий выбор.

Ульдиссиан сильнее сдвинул плечо брата, благодарный Мендельну за его решимость.

-У нас.

-Не пойми меня неправильно, Ульдиссиан. Я говорю и об Ахилии и Серентии тоже.

-А *что* мы?- откликнулся охотник со своего седла. Задавая этот вопрос, он одновременно помогал дочери торговца забраться к нему. Никто не возражал против смены ездовых партнёров.

-Мы планируем поехать в джунгли Тораджана, - прямо ответил Мендельн, прежде чем Ульдиссиан сумел сам сформулировать предложение.

-Тораджан, - Ахилий склонил голову на бок. - Самые густые, самые неизведанные джунгли, как я слышал. Мало кто живёт там. Тораджа – единственный город, люди, по слухам, поджаривают свою кожу дочерна и затачивают зубы, как кинжалы, - он усмехнулся. - Восхитительное место, надо посетить.

Ульдиссиан подумал о путешествии, которое их ждёт. Им предстояло пройти неизученными и, возможно, коварными тропами, чтобы достигнуть места назначения. По сути, всё это были одни сплошные необъятные джунгли, но людям свойственно разбивать места на участки и давать им разные имена. Так и джунглям Тораджана случилось быть куском большей территории. На самом деле, можно было идти и не зная, что уже несколько дней находишься в них.

Он не мог представить Серентию в таком месте.

-Серри...

-Ульдиссиан уль-Диомед, если ты скажешь мне хоть слово о том, чтобы остаться, я заставлю тебя об этом пожалеть. Еду я или нет, не обсуждается.

-И, ты знаешь, я не стану ей перечить, - ухмыльнулся Ахилий.

Прекрасно об этом зная, Ульдиссиан кивнул. Тем не менее, ему было необходимо, чтобы они понимали всю чрезвычайность ситуации.

-Если вы идёте со мной, назад в Парту дороги нет. Я не вернусь. Есть большая вероятность, что будет почти невозможно уйти из города, не подняв его вверх наголову.

Мендельн немедленно выказал понимание. Видя это, Ахилий и Серентия тут же молча уступили.

-У меня есть немного продовольствия и воды, - сообщил им брат Ульдиссиана.

– Свежее мясо я обеспечу по пути, – ответил охотник без всякого зазнайства. Все здесь знали, что Ахилий сумеет без труда сдержать обещание.

Оставалось сказать одно, и Ульдиссиану пришлось сказать это теперь:

– Спасибо вам... Я хотел бы, чтобы вы все остались, но... Спасибо вам.

– Они увидят, что нас нет, на рассвете, – сказал Мендельн, взбираясь на лошадь. – К тому времени нам следует быть как можно дальше.

Никто не мог с этим поспорить. Когда партанцы поймут, что произошло, некоторые из них непременно станут искать Ульдиссиана, по крайней мере, поначалу. Ему было горько бросать их, но это было ради их же блага. Вскоре они поймут, что их дары – на самом деле ничто. Они почувствуют себя обманутыми, и на смену обожанию придёт ярость.

Уводя группу вперёд, Ульдиссиан думал, какой свирепой может оказаться эта ярость. Оставь он остальных в Парте, гнев горожан мог бы вылиться на них. И, конечно же, им пришлось бы от него бежать. Так что, если подумать, то Мендельну, Ахилию и Серентии лучше быть с Ульдиссианом.

По крайней мере, пока.

Люцион вперился в чашу, наполненную кровью. Он видел всё, что произошло, с того момента, как прочёл заклинание вместе с двумя другими демонами. Он нашёл её – Лилит – в руках смертного слуги, и хорошо продумал разоблачение своей сестры перед болваном. Как искусно была проделана эта работа. Всё её высокомерие вылилось в бесполезное позирование и ярость. В конце концов ей пришлось оставить свою собственную марионетку.

И тем самым Лилит совершила величайшую ошибку.

Видение в чаше наконец стало исчезать – последняя жизненная эссенция уходила из крови. Люцион мог заново прочесть заклинание, но для этого снова пришлось бы идти на сделку с Астроной и Гулагом, которые потребовали бы гораздо больше, чем то небольшое, что он дал им в первый раз. В этом беда всех людей и демонов: они всегда хотят больше.

Нет, Люцион справится с этим совершенно самостоятельно, ибо награда будет слишком роскошной, чтобы делить её с кем бы то ни было. Будет нетрудно держать в неведении двух своих коллег, ибо с тех пор, как он взял на себя роль Примаса, он много сделал такого, о чём они не знали... О чём даже его *отец* не знал.

– Спасибо, что подготовила фундамент, сестра, – прохрипел Люцион. Он был также благодарен покойным Малику и Демосу, слугам, которые выполнили свой долг, успели они понять это или нет. Жалко было терять их обоих, но у Люциона уже имелся на примете тот, кто мог занять пост высшего жреца, и в злобных морлу недостатка не чувствовалось. Важным было то, что, дотронувшись до демонической руки Малика, – что, зная жадность священника и сестринское чувство иронии, было неизбежным – Лилит не только открыла себя, но и ненамеренно на короткий момент сняла с себя все магические щиты, которые она создала до этого.

Именно в этот момент терпеливый Люцион наложил заклинание, подготовившее крушение её планов. Он устроил так, что, когда определённые элементы вступили в игру, Ульдиссиан уль-Диомед увидел, чем на самом деле она является. Всё прошло без сучка без задоринки. Она зашла даже дальше, в своей ярости коверкая факты, так что её марионетка не смогла разобрать, что есть правда, а что – ложь.

И оставила Ульдиссиана, открытого для его манипуляций.

Улыбка Люциона расширилась – и исчезла, когда его захватило ощущение, что за ним наблюдают. Он немедленно стал искать, не глазами, но своим разумом, притворяясь, что смотрит в исчезающую сцену в чаше, в то время как проверял комнату на присутствие кого-либо ещё.

Но, несмотря на все усилия, ему никого не удалось обнаружить. Всё ещё настороженный, сын Мефисто быстро проверил, в Храме ли два других демона. Гулага он нашёл внизу: разрушительный зверь рвал морлу просто ради удовольствия. Другие морлу жадно атаковали демона, нанося ему раны, которые тут же затягивались. Неудача ничуть не унимала их голода; они просто снова атаковали Гулага, тогда как тот разрывал на части одного из них. Демон разрушения знал, что, пока он не ест оторванных кусков, он может наносить увечья, сколько пожелает. Морлу просто воскреснут в завершении цикла; их убийство только сделает их ещё более жестокими воинами.

когда они в следующий раз пойдут в бой.

Убедившись, что это был не Гулаг, Люцион стал искать Астрогу. Паук был более хитрым существом, ведь служил Диабло. Если бы кто-то из них двоих захотел бы шпионить за ним ради достижения своих целей, это был бы он.

Но Астрога оставался в одном из своих излюбленных затенённых углов, обедая сейчас тем немногим, что осталось от брата Икариона. Вокруг скрытой многочленистой фигуры сутились маленькие арахниды. Они были сущностью демона, продолжениями его, которые выполняли его распоряжения, пока он ждал.

Мог ли это быть один из них? Люцион подумал об этом, но он знал, что даже дети, как Астрога их называл, носили на себе его отпечаток. Люцион узнал бы его в них.

Всё ещё не двигаясь с места, он ещё раз изучил потайную комнату, и снова ничего не нашёл. Демоны – такие существа: им свойственно нездоровая подозрительность, и Люцион знал, что это качество не обошло стороной и его.

В конце концов он прогнал происшествие из своих мыслей. Сейчас имел значение только подопечный Лилит. Сестра поставила его на нужную тропу; теперь самое время Люциону довести поучение до конца.

Или, если человек окажется совершенно бесполезным, *уничтожить* его.

В месте, которое одновременно было и не было реальным, материализовалась закутанная в чёрное фигура. Вокруг него не было ничего, кроме полнейшей темноты, но он не выказывал по поводу этого никакого неудобства. Говоря по правде, это был его дом, точно так же, как и любое другое место, уже на протяжении многих тысяч человеческих жизней.

Он ждал в тишине, зная, что тот, с кем ему нужно поговорить, придёт, когда настанет подходящее время. Укутанная фигура понимала, что это может означать, что придётся ждать несколько дней, недель, а то и лет, но это не имело значения. В другом месте, которое зовётся Санктуарием, не пройдёт несколько времени. Он вернётся в тот самый момент, в который ушёл оттуда.

И всё равно может быть слишком поздно.

Не было ни звука, ни ветерка. Он чувствовал твёрдую землю под своими обутыми ногами, но знал, что это иллюзия. В этом месте всё сущее было не чем иным, как грёзами его учителя.

А потом... Сверху пришло освещение – тёплый свет, который прогрел его уставшие кости. Он взглянул вверх, его глаза немедленно привыкли к новой обстановке. Наверху образовалось нечто, напоминающее ряд далёких звёзд. Поначалу они соединились вместе, но быстро начали расходиться.

Разойдясь, они формировали неясную форму. Словно созвездие, звёзды создали полуразличимый, колоссальный образ, который его намётанному глазу напомнил чудовище столь же легендарное, как и он сам.

-Это её брат делает ход,- прошептала укутанная фигура.- Он – нет. Это может означать только одно...

И тогда голос, который заставил бы замереть даже ангела, ответил:

-Да... Грядёт смерть...

Глава двадцатая

Они скакали к джунглям, останавливаясь только при необходимости. Ульдиссиан считал, что они быстро приближаются к месту назначения, хотя, поскольку никто из них не отъезжал далеко от Серама до начала этого безумия, полагаться приходилось только на память Мендельна. К счастью, брат Ульдиссиана снова доказал, что любая карта, показываемая ему недолгое время, въедалась в его память, ибо опознавательные знаки, за которыми он сказал им следовать, начали появляться.

Последним из них была низкая гора на горизонте – Мендельн сказал, что владелец карты назвал её «вулканом». Никто раньше не слышал о таком, и когда Мендельн объяснил, что это место, где некогда пылающий камень был запущен из земли, как снаряд, остальные посмотрели на него, как на сумасшедшего. Он в свою очередь только пожал плечами.

Ульдиссиан часто оглядывался, уверенный, что к этому времени люди Парты уже напали бы на их след. Тем не менее, горожан нигде не было видно.

-Вулкан – это последний ориентир,- продолжал Мендельн.- На самом деле, он находится в начале джунглей.

Услышав это, Ульдиссиан напрягся в седле:

-Так что, мы приближаемся к тораджанскому региону?

-Нет, дотуда ещё прилично скакать, но по крайней мере мы достигли нижних земель.

Действительно, они уже заметили перемену климата. Он стал теплее и влажнее. Ульдиссиан был покрыт потом, и даже Ахилий и Серентия явно страдали от жары. Только Мендельн оставался нетронут ей. Вообще-то, он, похоже, наслаждался переменой.

Братья ещё не обсудили, что происходило с младшим из них, – суровое путешествие оставляло их без сил каждый вечер. Тем не менее, как указал Мендельн, джунгли немедленно должны были дать некоторую передышку... Пусть даже и вкупе с новой опасностью. Ульдиссиан надеялся, что, когда они вступят в джунгли, он сможет найти время, чтобы разобраться с братом.

Одежда, которая была им дана в Парте, начала изнашиваться от слишком интенсивного использования. Тем не менее, поскольку они намеренно избегали контакта с цивилизацией, у них не было возможности найти новые одежды или хотя бы постирать имеющиеся.

Как и надеялся Ульдиссиан, еда и вода не были проблемой. Ахилий дополнял их первоначальное продовольствие добычей, а остальные собирали ягоды. Припасы, взятые в Парте, к этому времени стали подходить к концу, но пришедших им на смену даров природы было достаточно для трёхдневного перехода. В то же время они продолжали собирать ещё и ещё, где и когда это было возможно.

Лесные земли, с которыми они были так знакомы, в последние три дня уступили место ландшафту, покрытому густым кустарником. По словам Мендельна, чьи предположения всегда оказывались верны, завтра они должны был увидеть первые примеры флоры джунглей.

Имея это в виду, они разбили лагерь прямо перед закатом. Ульдиссиан чувствовал себя незащищённым без хотя бы нескольких деревьев поблизости, но другими вариантами были либо сделать полудневный переход назад до небольшой рощицы, либо скакать всю ночь и весь следующий день, чтобы добраться до джунглей. Другие чувствовали себя не в меру беспечно, что ничуть не облегчало его положение. Зная, что все его силы, в которые он верил, оказались ложью, Ульдиссиан понимал, что не сможет помочь своим товарищам, атакуй их сейчас Лилия или какая-нибудь из сект.

К счастью, ночь прошла спокойно настолько, что Ульдиссиан спал до самого рассвета ни разу ничем не потревоженный. Он встал отдохнувшим, но также сердитым на Ахилия, который не стал будить Ульдиссиана даже тогда, когда была его очередь стоять на часах.

Грозовые тучи заволокли небо, но не было слышно грома, и ветер не подымался. Ульдиссиан осматривал местность с тревогой, гадая, не означают ли тучи что-то сверхъестественное. Тем не менее, их дневной переход прошёл так гладко, что, до того как село солнце, они не только добрались до края джунглей, но, после нескольких беспокойных минут обсуждения, углубились в них.

Джунгли одновременно завораживали и отталкивали Ульдисиана. Никогда прежде он не видел таких чудных растений и такой пышности. Растения боролись друг с другом за жизнь, каждый вид стремился к доминированию.

-Всё такое зелёное,- изумилась Серентия.

Ахилий шлёпнул что-то, кравшееся по его руке:

-И столь полное жуков. Никогда не видел ничего подобного.

-На одной квадратной миле этих земель больше жизни, чем на двадцати милях в районе Серама,- объявил Мендельн.

Никто не спросил его, откуда он это знает, полагая, что он услышал это от попутного торговца. Несомненно, Ульдисиан воспринял замечание Мендельна как правду, особенно после того, как прихлопнул множество экзотических и жутких насекомых на своём собственном теле. Он начал горько сожалеть о том, что выбрал джунгли местом укрытия.

-Есть ли где-нибудь впереди река?- спросил лучник.

-Завтра,- ответил Мендельн после некоторого раздумья.- По окончании завтрашнего дня должна быть река.

-У нас пока довольно воды.

Полог джунглей вместе с тучами создавали ощущение, будто весь день проходит в сумерках. Лошади, отнюдь не привыкшие к такой обстановке, начинали упрямиться. Они непрерывно махали хвостами, изо всех сил пытались отделаться от паразитов.

Россказни Лилии снова начали преследовать Ульдисиана по мере того, как он и его товарищи продвигались всё дальше. Она сказала, что мир был создан группой беженцев, собравшихся от той и другой стороны неземного конфликта. Союз ангелов и демонов. Такое немыслимое сочетание силы определённо могло объяснить то, что он всё ещё считал резкой переменной климата и ландшафта.

Это также напомнило Ульдисиану, какой угрозе были подвержены он и остальные.

Когда сделалось так темно, что стало рискованно следовать дальше, они просто остановились. Последние несколько часов они прокладывали путь самостоятельно, что было нелегко. Собрав вокруг себя лошадей, они ели то, что у них имелось; затем все кроме Ахилия отправились на боковую.

Ульдисиан некоторое время не мог заснуть: джунгли продолжали пугать его своей непохожестью на всё, что он знал прежде. Станные создания подавали голоса. Насекомые зазывали товарищей. Казалось, шума было больше, чем среди бела дня.

Один раз что-то явно немалых размеров прошло рядом с их лагерем. Ахилий, всё ещё на посту, скользнул в джунгли, но вскоре возвратился, не говоря ни слова. И всё же Ульдисиану показалось, что лучник чем-то обеспокоен.

Хотя ночь была прохладнее дня, всё ещё было очень влажно. Ульдисиан непрерывно потел. Волосы прилипли к голове. Неудобство джунглей подогревало его страдание и страхи. Снова он ошибся с выбором. Ему следовало держаться регионов, которые он знает. По крайней мере, знакомые места дали бы некоторую передышку.

К тому времени, когда свет очередного облачного дня наконец прорезал полог деревьев, все были более чем готовы двинуться в путь. По крайней мере, мысль о том, что они достигнут реки, дала им надежду. Река означала свежую воду и то, что они смогут увидеть над головой нечто иное, чем густую листву.

Снова они постоянно сражались с насекомыми. Все кроме Мендельна покрылись пятнами – жителям джунглей по какой-то причине не нравилась его бледная кожа. Брат Ульдисиана оставался теплее одет, чем остальные, но при этом не страдал, как они.

В районе полудня группа остановилась поесть и удовлетворить другие потребности. Четверо разделили между собой оставшуюся воду; Ульдисиан настоял, что он будет последним.

Тем не менее, когда он поднёс сморщенный мех к губам, его взор метнулся к окружающим джунглям... И чему-то толстому, как дерево, но определённо не дереву.

Он немедленно опустил мех, чтобы лучше разглядеть... Но тела не было и следа.

Серентия заметила его реакцию.

Что такое?

-Мне показалось, я видел... Я не знаю. Я думал, это дерево, но...

-Но это было не дерево?- спросил Ахилий с непроницаемым выражением на лице. - Высокое и крепко сложенное, не так ли?

Подозрение Ульдисиана тут же подтвердилось.

-Ты видел что-то прошлой ночью. Я так и думал.

Лучник поднял руку в защиту против слов друга:

-Погоди! Я видел то же, что и ты, то есть немного! Что бы это ни было, это такая же часть джунглей, как эти деревья и кустарник!

-Оно преследует нас?- спросила Серентия, оглядываясь вокруг.

Ахилий задумался.

-Прежде я ответил бы, что да, но теперь... Чем больше я думаю об этом, тем больше мне кажется, что нашему другу... Любопытно.

-Не нравится мне такое любопытство,- пробурчал Ульдисиан. - Как думаешь, их несколько?

-Я заметил только этого. Может, их и больше, но на меня он наткнулся в одиночку.

-Как хищник?

Охотник скорчил гримасу.

С более задумчивым настроением они быстро оседлали лошадей и оставили область позади. Остаток дня всадники одним глазом наблюдали за дорогой, а другим поглядывали на густые заросли. Никто не увидел ничего кроме следов, но все пришли к согласию, что их загадочный спутник не оставил их.

Когда наконец они услышали шум воды, Ульдисиан поприветствовал звук с противоречивой смесью облегчения и подозрительности. Он был рад достичь этой последней вехи, но в то же время река представляла собой своего рода преграду. Теперь, когда нечто преследовало их, Ульдисиан начал бояться, что они добровольно проделали путь к очередной ловушке.

Ахилий, очевидно, подумал о том же, ибо, спешившись, он сказал тихим голосом:

-Пойду пойщу место, где можно быстро перебраться в случае надобности.

Громче изображая, что уходит охотиться, он поспешил прочь. Ульдисиан наблюдал за дочерью Сайруса, которая, в свою очередь, печально смотрела вслед Ахилию, исчезающему в тревожащей глуши.

-С ним всё будет хорошо,- сказал сын Диомеда немного неловко, зная, что его друг не оказался бы в этом положении, если бы не он. - Правда ведь, Мендель?

-Да, должно быть,- но Мендель говорил отвлечённым тоном, что отнюдь не благоприятствовало ситуации. Похоже, его заинтересовало что-то с краю реки, но что именно, Ульдисиан не мог сказать. Определённо не некое огромное существо, которого заметили они с лучником. Обычно в реках можно было найти рыбу.

Едва они наполнили свои мехи водой, как вернулся Ахилий. Серентия явно сдерживалась, чтобы не броситься к нему. Светловолосый охотник улыбнулся более уверенно, когда добрался до группы.

-Тут мост есть,- радостно объявил он. - В каких-нибудь нескольких минутах вниз по течению. Выглядит потрёпанным, нескольких планок не хватает, но лошади должны перебраться без проблем.

Ульдисиан приободрился. Не колеблясь, он сказал:

-Тогда мы разобьём лагерь на другой стороне.

Возражений не было. Четвёрка путников быстро снова оседлала лошадей, и Ахилий стал показывать дорогу. Они шли по берегу реки и, как и сказал охотник, очень скоро увидели мост.

Он был сделан из подручных средств, которые предлагали джунгли. Планки, очевидно, были выструганы

из местных деревьев, их нижняя сторона была всё ещё покрыта корой. Другую сторону изготовитель умело зачистил. Три планки были сломаны или совсем отсутствовали, но, если вести лошадей спешившись, угроза была невелика.

Сильные лозы и другие длинные растения были пущены в ход, чтобы связать вместе дерево. Какая-то коричневая субстанция была также добавлена в щели, чтобы придать твёрдость. Принимая во внимание, что их окружало, Ульдисиан пришёл к выводу, что строители сделали лучшее, что могли. Правда, мост немного качался при переходе, но в остальном держался.

Когда они перешли, поднялся спор, что делать дальше. Ахилий хотел остаться возле моста, и Серентия его поддерживала. Ульдисиан бы предпочёл отойти немного подальше.

Мендельн... Мендельн предоставил остальным делать выбор. Как обычно, он был занят своими мыслями.

В конце концов лучник указал, что, хотя Ульдисиан справедливо опасается их невидимого спутника, в то же время возможно, что на *этой* стороне таится более явная для них угроза. Признав это, Ульдисиан согласился остаться возле моста.

Они устроили свой лагерь как можно более компактно, держась ближе к лошадям и друг другу. Только Ахилий ушёл из зоны видимости: нужда заставляла его охотиться. Когда он возвратился, облегчённые возгласы были вызваны скорее его безопасностью, чем щедрой добычей, которую он принёс.

Было видно, что существа, которых принёс с собой лучник, были рептилиями, но не такими, каких они когда-либо видели. Они были огромны – почти пять футов от кончика морды до кончика хвоста. Одного взгляда на ужасающие зубы было довольно, чтобы понять, что это в первую очередь хищники, а не жертвы.

Ахилий быстро успокоил их:

-Я всё время был осторожен. Я предположил, что река может таить опасность, но также и добычу. Я нашёл этих двоих, прятавшихся в камыше. Не думаю, что они были готовы противостоять кому-то вроде меня.

Ульдисиан разглядывал их во все глаза:

-Ты уверен, что их стоит есть?

-Дома лучшее мясо, которое я добывал, было змей и ящеров! Я подозреваю, что из этих получится настоящий пир!

Двум мёртвым чудищам удалось то, что мало кому удавалось... Привлечь внимание Мендельна. Он потрогал одного чуть ли не с нежностью:

-Вот этот молодой. Подросток.

-Я тоже так подумал,- ответил Ахилий.- Крупнейший раза в три его больше,- а затем добавил он, обращаясь к Ульдисиану.- Они были мокрые, словно только что из воды. Ты хотел, чтобы мы отошли подальше от моста и реки. Я бы сказал, что это всё ещё неплохая идея.

Они больше не стали тратить времени. Ахилий разведал местность впереди и указал место, где, по его мнению, уже не стали бы охотиться рептилии. Даже тогда Ульдисиан настоял, чтобы они продвинулись ещё чуть дальше, несмотря на темноту.

Ахилий указал ещё одно место. Удовлетворённые наконец, они снова остановились. Пока Мендельн и Ульдисиан собирали топливо для костра, охотник и Серентия начали разделывать и готовить мясо.

-Не уходи далеко от лагеря,- напомнил Ульдисиан своему брату, когда они ушли; – состояние Мендельна беспокоило его.

-Я буду осторожен. Ты тоже постарайся.

Хотя вокруг было множество деревьев, найти подходящий хворост было не так-то легко. Растительная жизнь непрестанно подпитывалась влагой. Ульдисиан собрал, что мог, опасаясь в процессе, как бы паразиты или животные, скрывающиеся в кустах, не приняли его присутствие на свой счёт. К несчастью, в сложившихся условиях, Ульдисиан вскоре обнаружил, что сам нарушает собственный приказ держаться близко: поблизости просто не было достаточно топлива.

Из-за необходимости поиска дальше, Ульдисиан внимательно следил за своим положением относительно лагеря. Это подстегнуло его пройти ещё дальше, и постепенно кипа в его руках начала превращаться в нечто

стоящее.

Он услышал позади себя шелест ветвей. Зная о том, как далеко он зашёл, Ульдиссиан подумал, что это один из его друзей отправился на его поиски. Он повернулся...

И выронил хворост.

Чудище было вполовину его роста и более чем в два раза шире. Поначалу Ульдиссиан подумал, что это демон, ибо оно отдалённо напоминало человека: имело пару рук, пару ног, голову – но в остальном существо было таким странным, что было ясно, что оно не было рождено в этом мире.

И всё же, если это и был демон, то очень покорный. Вообще-то, хотя его лицо и было скрыто тенью ночи, Ульдиссиан каким-то образом мог чувствовать, что оно не лишено интеллекта, причём ведомого чем-то большим, чем просто жадой нанесения увечий и крови.

Великан легонько пошевелился, но его движение не вызвало беспокойства Ульдиссиана. В миг его совершения проступили новые детали. Грубо выточенное тело не могло напоминать ничего кроме дерева. В самом деле, одна конечность оканчивалась не лапой, но огромной шипастой дубиной, на ровной верхушке которой были высечены какие-то руны. Другая конечность была рукой, но обладала также широким, круто изогнутым наростом, который начинался возле локтя и казался человеку живым щитом.

На голове, словно крылья летучей мыши, высились рога, низкие и широкие, очень корявые. Ульдиссиан не мог обнаружить ни рта, ни носа, а на месте глаз были глубокие щёлки.

Чудище направилось к нему на удивление неспешным шагом, и его походка не порождала ни звука. Ульдиссиан догадался, что шелест, который он слышал ранее, был произведён намеренно. Существо хотело подготовить его к встрече с ним.

-Ты... Это ты преследовал нас?- наконец спросил Ульдиссиан.

Фигура не отвечала. Вместо этого она поразительно изящным движением преклонила одно колено перед человеком.

В этот миг голос Ахилия донёсся со стороны лагеря:

-Ульдиссиан! Где ты? Ульдиссиан...

Он посмотрел в сторону, откуда раздавался голос. Вскоре появился лучник.

-Мне что, каждый раз придётся ходить за тобой, когда ты отходишь от лагеря?- спросил Ахилий весело.

Ульдиссиан остолбенел от такого простого вопроса в присутствии столь поразительного существа, как обитатель джунглей. Он повернулся к существу, чтобы посмотреть его реакцию... И понял, почему Ахилий так вёл себя. Чудище исчезло, словно его никогда здесь и не было.

Охотник заметил его напряжение, и вся весёлость исчезла.

-Что такое?

-Это... Он... - да, почему-то Ульдиссиан знал, что его визитёр был мужского пола, - ...был здесь.

-Что... То, что выслеживает нас?- Ахилий начал приготавливать лук, но Ульдиссиан быстро остановил его.

-Он не желает вреда. Он... Встал на колено здесь.

-Перед тобой?

Ульдиссиан хотел опровергнуть это, но в итоге кивнул.

-Он склонил колено передо мной, - фермер быстро объяснил, как было дело, бегло обрисовал создание. - А потом, когда я посмотрел в твоём направлении, он просто исчез.

-Что говорит о том, что именно *тебя* он хотел увидеть, дружище. Тебя.

-Возможно, он вообще никогда не видел людей, вот и всё. Это мог бы быть Мендельн или ты. С тех пор, как Малик воспользовался ей, Серентия обычно не покидает лагеря.

Его товарищ видел всё иначе.

-У него было множество возможностей увидеть меня, особенно в тот первый раз. И Мендельна тоже. Он хотел увидеть тебя, Ульдисиан. Ты должен принять это.

-У него нет на то причин.

Ахилий повернулся в сторону лагеря, но, хотя он двигался обыкновенно, лук оставался у него в руках.

-Это только тебе так кажется Ульдисиан, только тебе...

Несмотря на то, что их необычный ночной визитёр не выказал никакой враждебности, Ульдисиан плохо отдохнул. Он ожидал, что другие странные создания последуют по следам первого, и у некоторых из них непременно будут злые намерения. И всё же день наступил без передрыг. Группа съела оставшееся мясо и выступила вновь.

-Как далеко регион Тораджи теперь?- спросил он брата, когда они ехали.

-Ещё несколько дней пути,- ответил Мендельн. Больше он ничего не сказал, и Ульдисиан подался в седле назад. Он уже устал от джунглей и ещё больше устал от себя самого.

Маленькие создания скакали по веткам; некоторых из них узнать было нетрудно, другие были такими же невиданными, как чудище. Тем не менее, Ульдисиан чувствовал, что это всего лишь животные, а не какие-нибудь загадочные разумные существа вроде того, которое встретилось с ним.

Что означала эта встреча? Он отказывался верить, что Ахилий прав. В Ульдисиане не было ничего. Он был шарлатаном, посмешищем.

С этими мыслями он ехал остаток дня и начало ночи. Они путешествовали допоздна, и Ахилию понадобилось время, чтобы найти достаточно просторную поляну, где они могли поспать.

У Ульдисиана не было желания покидать безопасный лагерь, но, как всегда, от него и остальных требовался сбор топлива для костра. На этот раз он попытался держаться близко, но найти удавалось немного, и снова ему пришлось расширить поиски.

С растущим беспокойством Ульдисиан собирал одну ветку за другой. Он ожидал, что вот-вот великан объявится перед ним, но из чего-то подобного ему пока встретила только рассерженная лягушка размером с его голову, выпрыгнувшая из-под сухого сука, который Ульдисиан только что подобрал.

Ульдисиан вернулся с полной охапкой и с настроением чернее ночи. Он немного поел от новой добычи Ахилия – чего-то вроде огромного кролика – затем забылся тревожным сном, пока рука не разбудила его.

Думая, что это чудище, Ульдисиан отпрянул. Но это был всего лишь охотник, поднимающий его на караул.

-Эй, полегче!- пробурчал Ахилий.- Ты уверен, что хочешь занять пост?

-Да, пойду похожу.

-Ну, как скажешь.

Ульдисиан схватил свой меч и пошёл к краю лагеря. Это был его метод: он смотрел с одной выгодной позиции, затем, спустя несколько минут, переходил на другую. Это также помогало сохранять бдительность.

Время, тем не менее, делало своё дело. Когда он уже был уверен, что не осмелится стоять на часах ни минуты больше, Ульдисиан вложил меч в ножны и пошёл будить Мендельна, очередь которого настала. После Мендельна придёт черёд Серентии, а потом снова Ахилия, если будет нужно. Трое мужчин разделили бы ночь между собой, но Серентия настояла, указывая на то, что она так же умело обращается с мечом, как и они... Часть обучения, проведённая по настоянию её покойного отца.

Ульдисиан подошёл к месту его брата... Но Мендельна там не было. В этом не было ничего необычного: видно, отошёл по нужде. Он стал ждать, зная, что много времени не понадобится.

Но прошло несколько минут, а Мендельна всё не было.

Ульдисиан пытался убедить себя, что нужно подождать ещё немного, но немного проходило, а брат всё не возвращался. Ульдисиан посмотрел на землю и различил единственный след. Не желая беспокоить остальных, он достал оружие и пошёл по следу.

Путь был непростым. Ветки постоянно цепляли. Дважды Ульдисиан шёпотом звал Мендельна, оба раза

безуспешно.

С ускорившимся стуком сердца Ульдиссиан удвоил шаг. Мендельн *должен* был пройти этим путём.

Лёгкий звук сбоку заставил его остановиться. Когда звук повторился, Ульдиссиан повернулся на него. Это мог быть его брат, но могло и что-то более зловещее.

Или... Это снова могло быть существо.

Несмотря на опасность, Ульдиссиан двинулся вперёд. Мендельн был где-то здесь – это было самым главным. Если это существо, то возможно даже, что оно может помочь. Мысль была нелепой, но всё же Ульдиссиан знал, что, если он наткнётся на жителя джунглей, он *попросит* его о помощи.

Немного с другой стороны послышалось движение. Ульдиссиан замер. Миг спустя раздался шум с третьей стороны.

Что бы ни скрывалось здесь, их было больше одного.

Образы морлу встали у него перед глазами. Ульдиссиан подумал об отступлении в лагерь, но уже было слишком поздно. Он услышал признаки активности в джунглях, и все они сходились к его местоположению.

Тёмная форма промелькнула среди деревьев, потом другая и третья. Низко пригнувшись, Ульдиссиан примкнул к последней. Несмотря на свои неудачи, он не собирался просто стоять и ждать, когда злодеи убьют его и его товарищей. Даже если он сможет убить одного, это будет небольшая победа... А о большем Ульдиссиан и не мог просить.

Тёмная фигура помогла ему, меняя направление. Когда фигура приблизилась, Ульдиссиан заметил, что голова лишена чудовищного бараньего шлема inferнальных миньонов Храма.

Значит, надзиратели мира. Или может даже инквизиторы. Собор Света был подозрительно тих в последнее время, тогда как Ульдиссиан был уверен, что он всё ещё интересуется их.

Его противник теперь был так близко, что он мог слышать его учащённое дыхание. На самом деле, не зная Ульдиссиан так хорошо, с кем имеет дело, он бы мог поклясться, что воин дышит нервно и немного напуган.

Получая от этого мрачное удовлетворение, Ульдиссиан маневрировал вокруг фигуры. Ещё немного, и они поравняются.

Тёмная форма внезапно снова изменила направление, на этот раз ринувшись прямо туда, где скрывался Ульдиссиан.

Не в силах больше ждать, сын Диомеда прыгнул на неё. То, что подразумевалось как быстрый смертоносный рывок, совершенно провалилось: его враг избежал его, случайно ступив в сторону. Двое мужчин сплелись друг с другом. Они одновременно выронили оружие. Ульдиссиан ругнулся, зная, что эта потеря сильнее скажется на нём, чем на противнике. Он окружён врагами, его небольшой шанс прорваться и спастись упущен.

Он стал бороться с удвоенным рвением. Исключительно благодаря физической силе он умудрился оказаться наверху. Его ладони обвилились вокруг горла стражника.

Но прежде чем Ульдиссиан успел возродить надежду, другая пара рук оторвала его от жертвы. Ему связали руки за спиной. Участок наполнился вооружёнными фигурами.

Кто-то принёс факел. Его сунули к его лицу – без сомнения с тем, что установить его личность во благо какого-нибудь священника какой-нибудь секты.

-Это он!- провозгласил грубый голос.

Ульдиссиан ждал, что его закуют в кандалы... Но вместо этого ему развязали руки. Фигуры вокруг него сделали шаг назад.

И, один за другим, они встали на колени, все, за исключением факельщика. Мужчина поднёс пламя ближе к своему собственному лицу, глядя на Ульдиссиана.

-Хвала небесам! Я нашёл тебя, о Святой!- выпалил Ромий.

Глава двадцать первая

Мендельна разбудило чувство, будто кто-то зовёт его по имени. Поначалу он подумал, что это его брат, и это заставило его встать и оглядеться. Но когда Мендельн не обнаружил никаких признаков Ульдиссиана, он заподозрил неладное.

Затем голос снова позвал его.

«Сюда...- манил он.- Сюда».

Откуда-то он знал, в каком именно направлении нужно идти. Мендельн не колебался ни минуты. Он уже достиг в своём положении той стадии, когда перестал бояться. Очарование теперь руководило им.

Убедившись, что никто не видит его, он проскользнул в джунгли. Удивительное дело, но Мендельн гораздо больше чувствовал себя дома здесь, чем когда-либо в Сераме. Словно это было сокровенное место, о котором брат Ульдиссиана не помнил до сих пор.

Действуя с обычно отсутствующим проворством, Мендельн углублялся в джунгли. Голос продолжал подзывать его, указывая ему, куда поворачивать. Он следовал его указаниям без тени сомнения.

Насекомые держались от него подальше, как они и делали практически с тех самых пор, как он и его товарищи вступили в заросли. Они быстро ощутили перемену в нём, *инакость*, которую Мендельн только начинал понимать.

Несмотря на темноту, он видел без труда. Да, всё вокруг покрывали тени, но его зрение было острее, чем когда-либо. Действительно, кое-что Мендельн мог видеть даже лучше, чем среди бела дня. Окружение обладало большей определённой, большим своеобразием.

«Поворот... Поворот...» - командовал голос. Мендельн подчинился, сделал несколько шагов и стал ждать.

Но голос больше не давал указаний.

Хмурясь, он сделал ещё один шаг...

И вдруг перед ним вырос сверкающий обелиск, нетронутый беспросветной растительностью.

Он был почти в два раза выше Мендельна и, по его подозрению, был изготовлен из обсидиана. Мендельн в своё время восхищался образцами чёрного камня, которые Сайрус принёс ему от торговца, и чувствовал, что то, что стояло сейчас перед ним, не могло быть ничем иным.

Но его внимание привлёк не сам остроконечный обелиск, а то, что было высечено на его гранях.

Новые слова на древней системе письма.

Они шли от верха книзу, и, когда он смотрел на них, ему казалось, что они слабо светятся. Мендельн беззвучно произнёс их, как мог, узнав достаточно символов, чтобы создать смутное представление о значении остальных.

Он читал, и понимание его росло. Возбуждаясь, он просматривал первую грань снова и снова. Каждый раз сообщение становилось яснее. Выражение его лица всё больше походило на детское, ибо то, что было написано там, наполнило его благоговением.

Так Мендельн всё читал и читал...

Ульдиссиан смотрел на человека перед ним, не веря своим глазам. Ромий, преступник. Ромий, обращённый.

-Что... Что вы здесь делаете?- спросил Ульдиссиан. Его взгляд метнулся к нескольким лицам, какие можно было разглядеть. Он узнал большинство из них. Все они были из Парты.

-Когда мы обнаружили твоё исчезновение, о Святой, мы испугались худшего, особенно после того, что случилось

с мастером Этоном и его мальчиком! Никодем – хороший ловчий, и некоторые другие тоже! Мы как можно скорее отправились за тобой!- Ромий улыбнулся.- Но с тобой всё в порядке!

-Вам не нужно было идти за мной,- сказал Ульдиссиан.- Вы подвергаете себя опасности... А как же ваши семьи?

-Все мы пошли по доброй воле,- ответил кто-то.- И наши семьи, понятное дело, тоже с нами! Мы бы ни за что не оставили их! Разве не так?

Раздался гул одобрения. Ульдиссиан начал замечать, что фигуры позади тёмной толпы не такого крупного сложения. Некоторые были откровенно малы. Они и не подумал, что это могли быть женщины или, раз уж на то пошло, дети.

Но зачем брать с собой семьи в такую отчаянную погоню?

Его стало подташнивать.

-Ромий, почему вы все здесь?

-Как же, чтобы ты научил нас ещё чему-нибудь, о Святой! Чтобы следовать твоим путём, куда бы он ни вёл тебя!- другие поддержали это заявление.

-Не зовите меня так!- выпалил Ульдиссиан.- Никогда!

Ромий склонил голову.

-Прощения просим, мастер Ульдиссиан! Совсем забыл!

Стиснув зубы, Ульдиссиан продолжил:

-Вы сорвали с места свои семьи, чтобы идти за мной? Вы с ума сошли?

Почти все разом они покачали головами. Он осматривал горожан, зная, что его ярость почти не трогает их. Они были совершенными безумцами и не могли видеть правды.

Но раз стало ясно, что ничего не остаётся кроме как учить их, они скоро придут в себя... И тогда они сами разгневаются на него.

Мендельн всё ещё волновал Ульдиссиана, но сначала нужно было разобраться с группой.

-Сколько вас всего, Ромий?

-Добрая четверть Парты стоит перед тобой, мастер Ульдиссиан, а остальные ждут от нас доброй весточки, чтобы присоединиться к нам!

Тошнота усилилась во сто крат. Почти не в силах думать, Ульдиссиан повернулся назад к лагерю.

-Следуйте за мной.

-Всегда,- пробормотал Ромий.

Уже жалея о своём выборе слов, сын Диомеда пошёл прочь. Позади него слышалось шарканье множества ног, шелест травы и веток.

Когда он подошёл к краю лагеря, Ахилий напряжённо ждал со стрелой и луком наготове. На его лице отразилась борьба чувств, когда он увидел, кто идёт по следам его друга.

-Что ты там нашёл? Армию?

-Партанцы... Или, по крайней мере, добрая их часть.

Ахилий оглядывал одного новоприбывшего за другим.

-Там хоть кто-нибудь остался?

-Совсем немного,- Ульдиссиан огляделся.- Где Мендельн?

-Я думал, он с тобой.

-Я видела, как он поднялся,- раздался высокий голос Серентии со стороны костра. Она тоже смотрела на партанцев в изумлении.- Но я почти тут же снова уснула.

Не это хотел услышать Ульдисиан.

-Он уже далеко забрёл. Мне нужно вернуться и отыскать его.

Придвинувшись ближе, лучник прошептал:

-Так почему бы не использовать эту толпу? Судя по обожанию на их лицах, предполагаю, что они пришли за тобой, и если ты попросишь их поохотиться на твоего брата, они послушаются!

-И половину из них съедят, а вторая половина попадёт в передрагу или подхватит какую-нибудь заразу! Они ничего не знают о джунглях!

-Мы тоже, но мы всё равно решились сюда пойти.

Пока они спорили, всё больше людей заполняло маленькую поляну. Женщины и дети теперь были видны совершенно ясно, они придвинулись ближе в единственному костру. Кто-то из мужчин пошёл собирать древесину, чтобы обеспечить кострами все их ряды.

Ряды, которые всё прибывали.

-Ты уверен, что это только часть города?- спросил Ахилий.

-Был уверен до сих пор...- Ульдисиан заметил Барту и её сына. Женщина улыбнулась, затем наклонилась, чтобы указать на своего ребёнка. Мальчик приветливо помахал. Ульдисиан не мог не помахать в ответ, но на сердце у него стало тяжелее. Их вера основывалась на лжи.

Ромий снова подошёл к нему. В нём не было и следа недоверия и антипатии человека, которого Ульдисиан впервые увидел вдалеке на площади Парты.

-Мастер Ульдисиан, будет ли им позволительно приготовить еду и расчистить больше земли?

-У вас есть еда?- он молил про себя, чтобы они не ожидали от него, что он каким-то магическим образом предоставит им что-либо.

-О да! Мы знали, что нам, возможно, придётся проделать немалый путь, прежде чем настигнуть тебя! Лошади с мешками придут с минуты на минуту.

И верно, в придачу к толпе людей много тяжело нагруженных лошадей уже показалось в поле видимости. Ульдисиан с трудом верил своим глазам. Как такая большая группа могла собраться так быстро и так удачно проследовать за ним?

«И все они ждут, что ты подаришь им мир,- возникла мысль.- Они все ждут, что ты научишь их, как стать более могучими, чем кланы магов...»

Безмерность того, что он должен был сделать, – особенно если учесть, что он был совершенно не в силах сделать это, – поразила Ульдисиана так сильно, что он отвернулся ото всех и, не говоря ни слова, отправился в джунгли. Естественно, далеко он не пошёл – лишь до тех мест, где мог найти покой.

Или хотя бы попытаться. Даже наедине с собой Ульдисиан не мог отделаться от чувств поражения и полнейшего позора. Они ворвались в него с таким напором, которого он не ощущал никогда прежде. В своей голове он слышал голоса, которые говорили о нём с таким благоговением; снова видел восторженные лица, и старые, и молодые. Непрошено в памяти встал образ Барты: сын и его мать видели в нём некоего легендарного целителя, тогда как правда была в том, что дала новую жизнь ребёнку демонесса.

Лилия. Как бы она посмеялась над его положением. На самом деле, было очень даже вероятно, что она наблюдает за ним откуда-то, наслаждаясь его мучением и предвкушая хаос, который возникнет, когда партанцы узнают горькую правду о нём. Лилия назвала его *ничем*, и он видел, что её слова с каждым преходящим мгновением всё больше становятся правдой.

Быть может, искушительница даже исподволь побуждала горожан идти этим глупым путём, нащёптывая в их уши, что они должны следовать. Это бы объяснило их быстрый и уверенный переход. Как ещё показать глубину этого падения, кроме как свести все части воедино? Он снова недооценил её возмездие.

-Ты получила, что хотела!- крикнул Ульдисиан во тьму.- Теперь оставь меня!

Конечно же, никто не ответил. Он и не ожидал. Она хотела, чтобы он был совершенно унижен, возможно, даже убит. Если Ульдисиана разорвут на куски его разъярённые последователи, Лилия просто найдёт себе новую марионетку.

«Ты думал, ты свергнешь властителей Санктуария. Ты думал, Храм и Собор света падут, и ты наконец сможешь избавиться от демонов прошлого».

Ульдисиан затрясся при мысли, что ещё раз подвёл своих ушедших любимых. Память о них будет осмеяна его неудачей. Когда люди будут вспоминать его семью, они будут делать это с проклятиями и злыми мыслями.

-Я только хотел помочь,- пробормотал сын Диомеда.- Только хотел, чтобы всё приобрело смысл...

В его как никогда расстроенном мозгу звуки, издаваемые ночными обитателями джунглей, превращались в насмешливый смех. Ульдисиан хотел уже развернуться и возвратиться в лагерь, но потом вспомнил, что он найдёт там. Он оглядывал тени вокруг себя, ища какой-нибудь выход.

«Это всё Храм». Поначалу мысль удивила Ульдисиана, но, немного подумав, он начал видеть смысл. Да, первым это предложил Малик, но теперь Ульдисиан стал обдумывать, что станет, если он добровольно пойдёт в главный храм и сдастся им. Больше не будет никакого бегства. Партанцы сначала разгневаются на него, когда обнаружат его двуличность, но потом они почувствуют, что справедливость восторжествовала. Ульдисиана не волновало, что тогда станет с ним; главное, что больше никто не пострадает.

«Возможно, даже будет лучше привести к Храму и партанцев. Дать им самим увидеть правду».

Ульдисиан поморщился. В каком же плачевном состоянии его разум, если он посмел даже подумать такое. Ульдисиан помотал головой, пытаясь прочистить её. То, что он хочет сделать с собой – это одно, а вот вести партанцев дальше под лживым предлогом... И уж конечно он не поведёт их в Храм.

И всё же, если Ульдисиан намеревается оборвать все связи с теми, кто идёт за ним, это нужно сделать как можно раньше. А меж тем, как только он вернётся в лагерь, они будут с ним денно и нощно. Не лучше ли будет, подумал Ульдисиан, если он вообще никогда туда не вернётся.

Вообще никогда не вернётся... Возможно, на этот раз это сработает.

Его ноги начали двигаться ещё до того, как разум зафиксировал действие. Ульдисиан раздвигал толстые ветви, пробираясь как можно быстрее сквозь джунгли. С одной стороны, он знал, что его побег был даже большим безумием, чем бегство из Парты, но с другой, он оставлял всех в неведении. Они не имели понятия, где искать, куда идти. Он бросил вызов лучшим их следопытам, – включая Ахилия, – продолжая идти на пятках среди этой густой растительности.

Но, продираясь в ночи, он начал думать, сколько он продержится без лошади. Во всяком случае, на лошади легче передвигаться через джунгли, и впереди наверняка будут более расчищенные пути, где всадник может быстро набрать темп. Если бы только он подумал взять одну с собой.

Но теперь всё казалось совсем безнадежным. Не способный больше ничего предпринять, чувствуя, что всё зависит от того, чтобы бежать и бежать, пока совсем не останется сил, Ульдисиан вслепую двигался сквозь джунгли. Он ожидал, что в любую минуту могут раздаться крики и начаться погоня...

Впереди крупная форма показалась среди растений.

Ульдисиан попытался замедлить бег, но земля была мягкой и влажной, и он потерял опору. Он споткнулся и упал лицом вперед.

Раздалось тяжёлое фыркание. Рыло тронуло его за плечо.

Протирая глаза от грязи, Ульдисиан лицезрел возвышающуюся над ним белую лошадь. Животное было осёдлано, и Ульдисиан мог лишь заключить, что один из партанцев, пробираясь через джунгли, упустил его.

Хватая поводья, он стал приговаривать лошади, заверяя её, что не представляет угрозы. Животное было искренне радо встрече с ним – неизвестная местность без сомнения встревожила его не на шутку.

Думая о своей удаче, Ульдисиан начал взбираться на лошадь.

-Нет! Держись от него подальше!

Голос напугал Ульдиссиана, его нога соскользнула. Лошадь сильно фыркнула, словно недовольная прерыванием. Она пошла прочь от звука голоса, таща Ульдиссиана, – который всё ещё держал поводья, – за собой.

-Полегче! Полегче!- заставив животное остановиться, Ульдиссиан повернулся к тому, кто говорил.

Лицо было таким бледным, что даже в темноте джунглей он мог различить некоторые детали. Фигура направилась к нему поспешно, но в то же время плавно, словно чувствовала себя дома.

-Мендельн?- почему-то Ульдиссиан не мог быть вполне уверен, что видит своего брата. Это был Мендельн... И в то же время *не был*.

-Ульдиссиан...- голос Мендельна был низким и таким ровным, что старший брат снова подумал, уж не стоит ли перед ним иллюзия.- Ульдиссиан... Держись подальше от этого существа. Оно не то, чем кажется...

Единственным «существом» рядом с ним была лошадь, которая на вид и на ощупь без сомнения была тем, чем казалась. Он не мог сказать того же самого о фигуре, подходившей к нему. Снова пришли на ум воспоминания о нечестивых деяниях Малика.

-А ну, стой!- приказал он Мендельну.- Стой на месте!

-Ульдиссиан... Это я.

-Я не знаю этого...

В голове стучало. «Это не может быть он! Это не может быть Мендельн! Наверное, демон! Пусть подойдёт ближе. Нож... Используй нож, когда он приблизится...»

-Не слушай его,- как можно тише сказал Мендельн.- Я не понимаю, что он говорит тебе, но я знаю, что это какая-нибудь мерзость.

Ульдиссиан нахмурился. Стук усиливался с каждым ударом сердца.

-Кто? О ком ты говоришь?

-Да, ты не можешь видеть его истинную форму. Он опирается на твоё плечо, шепчет, как любовник, но даёт только ненависть. Я думаю, он знает её, Ульдиссиан, потому что очень на неё похож.

Её. В его голове это могло означать только одну личность.

-На Лилию?

-Да, так ты её называл. Помнишь, какой ты её увидел в итоге?

Ульдиссиан одно время думал, что никогда не забудет истинную форму Лилии, но теперь, как бы он ни пытался, не мог вспомнить.

-Я... Нет... Держись от меня подальше!

-Ульдиссиан... Это я. Мендельн, твой брат. Приглядиись внимательней. Загляни мне в глаза. Вспомни всё, через что мы прошли. Вспомни боль и страдание от эпидемии, которая забрала наших отца, мать, братьев и сестёр...

Пока фигура говорила это, её голос изменился. Он оставался тихим и ровным в целом, но в нём чувствовалась глубокая боль, которая находила отклик в душе Ульдиссиана.

Тогда он понял, что это *должен* был быть его брат, а не какой-нибудь демон, надевший кожу Мендельна.

Это заставило его отпустить поводья... Во всяком случае, Ульдиссиан *попытался* отпустить их. Его пальцы не могли разомкнуться. Вообще-то, раз уж на то пошло, они сомкнулись ещё плотнее, не слушаясь его воли.

Белый скакун фыркнул, затем снова начал пытаться оттащить его от Мендельна.

Брат произнёс что-то неразборчивое. Лошадь внезапно попятилась, издавая вопль, на который не способно никакое земное животное. Её тело изогнулось так, что хребет должен был переломиться надвое. При этом существо выглядело скорее разъярённым, чем страдающим от боли.

-Отпусти, Ульдиссиан! Потяни всей своей волей и освободись от повода!

Ульдиссиан немедленно последовал совету. Одна его рука продолжала держать поводья, даже когда взбешённая лошадь изогнулась так, словно была сделана из мягкого хлебопекарного теста. Её глаза сверкали красным и больше не имели зрачков. Грива её вздыбилась колючками. Несмотря на подпругу, существо встало на задние ноги, словно более привычное к этому положению.

Но его пальцы всё ещё не могли освободиться. Ульдиссиан тянул так рьяно, как только мог, напрягая все свои силы.

Затем ему пришло в голову, что Мендельн сказал ему. Младший брат использовал слово «воля», а не «сила». Мендельн был так конкретен...

Слегка расслабляясь, Ульдиссиан сосредоточился на том, что хочет освободиться от поводьев. Он сконцентрировался на пальцах, желая обрести контроль.

Хватка ослабла. Он немедленно завертел ладонью и высвободил её.

Когда он сделал это, чудовище рядом с ним потеряло всякое сходство с лошастью. Оно изменило форму, немного уменьшившись. Демонические черты тоже перевоплотились – по крайней мере, шипы стали волосами, а тело больше напоминало человеческое.

Перед ним стояла высокая благого вида фигура с ниспадающими серыми волосами и подрезанной бородой. Улыбаясь Ульдиссиану, она простёрла к нему руки.

-Ты доказал свою ценность, сын мой. Приди же и прими моё благословение за свои доблестные усилия.

-Кто... Кто ты такой?

-Ну конечно же, я – Примас, – он ослепительно улыбнулся. – Но ты можешь звать меня Люционом.

Ульдиссиан стоял, поражённый ужасом.

-Примас! Люцион!

Фигура кивнула.

-Да, Люцион... И я знаю, что демонесса Лилит распространяла обо мне ложные слухи.

-Лилит? Ты имеешь в виду *Лилию*?

-Лилит – её истинное имя, этого зла, старейшего, чем мир! Она – мать обмана, госпожа предательства! Ты действительно силен, раз сумел выжить после встречи с ней, сын мой.

Из-за спины Ульдиссиана Мендельн сказал:

-Осторожно, брат. Ложных образов может быть бесконечно много, когда в деле замешан он.

Прежде чем Ульдиссиан успел ответить, Примас мягко произнёс:

-Звучат ли его речи, как Мендельна, которого ты знаешь? Разве не заметил ты в нём тёмных изменений в последнее время? В мире больше демонов, чем одна Лилит, сын мой... И один из них простёр свою тень над твоим братом.

Ульдиссиан оглянулся.

-Мендельн?

-Я – всё ещё тот, кто я есть.

Что это означало, Ульдиссиан не знал. Он подумал обо всём, что, как он видел, происходило с его братом. Мендельн определённо изменился, но в лучшую или худшую сторону?

-Я не знаю тебя, демон, – сказал Люцион так, словно приходился Ульдиссиану дядюшкой-защитником. – Но твоё намерение ясно. Ты стараешься над душой этого драгоценного, прорываясь в неё через ближайшего и дражайшего ему. Этого нельзя допустить. Он под моей защитой.

-«Защитой»? – ответил Мендельн. – Точно так же, как Малик хотел защитить его своими заклинаниями, сдирающими кожу, и кровожадными морлу?

-Ах вот что. Малик. Я безмерно сожалею о его деяниях. Я не знал, что столь близкий мне соблазнён демонами. Я послал его, чтобы он пригласил Ульдиссиана уль-Диомеда посетить мой храм в качестве гостя. Чтобы ему воздали там честь, и только,- он подумал ещё немного и прибавил.- Морлу – порождения того, что называется Собором Света, а не Триединого. Должно быть, оттуда явился демон, который спутал бедного Малика.

В Примасе было что-то такое, от чего Ульдиссиану хотелось верить ему. Но при этом часть того, что он сказал, не звучала правдиво.

-Единственный демон стоит перед нами, Ульдиссиан,- упорствовал Мендельн, становясь между братом и Люционом.- Ты должен в это поверить.

Глава Триединого покачал головой:

-Его слова сильны, волшебство приукрасило их. Боюсь, что для твоего блага я должен убрать источник порока. Сочувствую твоей потере, Ульдиссиан, но выбора у меня нет.

Ульдиссиану понадобился миг, чтобы понять. Когда это случилось, он простёр руки, внезапно охваченный паникой.

-Нет! Мендельн...

Вокруг Примаса сформировался круг серебристого света и тут же устремился вперёд. Он прошёл там, где стоял Мендельн... Но вдруг оказалось, что брата Ульдиссиана *там* уже не было.

Ульдиссиан и Люцион вместе обозревали пустое место, потом Примас отметил:

-Берегись за своего брата, Ульдиссиан. Демон могущественен. Он унёс его отсюда. Будет лучше, если мы объединим усилия, одолеем его бок о бок...

-Нет,- Ульдиссиан не был уверен, что происходило с Мендельном, но он отказывался верить, что его брат стал сосудом зла. Он также отказывался верить в большую часть того, что Примас рассказал о Малике. Высший жрец был слишком твёрд, когда говорил о своём хозяине. Малик был преданным последователем, а не предателем Примаса.- Нет. Оставь меня.

-Дорогой брат Ульдиссиан...

Что-то надавило на мозг Ульдиссиана. Стиснув зубы, он отступил назад от сияющей фигуры.

-Оставь меня! Я не хочу ничего знать ни о тебе, ни о Соборе Света! Вообще ничего!

Он развернулся и пошёл. Ульдиссиан не был уверен, куда направляется, но знал откуда-то, что ему нужно быстро уйти прочь.

Позади него была вспышка света, какая, как он припомнил, только что была направлена на исчезнувшего Мендельна. Ульдиссиан побежал, но приготовился к неизбежному.

Сила, которая ударила его, была на удивление холодной. Он почувствовал, что его тело будто выворачивает наизнанку. Его ноги, его руки отказывались действовать: мускулы и кости словно размякли.

Ульдиссиан столкнулся с деревом и сполз на землю.

-Возможно, ты и вправду ничто, как сказала моя сестра,- с прискорбием заключил Люцион.- Возможно, нет ничего в Ульдиссиане уль-Диомеде.

У едва пребывающего в сознании Ульдиссиана звенело в ушах. Земля под ним внезапно сделалась далёкой. Смутно сын Диомеда осознал, что воспарил на несколько футов над ней.

-Мне следует проверить и перепроверить тебя, чтобы убедиться. Дать морлу поиграть собой. Уж они-то умеют пробудить желание выжить, что, в свою очередь, должно выявить силу нефалемов... Если она и вправду заложена в тебе.

-Ничего... Нет,- Ульдиссиан задыхался.- Я не угроза... Для тебя...

-И никогда ей не был, человек. Я – Люцион, сын *Мефисто*, величайшего из Первичных Зол! Кровь моего рода течёт в твоих венах, но она размыта пустой водицей инариевого племени!

Угол обзора Ульдиссиана менялся по мере того, как он подлетал к своему пленителю. Люцион всё ещё походил

на Примаса, но Ульдиссиан был почти уверен, что устрашающие виды, которые он мельком увидел в процессе превращения, были куда более близки к истине.

Что там Люцион сказал о Лилии... О *Лилит*? Что она была его... *Сестрой*?

-Да, проверить и перепроверить тебя, чтобы не было ошибки,- повторил демон. Он улыбнулся; его лицо было человеческим, но острые зубы и раздвоенный язык – нет.- Если ты не проявишь себя... Тогда я просто скормлю тебя морлу... Живём, разумеется.

И хотя Люцион продолжал улыбаться, Ульдиссиан знал, что он отнюдь не шутит.

Глава двадцать вторая

Ахилий не раздумывая дал Ульдисиану уйти, ведая о том, под каким несметным давлением находится его друг. Лучнику хватало забот и от прибытия большого числа людей. Он был поражён их преданностью, пусть это и была преданность человеку, которому Ахилий и сам доверил бы собственную жизнь.

Его размышления были прерваны Серентией, которая затаила дыхание и повернулась в направлении, в котором он в последний раз видел Ульдисиана. Не успела она этого сделать, как он тоже почувствовал, что происходит нечто ужасное.

Нечто с участием Ульдисиана и Мендельна.

«Оставайся здесь!» - крикнул он ей. Ринувшись мимо напуганных горожан, лучник приготавливал лук. Он знал, что джунгли таили даже более ухищрённую живность, чем его родной лес, но всё, о чём он просил, был один меткий выстрел. Этого бы хватило.

Если только, конечно, ещё не было слишком поздно.

-Я хотел сделать это тихо, с глазу на глаз, чтобы остальные, кто заинтересован в нефалемах, ничего не заметили,- сообщил Люцион своему беспомощному пленнику.- А заинтересованных так много, представь себе. Кроме того, всё, в чём заинтересована моя сестра, само по себе заслуживает такой предосторожности.

Его глаза больше не были человеческими и очень живо напоминали Ульдисиану Лилит. Они снова и снова оценивали фермера, ища то, чего, по собственным ощущениям Ульдисиана, в нём не было.

-Она хитроумна, её разум словно лабиринт. Я не очень-то расстроился, когда столетия спустя узнал, что ангел забросил её в бесконечную пустоту без надежды на возвращение,- он рассмеялся.- Ну, «без надежды» – это относительно, когда идёт речь о ней. Инарию следовало бы это знать. Ему следовало убить её, но представители его рода всегда были такие сентиментальные.

Внезапно раздался треск, и волна синей энергии поглотила Ульдисиана. Он закричал, но звук был заглушен. Если это о чём-то и говорило Люциону, то виду он не подал. Вместо этого демон кивнул сам себе и сказал:

-Осталось только выяснить про твоего брата и то, что нависло над *ним*. Я солгал о многом, но не об этом. Что-то демоническое висит над ним... И одновременно что-то ещё. Возможно, я изучу вас обоих. Что скажешь?

-Будь ты проклят!

-Вот спасибо, а я уже. Мы можем идти?

Люцион улыбнулся, и мир вокруг Ульдисиана затуманился и утратил твёрдые очертания. Где-то на заднем плане стали проступать неясные формы интерьера какого-то огромного сооружения – главного храма, предположил ошеломлённый Ульдисиан.

И в этот самый миг – сцена осветилась энергией, окружающей Ульдисиана, – оперённая стрела ударила Примаса прямо в горло.

Сильной отдачей голову Люциона толкнуло назад. Кровь хлынула из безобразной раны. Головка стрелы засела так глубоко, что Ульдисиан удивился, почему она не вышла сзади.

-Ульдисиан!- крикнул Ахилий.- Попытайся освободиться!

Он пытался проделать именно это с того самого момента, как был пойман, но все попытки венчались болезненной неудачей. Ульдисиан снова попробовал последовать совету Мендельна, но тщетно. Он подумал, что тогда удалось вырваться благодаря случаю и той силе, какой владел его брат. Снова застучали в голове слова Лилии. Он был ничем... Ничем...

Свист ознаменовал очередную стрелу, летящую в Люциона. Зная умение Ахилия, Ульдисиан не сомневался, что она попадёт точно туда, куда целился лучник.

Но в последнюю секунду Люцион поймал стрелу в каком-нибудь дюйме от своей груди. Он с лёгкостью разломил её надвое и, уронив половинки, потянулся к той, что застряла у него в горле.

Примас потянул за стрелу. С жутким причмокиванием она вышла. Он вдохнул, и кровь, хлеставшая из раны, повернула назад, а затем рана вовсе затянулась.

Откуда-то слева от Ульдиссиана Ахилий ругнулся и проревел: «Только не снова!».

Люцион рассматривал кровь, оставшуюся на кончике стрелы. Его язык вылез и слизнул красную жидкость, оставив стрелу идеально чистой. Отбросив древко в сторону, демон усмехнулся.

- Можешь метко стрелять даже среди ночи, из лука, зачарованного на промах! Хороший морлу из тебя выйдет, - сказал он. - Не желаешь ли присоединиться к нам?

Примас сделал манящий жест. Ахилий забурчал. Ульдиссиан услышал шарканье ног и понял, что охотника влекут вперёд.

- Я сотни лет не разминался так, - насмеялся их пленитель. - Я и забыл, как это прекрасно – делать всё самому, а не полагаться на ненадёжных смертных...

Тут вдруг в него полетел другой снаряд. Тем не менее, там, где смогла пролететь стрела Ахилия, этот снаряд – это был камень – отскочил назад, наткнувшись на что-то вроде невидимого щита вокруг Люциона.

Правда, это не остановило лавину новых камней, кусков древесины и других неразличимых предметов. Многие из них летели совсем мимо, но некоторые ударили бы цель, если бы не та же сила, которая отразила первый камень.

И отовсюду из джунглей вышли люди Парты под предводительством дочери Сайруса и полностью окружили троицу.

- Отпусти его! - прокричала Серентия. - Отпусти их обоих!

Остальные подхватили крик, среди самых громких был и Ромий. Горожане размахивали грубо изготовленными копьями, топорами и вилами – оружием обычных людей. Ещё несколько предметов полетело в Примаса – с тем же успехом.

Впервые нечто, отличное от высокомерия, проявилось в облике демона. Он озирает толпу с величайшим интересом.

- Печатляет! - выдал Люцион. - Я не чувствовал их приближения до тех самых пор, пока в меня не полетел первый камень! - он снова посмотрел на Ульдиссиана. - Мог это быть ты... Или, может быть, твой брат? - глаза сузились. - Нет, наверное, это всё-таки ты, пешка моей сестры! Я чувствую взаимосвязь между ими *всеми*, но исходит она... Да, это имеет смысл... Это происходит из-за... - Люцион задумался.

Видно, посчитав это за неуверенность, Ромий издал боевой клич и повёл за собой вперёд нескольких товарищей.

Люцион в изумлении глядел на подходящих противников.

Земля вокруг него взорвалась. Люди, деревья, грязь – ничто не уцелело. Взрыв исковеркал джунгли на несколько ярдов вокруг. В воздухе повисли крики, ночь вдруг сделалась ослепительно яркой.

За себя Ульдиссиан не боялся, не только потому, что он лучше бы сейчас умер, но и потому, что демон сохранял его в безопасности. Но только его, и его сердце сжалось при мысли, что станет с теми, кто оказался здесь из-за него.

Казалось, это никогда не кончится, и в то же время в действительности заклинание Люциона продлилось не более мгновения. Когда всё было кончено, в радиусе двадцати шагов не было ни деревца, а земля не только покрылась трещинами, но из них исходило пламенное свечение, словно в процессе демон призвал ярость мира. В джунглях всегда было жарко и влажно, но теперь воздух словно горел.

- Почувствуйте, что вас ждёт, - произнёс Люцион, ни к кому конкретному не обращаясь, - когда этот мир будет переделан по нашему лекалу.

Раздались стоны. Ульдиссиан почувствовал запах чего-то ужасного, чего он не чувствовал со смерти его родных. Едкое зловоние жжёных трупов. Но это были не жертвы эпидемии, чьи тела были сожжены, чтобы уберечь живых; это были невинные жители, которые погибли только из-за того, что поверили наивным обещаниям Ульдиссиана.

Что-то тесно сжалось внутри него. Превозмогающий клубок чувств накрыл Ульдиссиана с головой. Он заново пережил каждую ошибку, каждое бедствие. С мучительным криком Ульдиссиан попытался освободиться.

Попытался... Но снова безуспешно.

-Вижу, тебе не терпится вернуться в Храм точно так же, как мне,- подсмеялся Люцион. Возвышающаяся фигура озирала побоище, которое учинила. Полыхающие трещины в земле освещали его пугающе совершенное лицо.- И раз здесь на самом деле не осталось ничего ценного, то мы уже можем идти, как думаешь?

Но когда он это произнёс, ещё одна стрела ударила ему в грудь. Тем не менее, в отличие от первой, эта отскочила без видимого эффекта.

Уголкем глаза Ульдиссиан увидел, что Ахилий готовит следующую стрелу. Совершая это, лучник не сводил глаз с демона.

Люцион осклабился.

-Я же сказал, что из тебя выйдет превосходный морлу, но для этого ты должен умереть.

Ахилий выстрелил.

-И ты умрёшь,- продолжила его цель.

На полпути стрела развернулась. Ахилий отступил назад, прикрываясь одной рукой...

Стрела пробила ему горло, точно там, где она ударила демона... Но если Люцион был демоном, то Ахилий – простым смертным.

Крик прокатился по обезображенным джунглям. Правда, издал его не охотник, а Серентия. Когда Ахилий нескладной кучей повалился на землю, дочь Сайруса подбежала к нему. Она поймала его как раз до того, как его голова ударилась о поваленное дерево.

-О, Ахилий, нет! Нет!

Мужчина в её руках ничего ей не сказал, его взгляд был пустым. Он умер мгновенно, но не благодаря хоть какой-то доброте со стороны Люциона.

Теперь Примас протянул руку к Серентии.

-Как изумительно! Подойди ко мне, моя дорогая. Дай мне утешить тебя.

Она пыталась удержать Ахилия, пока волшебство демона тянуло её. Сила Люциона потянула её через струящиеся расплавленные дыры и клочковатые комья выжженной земли. В конце концов Серентия уже была не в силах сохранять хватку, и безвольное тело охотника осталось позади.

Конец был близок. Унижение Ульдиссиана повлекло за собой смерти его друзей и брата – он предполагал, что Мендельна больше не было, иначе где он *был*? – и Серентия тоже, как и он, стала жертвой иного рода.

Всё могло быть иначе, если бы сила, которой он думал, что владел, оказалась настоящей. Тогда Ульдиссиан мог хотя бы попытаться выстоять, возможно, уберечь своих друзей от разделения его участи. Но он не был угрозой для Люциона. Он был ничем... Ничем...

Его взгляд перебежал с доведённой до отчаяния Серентии к телу Ахилия и назад. Они сражались за него не однажды. Они верили в него, как верили и многие другие.

Один из партанцев вдруг подбежал помочь дочери Сайруса. Ромий, с лицом, изуродованным сильнее, чем когда-либо прежде, схватил её обожжёнными руками. Другой партанец присоединился к нему, затем ещё один. Их совместный вес замедлил, но не остановил её продвижения. Люцион смеялся над их нелепой выходкой.

Но пока он смеялся, ещё два десятка партанцев попытались снова атаковать его. На этот раз они были вооружены не простыми топорами и вилами.

Они использовали то, что иной бы описал как магию.

Вокруг Примаса воздух наполнился сильной энергией. Камни появились из ниоткуда. Древесный сук полетел в красивое лицо Люциона, но отскочил назад.

Среди сражающихся была Барта, на глазах которой виднелись слёзы, а рот скорбно скривился. Ульдиссиан с

волнением заметил, что нигде не видно её сына. Он молился о том, чтобы мальчик оказался где-нибудь позади, нетронутый.

-Здесь есть потенциал,- заметил Люцион, кивая своим атакующим в знак одобрения, несмотря на жалкие результаты.- Но я, пожалуй, предпочту опробовать одного, а затем натренировать остальных по его подобию. Меньше переучивать придётся!- он сказал последнее, мрачно глядя на партанцев.

Поверхность джунглей раскрылась вокруг группы Барты. Пылающая, расплавленная земля внизу поглотила её и нескольких других. Крики наполнили уши Ульдисиана...

-НЕТ!- он кричал из последних сил. Его веки плотно сжались, из-под них слёзы хлынули на лицо. Он забил кулаками по земле, повторяя свой скорбный крик.- НЕТ!

Ульдисиану понадобилась пара секунд, чтобы заметить, что все остальные вокруг затихли. Он обеспокоенно подумал, что резня, которую Люцион устроил ранее, показалась ничем по сравнению с тем, что произошло только что. Со слезами, всё ещё стекающими по его лицу, сын Диомеда открыл глаза.

К его удивлению, он лицезрел Барту и остальных нетронутыми. Стена некогда расплавленной земли поднялась вокруг них, но при этом она, очевидно, совершенно остыла, ибо один из партанцев начал пробивать путь наружу при помощи стоп и кулаков.

Ульдисиан возблагодарил это чудо, а потом увидел ещё два. Во-первых, Серентию, которая не двигалась более беспомощно по направлению к Люциону. Наоборот, Ромий и остальные даже теперь тащили её прочь.

Последние – и для него в некотором смысле самые ошеломляющие – чудеса касались его самого.

Ульдисиан больше не парил в воздухе. Он только сейчас сообразил, что колотил землю кулаками, что он приземлился.

Что он, а не Люцион, сделал так.

Лилит солгала Ульдисиану... Что не должно было удивлять его. Он предположил теперь, что у него не было никаких сил побороть её из-за того представления о ней, которое у него сложилось ранее. Она использовала это, чтобы ещё больше сломить его дух.

Ульдисиан заставил себя подняться на одно колено. Взгляд его стал страшен, когда он посмотрел на своего гонителя. Вероломство Люциона и Лилит перемешалось у него в голове, и это ещё более подогревало его решимость.

-Хватит,- произнёс некогда простой фермер, поднимаясь.- Хватит этого.

Примас больше не улыбался, и что-то в его лице сильнее, чем когда-либо прежде, намекало на его истинную, чудовищную сущность.

-Лучше тебе не провоцировать меня, смертный. Это добрая и благочинная наружность – оболочка, не более. Ты же не хочешь рассердить то, что скрывается под ней...

Качая головой, Ульдисиан ответил:

-Ты не понял, Примас... Люцион... Брат Лилит. Это тебе больше не следует провоцировать меня.

От услышанного демон зашёлся смехом, но Ульдисиан почти мог поклясться, что смех этот был напускным. У Люциона не было никаких причин уменьшать свой контроль над человеком. Ульдисиан освободил себя, и это означало, что его дар... Нет, *право по рождению*, как Лилит назвала его... Пронизало его, почти как тогда, когда он однажды в него поверил. Может, не такое сильное и не такое податливое, каким казалось раньше, но без сомнения Лилит солгала, когда сказала, что он – ничто без неё.

-А сейчас уходи,- резко предложил Ульдисиан.- Уходи сейчас или кончим всё на месте.

Люцион перестал смеяться.

Земля снова поднялась, на этот раз сосредотачиваясь вокруг Ульдисиана. Горячий пепел поднялся, скрывая его. Жгучая земля умывала тело. Когда земля раскрошилась, он стал погружаться в неё.

Ульдисиан сделал один упрямый шаг по направлению к неприятелю. Когда это удалось, он сделал следующий. Он не обращал внимания на пепел, на горячую, как огонь, землю... И поэтому они не причиняли ему вреда.

Задней мыслью Ульдиссиан почувствовал тех, кто пережил нападки демона, черпая силу из его возобновлённой уверенности. Целых и невредимых было гораздо больше, чем он мог надеяться. Это, в свою очередь, дало Ульдиссиану побуждающую силу сделать ещё один шаг, а потом ещё один.

И когда он преодолел половину дистанции, он к своему изумлению обнаружил, что Люцион сам бессознательно делает шаг *назад*.

-Примас, ты что, после всего не дашь мне своего благословения? Такого, какое твой прислужник Малик дал славному мастеру Этону, его сыну и другим?- изумление исчезло, уступая место отвращению.- Вроде бы ты дал добро на это...

-Я дам тебе своё благословение,- прохрипел демон, голос которого не только перестал быть интеллигентным, но и вовсе потерял человеческое звучание.- А потом... Я пообедаю твоими внутренностями и выпью твою кровь из чаши, изготовленной из твоего хрупкого черепа...

И пока он произносил это, видимость человечности спала. На Люциона было ужасно смотреть, тем более Ульдиссиану, которому демон, в конце концов, напоминал Лилит. Люцион был наполовину выше, чем демонесса и гораздо шире её, но тоже имел шипы, заменявшие волосы и проходившие по всей покрытой чешуёй спине. Но там, где у неё был один хвост, её проклятый брат имел *три*, все от корней до кончиков усеянные кинжалоподобными отростками длиннее ладони Ульдиссиана.

Люцион снова сделал шаг по направлению к нему, и тем самым выдал, что у него, как и у сестры, копыта на ногах. Ладони, правда, были другими: на каждой было более пяти пальцев, а когти напоминали барсучьи, но источали жидкость, которая наверняка была ядом.

Что касается лица, то только глаза были идентичными. Люцион, который разыгрывал красивого учёного священника, был чудовищем, чья голова больше всего напоминала жабью. Его рот был шире лба, и многие ряды зубов ждали Ульдиссиана. У брата Лилит не было носа и даже ноздрей, и подбородок так остро торчал посередине, что Ульдиссиан почти мог представить, что он используется в качестве оружия.

-Ну что?- проскрежетал демон и расплылся в улыбке в буквальном смысле до ушей... Последние были длинными и широкими, словно предназначались существу, даже крупнейшему, чем он.- Подойди, Ульдиссиан уль-Диомед... Я дам тебе благословение, будь уверен...

Но, хотя Люцион и был устрашающего вида, он больше не вселял страха в мужчину перед ним. Только ненависть почувствовал Ульдиссиан, ненависть от того, что подобному отродью позволялось существовать в его мире столь долго, что он успел очернить его. Несомненно, это неправильно – что такие, как Люцион, разгуливают по санктuariйским – да, так называется мир – землям...

-Так дай же его мне,- потребовал он от демона.- Дай его мне.

Почти в тот же миг Ульдиссиан почувствовал kloкoтaниe у себя в желудке, словно орган хотел выскочить наружу. Такое же ощущение затронуло лёгкие, а затем и сердце. Он не сомневался, что, если он позволит, то они все вырвутся из него.

Он подумал, а знает ли Люцион, какие ощущения вызывает заклинание. Может ли демон почувствовать то же самое?

И, словно его мысли сразу претворялись в действие, он увидел, что Люцион вдруг схватился за грудь. Демон казался оторопелым. В его встревоженном взгляде читалась боль.

Он уставился на человека. Бурность в теле Ульдиссиана прекратилась. В то же время пришёл в себя и Люцион.

-Маленькие проделки для маленьких существ...- зашипел демон.

Не видя причин отвечать, Ульдиссиан подошёл ещё ближе. Он не знал, что собирается делать, но было ясно, что нужно действовать, и действовать быстро.

Любопытное дело, но чем меньшее расстояние оставалось между ними, тем меньшей угрозой представлялся ему Люцион. Ульдиссиан чувствовал поток силы, прибавляемый к его собственному и исходящий, как он знал, от партанцев и Серентии. Они не только продолжали верить в него на протяжении всего этого, но как никогда были уверены, что он – тот, кем они всегда считали его.

Понимая и чувствуя благодарность за это, Ульдиссиан устремился на своего жуткого врага. Всё, что он делал сейчас, он делал ни в коей мере не для себя; он заботился лишь о тех, кто следовал за ним.

Его отважная атака ошеломила демона, но всего лишь на секунду. Когда они столкнулись, хвосты Люциона

метнулись вперёд, как скорпионы. Они били Ульдисиана в спину – в первую очередь в хребет – снова и снова, погружаясь вглубь его тела. Но каждый раз их отталкивало назад, и раны немедленно затягивались. Ульдисиан чувствовал некоторое неудобство и не более того.

Он ухитрился схватить один хвост и, несмотря на то, что шипы впились ему в ладонь, оторвать его. Демон издал вопль, в котором смешались ярость и боль. Ульдисиан с презрением отбросил в сторону придаток и потянулся за другим. Однако Люцион отдёргнул их – без сомнения, чтобы использовать тогда, когда уменьшится опасность их потерять.

-Ну и как она тебе, моя сестрица? – прошептал главный демон, когда они снова сцепились друг с другом. – Правда, она – всё, о чём ты мечтал? Кого ты всегда хотел? Все хотят Лилит, знаешь ли. Кроме тебя у неё столько любовников, но любила она только одного... О, нет, не тебя.

Ульдисиан позволил Люциону говорить. Боль от ложной любви Лилит всё ещё больно колола, но не настолько сильно, чтобы помешать ему сделать то, что он должен был сделать. Его заботило только то, как остановить своего жуткого врага.

-Она любила только раз, да... И звали его Инарием! Припоминаешь? Бормотала ли она это имя в кровати, когда ты был с ней? Лучше склониться передо мной, человек, чем перед *ним*! Уж он не будет так вежлив! Нет, совсем не будет... Ты будешь как ничто для него, просто ничто!

Ничто... Снова это слово. Всегда Ульдисиан будет ничем для этих созданий, как все люди были ничем для них.

«Хватит, – вдруг подумал он, – Я... Мы... Больше не будем ничем для таких, как он!»

-Я... Не... Склонюсь *ни перед кем*! – отвечивал Ульдисиан. Он схватил демона за горло. Что он ни должен сделать, делать это нужно сейчас. Чем дольше они сражаются, тем вероятнее, что Люцион найдёт какую-нибудь слабость, которую сможет использовать. – И уж тем более не перед тем, кто ничто для *меня*! – слова Лилит пришли внезапно, только теперь он увидел их *наоборот*. Он не был ничем; ничем *были* она и такие, как её брат. – Ты – *ничто*, Люцион, и большим ты быть не заслуживаешь!

Демон снова начал смеяться, но смех превратился в страшное удушье. Люцион схватился за руку, сжимающую его горло, но не потому, что Ульдисиан сильно сдавил. Вообще-то, человек взялся лишь с силой, достаточной, чтобы удержать противника на месте. Всепоглощающее чувство захлестнуло Ульдисиана – жажда увидеть, как его слова претворятся в жизнь.

-Ничто, Люцион... Ничто!

Ульдисиан заморгал. Бледный налёт покрыл демона. Резкие цвета его тела стали ослабевать, словно оно выцветало. Хвосты Люциона резко возобновили свои неистовые нападки, но теперь они даже не пронзали кожу человека. Вообще-то, несмотря на все свои усилия, хвосты ощущались, как лёгкое дуновение ветра... А вскоре и вообще – никак.

А потом Ульдисиан заметил, что может видеть участок джунглей *сквозь* демона. Это побудило его поднажать. Он не обращал никакого внимания на отчаянно скребущие когти Люциона, которые досаждали теперь не более чем укусы комара.

-Берегись, Ульдисиан уль-Диомед! – в конце концов закричал демон. – Она не закончила с тобой! Моя сестра не оставляет игрушку, пока не разделается с ней! Но я знаю её методы! Я могу помочь тебе! Я могу быть твоим проводником! Я буду кланяться тебе, называть тебя «хозяин»! Только послушай...

-Я не слышу ничего кроме криков обитателей джунглей, – ответил Ульдисиан, качая головой. – И шёпот ветра, который уже стихает. Больше *ничего*.

Рот Люциона двигался, но ни звука не исходило из него. Под пальцами Ульдисиана чешуя уступила место воздуху. Демон теперь был прозрачен. На его лице повисла безобразная маска страха, *ибо* он понимал и одновременно не понимал, что происходит. То, что делал Ульдисиан, было не под силу любому человеку... Но не нефаему.

И в конце концов демон стал тем, чем назвал его Ульдисиан... *Ничем*.

Сын Диомеда стоял на месте, пальцы всё ещё были согнуты так, словно сжимали горло. Медленно Ульдисиан разжал их, а потом осмотрел ладони, словно они могли раскрыть ему некую важную истину.

Запоздало он почувствовал, что кто-то осторожно подходит к нему сзади. Уже зная, кто там, Ульдисиан медленно повернулся. Даже тогда Ромий взвизгнул и отступил на несколько шагов назад.

-Прости меня, мастер Ульдиссиан! Я не задумывал ничего коварного, подходя к тебе так! Просто... Да, просто ты стоял там так неподвижно...

-Всё в порядке, Ромий. Всё в порядке.

-Всё кончено?- спросил партанец.- Демон мёртв?

-Нет... Его просто *нет*, вообще.

Ромий только ещё больше сконфузился.

Вздохнув, сын Диомеда сказал:

-Демон ушёл навсегда. Мы в порядке.

Однако, хотя Ульдиссиан и сказал это, сам он знал, что это совсем не так. Вокруг него, всё ещё освещённые трещинами в земле, лежали остатки джунглей и, что ещё хуже, тела слишком многих, кто пришёл сюда за ним. Тому, кого он мог увидеть, нельзя было помочь, но здесь были другие, кто ещё цеплялся за жизнь...

Не раздумывая, он миновал Ромия и подошёл к первому раненому. Лицо мужчины было смутно знакомо Ульдиссиану, но в остальном он знал его только как партанца. Но это было достаточно, и от одной мысли о том, как пострадала эта душа, по лицу Ульдиссиана, которое уже успело высохнуть, снова потекли слёзы.

Он склонился, чтобы придать лучшее положение раненному человеку... И мягкое свечение образовалось под его ладонями.

Партанец с шумом втянул воздух, его грудь надулась во всю ширь. Ульдиссиан чуть не убрал руку, но потом заметил, что синяки и порезы на лице мужчины стали уменьшаться в размерах. Плечо, которое болталось так, словно рука была отделена, похоже, стало поправляться.

Ульдиссиан держал ладони, пока все раны не исчезли и партанец не стал нормально дышать. Когда он поднялся, то заметил, что вокруг него сгрудились другие партанцы и смотрят на него с восторженным благоговением.

Потянувшись к одной женщине с кровоточащим шрамом на лице, Ульдиссиан повторил операцию. Когда он отнял руку, женщина тоже оказалась излечена.

И так он переходил от человека к человеку, от тех, кто окружал его, к тем, кто растянулся на земле. Ульдиссиан в первую очередь пытался помочь тем, кто более остальных нуждался в его помощи.

Как долго это продлилось, он понял только тогда, когда первые дневные лучи просочились сквозь густую листву.

Изнеможение наполнило Ульдиссиана, но в то же время и восторг. Он сумел помочь всем, кому мог, несмотря на заявления Лилит о его немогущности. Это взволновало его даже больше, чем победа над Люционом.

Но это волнение как ветром сдуло, когда он наконец наткнулся на Серентию. Она всё ещё баюкала голову Ахилия в своих руках. Ульдиссиан чуть не подошёл к ней во время своих ночных трудов, но он чувствовал себя виноватым, зная, что его друг умер, пытаясь выручить его. Хуже того, он знал, что поднять Ахилия он не в силах.

Рядом с ней стоял другой, кого он тоже почти считал мёртвым. Мендельн, такой же бледный, как мёртвый лучник, хмуρο стоял рядом с возлюбленными. Он посмотрел на своего брата, когда Ульдиссиан приблизился, и кивнул ему.

-Ты сделал это. Она солгала.

-Она солгала,- он начал спрашивать Мендельна о той роли, какую он сыграл в последнем действии, но Серентия избрала этот момент, чтобы посмотреть вверх на старшего брата.

-Ульдиссиан... Неужели ничего...

По правде говоря, он попытался один раз этой ночью проделать немыслимое – попытался и потерпел неудачу. Ульдиссиан не был уверен, что это плохо, пусть даже это и лишало надежды его друзей.

-Мне очень жаль. Ничего.

Она кивнула с пониманием, которое усилило боль её испытания.

Мендельн посмотрел за спину своего брата, туда, где партанцы складывали огромный костёр. Они, как и было у них заведено, готовились сжечь мёртвых.

-Им следует закопать их,- его взгляд сделался настойчивым, когда снова сфокусировался на паре.- По крайней мере, нам следует закопать Ахилия, вы не согласны?

Хотя и немного смущённый решительным выражением Мендельна, Ульдиссиан кивнул. Так было принято в Сераме, за исключением случаев, когда болезнь требовала иного решения.

Но это решение должен был принять не он.

-Выбор за тобой, Серри... Серентия.

Она не колебалась.

-Он бы предпочёл, чтобы его зарыли, – стать частью если не леса, то хотя бы джунглей.

Мендельн грустно улыбнулся.

-Я знаю место...

Братья несли Ахилия вдвоём, Серентия следовала за ними. Когда Ромий и некоторые другие захотели последовать за ними, Ульдиссиан запретил им. Это было личное дело.

Он позволил Мендельну вести. Проследовав некоторое время сквозь густые заросли, брат Ульдиссиана остановился в пышной местности, неподалёку от которой можно было услышать речной поток. Высокие, толстые и могучие деревья окружали область. Ульдиссиан чувствовал, что ощущение покоя наполняет место, и немедленно его одобрил. Серентия – тоже, зная, что выбор Мендельна будет правильным.

При помощи инструментов, одолженных у партанцев, братья выкопали могилу. Ульдиссиан подумал о том, чтобы посмотреть, что он сможет сделать при помощи своих способностей вместо рук, но потом подумал, что Ахилий заслужил больших усилий. Земля была мягкой и на удивление легко копалась. Вскоре они вырыли яму такой глубины, с которой падальщики ни за что не смогли бы достать тело.

Осторожно поместив туда тело охотника и забросав его землёй, сыны Диомеда и Серентия молча стояли. Не было произнесено ни слова, ибо слов не могло бы хватить в такой момент, по крайней мере, им. Их души разговаривали с усопшим, каждый по-своему прощался с ним.

Серентия была той, кто в конце концов разорвал заклинание: темноволосая женщина вдруг повернулась к Ульдиссиану и зарыдала у него на руках. Он держал её примерно так, как держал свою маленькую сестрёнку в последние дни её жизни.

Мендельн вежливо отвернулся, в то же время бормоча какие-то последние напутствия Ахилию.

А потом... Всё было кончено.

Глава двадцать третья

Партанцам потребовался остаток дня, чтобы разобраться со своими мёртвыми. Ульдиссиан и остальные, естественно, присутствовали при обрядах. Все смерти нанесли ему тяжёлый удар, но более всего – смерти тех, кого он знал.

Несмотря на его попытки спасти её, Ульдиссиан узнал, что Барта всё-таки погибла. Её сердце, разбитое смертью сына, не смогло пережить его потерю. Они обнаружили её бездыханной, баюкающей мальчика в своих руках. На их мёртвых лицах было выражение умиротворённости, дополняемое любовью между ними, которую всё ещё можно было проследить. Мальчик и его мать были положены на костёр вместе и сожжены как единое целое.

Когда они пропали в пламени, горечь Ульдиссиана вновь сменилась яростью. Яростью на Лилит, Люциона и таких, как Триединое и Собор, которых волновало только верховенство над всеми остальными любой ценой.

Ульдиссиан старался, как мог, но ему не удавалось утихомирить эту ярость. Ко времени, когда последнее тело было должным образом сожжено и день подошёл к концу, он знал, что существовал один верный курс действий, – курс, который не стоило откладывать на потом.

-Триединое должно быть свержено, Мендельн,- сказал он, когда они остались наедине.- Возможно, я сошёл с ума, раз думаю так, но я собираюсь сделать, что в моих силах, чтобы Храм рухнул. Они сделали слишком много для слишком многих из нас.

Он ожидал, что его брат станет отговаривать его, но Мендельн вместо этого только сказал:

-Если ты этого хочешь. Я всегда буду рядом с тобой, Ульдиссиан.

Ульдиссиан был благодарен, но не мог закончить на этом разговор.

-Мендельн... Мендельн... Что происходит с тобой?

В первый раз беспокойство промелькнуло в чертах лица его брата. Подавив эмоцию, Мендельн ответил:

-Я не знаю. Могу только сказать, что больше этого не боюсь... И если оно даст мне силы помогать тебе, я использую их.

Глядя в глаза своего брата, Ульдиссиан не увидел там обмана – только искренность. Он хотел потребовать больше от Мендельна, но видел, что никто из них ещё не готов говорить на этом базисе. Когда вместо этого он хлопнул Мендельна по плечу, лицо брата выразило облегчение и благодарность.

-Это всё, о чём я могу попросить,- сказал старший брат.- Это всё.

Он ожидал, что Серентия проклянет его даже за мысли о подобном плане – Ахилий уже заплатил за это цену – но смерть охотника, напротив, словно оживила дочь торговца. Когда Ульдиссиан сказал ей, что он решил, она не колеблясь согласилась.

-Мой отец умер из-за них. Ахилий, который так безрассудно любил меня и которого я любила так недолго, умер из-за них. Ты хочешь повергнуть Триединое... И Собор тоже... И я пойду с тобой, Ульдиссиан! Всё, о чём прошу,- это чтобы ты научил меня как можно большему, чтобы я смогла стоять в первых рядах битвы и отплатить им за то, что они сделали!

Её горячий ответ встревожил его, ибо Ульдиссиан не хотел, чтобы Серентия подвергала себя опасности и воссоединилась со своей утраченной любовью. Когда он сказал это, Серентия вдруг повернулась к оставшимся партанцам и прокричала:

-Ульдиссиан сказал своё слово! Триединое должно заплатить за всё это! Мы обрушим Храм! Кто с нами?

Наступил миг тишины, пока до Ромия и остальных доходил смысл сказанного... А затем решительные возгласы прорвали воздух.

-Долой Храм!

-Смерть Триединому!

-Кто-то должен позвать остальных!- прокричал бывший карманник. - Они захотят присоединиться к нам!

И так то, чтобы начиналось как маленькое замечание в голове Ульдиссиана, стало разрастаться, как снежный ком. Он глядел на плоды своих действий, с удивлением замечая, что он не сожалеет о рвении тех, кто с ним. Они не были его последователями, по его мнению, но спутниками, товарищами по страданию, которые имели такое же право требовать правосудия... Даже от демонов и других сил.

-Этот мир наш,- пробормотал он, его слова привлекли внимание кричащих. Они затихли, желая лучше его расслышать. - Мы – их дети! Наши жизни переплетены!- он колебался. - И, самое главное, мы – сами себе хозяева! Мы сами должны управлять своими жизнями, никто другой! Это такое же наше *право по рождению*, как и силы, растущие внутри нас! Наше право по рождению!

Возгласы возобновились. Ульдиссиан подождал немного, а потом поднял руки.

-Ромий!- позвал он. - Если ли ещё среди вас те, кто умеет хорошо идти по следу?

-Так, мастер Ульдиссиан... И если они не могут, я могу!

-Мы снимаемся с первыми лучами и идём к Торадже! Мендельн, приличных это размеров город?

Его брат подумал.

-Не Кеджан, конечно, но ничего. Да, это хорошее место для начала.

Он знал, что было на уме у Ульдиссиана. Чтобы сойтись лицом к лицу с Храмом, и очень даже вероятно, с Собором и магическими кланами, нужно обладать куда большим числом. У Ульдиссиана не было сомнений, что в Торадже найдутся те, кто прислушается к его предложению.

Будут там также те, кто станет противиться ему... И тогда Тораджа станет хорошим местом для его возвышения... Или местом, где его заруют в землю.

-Тогда идём в Тораджу,- сказал он остальным. - Всадники должны вернуться и сказать партизанам, которые желают их слушать, что они приглашены присоединиться к нам! Скажите им направляться сюда!

-Я доставлю сообщение сам, мастер Ульдиссиан!- ответил Ромий с возросшей решимостью. Ещё три человека издали возгласы с равным энтузиазмом.

-Значит, задание поручается вам, вам четверым. Остальные, помните! С первыми лучами!

Снова раздались одобрительные восклицания, подпитываемые образами впечатляющего перехода через весь мир с толпами охваченных энтузиазмом влившихся в их ряды новичков. Ульдиссиан дал им праздновать, зная, что всё очень даже может обернуться иначе.

Очень даже возможно, что их порешат ещё до того, как они достигнут ворот Тораджи.

-Они пойдут за тобой куда угодно,- заметил Мендельн.

-Даже в Пылающий Ад и в Высшее Небо?- ответил брат, припоминая сказочные места, о которых говорила Лилит. Он с трудом мог представить извечное противостояние между неземными созданиями, но ещё труднее было представить себя и подобных себе потенциальным кормом для стороны, которая одержит победу.

Мендельн кивнул:

-Даже туда... Если понадобится.

Он взглянул с сомнением, не уверенный, шутит Мендельн или нет. Определённо его брат никак не походил на шутника, во всяком случае, теперь.

Они дали партизанам как следует порадоваться. Пусть и не Пылающий Ад и Высшее Небо, будут по крайней мере ещё другие демоны в ещё большем изобилии здесь, в Санктуарии... Под верховенством Лилит. В одном Люцион был прав, у Ульдиссиана не было в том сомнений: она найдёт способ возвратиться в его жизнь... И тогда она попытается подчинить её либо *забрать* её.

Чего бы она ни желала, Ульдиссиан не боялся встретиться с ней. Она найдёт его гораздо дальше, чем думает. Многое благоприствует ей в их борьбе, но он будет готов.

-Моё право по рождению,- прошептал он. Затем, подумав об остальных здесь, Ульдиссиан поправил себя. - *Наше*

право по рождению. Наш мир, - его решимость ещё больше возматала, когда он думал об Ахилии и других, кто отошёл в мир иной без весомой причины. - Наша судьба.

-Да,- ответил Мендельн, расслышав Ульдиссиана, несмотря на то, как тиха была его речь. - Это и другое. Это и многое другое.

И, подумав об этом, Ульдиссиан не мог не согласиться с ним.

Неспокойность расползлась по главному храму Триединого. Мало кто понимал её, но все чувствовали. Высшие жрецы притворялись, будто всё идёт, как обычно, но те, кто видел их поближе, читали даже в их глазах оттенок беспокойства.

В уединённой святой святых Примаса демон Астрога забился глубоко в верхний угол, его тело было полностью скрыто от любого, кто мог войти. Вокруг него суеилось несколько восьминогих тварей; все они двигались с тревогой, которую он старался внешне не выражать.

Но к этой тревоге примешивались растущие размышления. Люцион не вернулся оттуда, куда уходил. Любое разумное время возврата уже миновало. Хотя сын Мефисто сказал кое-что по поводу того, куда он исчез, Астрога не принимал это так запросто. Он знал, что Люцион разглядел в этом человеке не просто потенциал для вступления в ряды морлу или любую другую силу в поддержку Триединого. Люцион был на грани невообразимого... Возможно, размышлял, не могут ли нефалемы возвысить его даже над отцом и другим Первичным Злом.

Так или иначе, Люцион не вернулся, и Астрога теперь обдумывал, какую можно извлечь из этого пользу. Возможно, он должен занять пост Примаса. Он должен руководить силой Триединого.

Да, в конце концов, этого точно нельзя поручать дуракам вроде Гулага. Гулаг был чистой хаотической силой; у него мозгов не хватало для руководства.

Внезапно он почувствовал присутствие в комнате кого-то другого. Он напрягся, готовый прыгнуть, если окажется, что это непрошенный гость. Астрога недавно поел, но он всегда был не прочь отвесть крови.

К его удивлению, это был тот, кого он не ожидал.

-Люцион вернулся,- объявил он. - И сделал Люцион то, что хотел?

-В некотором смысле – да, в некотором смысле – нет,- загадочно отвечал Примас. - Астрога?

Голос Люциона звучал почти, как если бы он не был уверен, с кем говорит, но этого быть не могло. Демон-паук решил не останавливаться на этой части разговора.

-Слышно ли что-то о ней? О Лилит?

После короткого момента тишины Примас кивнул:

-Кое-что, но я думаю, что некоторое время мы ничего о ней не услышим.

-Славно, славно...

Люцион положил руку на высокий трон, на котором он обычно восседал во время аудиенций. Пока Астрога наблюдал, высокая фигура уселась в него, а затем посмотрела вверх, где в тених скрывался другой демон.

-Астрога, я бы хотел быть один.

-Как долго?- порой сын Мефисто требовал этого. Обычно арахнид ретировался в одну из башен, пока Люцион не заканчивал с тем, над чем бы он ни работал. Будучи демоном-лидером, Люцион обладал привилегиями, которым Астрога часто завидовал.

-Начиная с этого момента,- ответил Люцион, выражение его лица ожесточилось. - Найди себе место, где сможешь соткать себе новую паутину. Возможно, в башнях. Если ты мне когда-нибудь понадобишься, я позову тебя.

Его навсегда изгоняли из комнаты? Астрога чуть было не запротестовал, но вспомнил затем, что, в конце концов, имеет дело с сыном Мефисто, тогда как он – всего лишь любимчик Повелителя Ужаса.

-Как угодно,- пробормотал затенённый арахнид.- Как угодно.

Он подозвал к себе своих детишек и напустил на них паутину, словно растворяя их. Затем, бросив последний – и несколько яростный – взгляд, Астрога исчез.

Фигура на троне использовала волшебство, чтобы осмотреть комнату. Никого не было, даже ни одного из чрезмерно любопытных питомцев паука. Комната была магическим образом запечатана от всех остальных.

Примас издал лёгкий смехок... Который придал его лицу то, что иной назвал бы *женственными* чертами.

-Иди ко мне, моя любовь,- сказал Люцион голосом своей сестры.- Я с нетерпением жду тебя...

И в Соборе Света Пророк кивнул.

Всё проходило точно под его диктовку.

Конец первой книги

Об авторе

Ричард Кнаак родился 28 мая 1961 года в Чикаго, в настоящее время часть времени проводит в Чикаго, часть – в Арканзасе. Учился на факультете химии в университете штата Иллинойс, но перевёлся на риторику и закончил со степенью бакалавра. Публикуется с 1987 года, его работы переведены на немецкий, итальянский, французский, датский, японский, испанский, польский, финский, чешский, венгерский, турецкий и русский языки.

Впервые начал интересоваться и читать фэнтези и научную фантастику, когда ему попала в руки книжка «Буря над чародеем» Андре Нортон. Прочитав её запоем, он перешёл к «Созданиям света, созданиям тьмы» и «Хроникам Амбера» Роджера Желязны, а потом к рассказам о Марсе Эдгара Райса Берроуза. Наряду с Эдгаром Аланом По Кнаак считает этих авторов наиболее повлиявшими на его творчество. Его другие любимые писатели: Глен Кук, Лайон Спрэг де Камп, Лоуренс Уотт-Эванс, Гарри Тартлдав, Дженнифер Робертсон, Лорел Гамильтон, Гарри Гаррисон и Роберт Сойер.

Ричард Кнаак – самый продаваемый автор по версии New York Times, написавший несколько десятков романов, в том числе трилогию «Война Древних» по вселенной Warcraft и «Легенду о Хуме» по вселенной Dragonlance. Не новичок в мире Diablo, помимо саги «Война Греха» он написал три отдельных романа по миру, включая «Луну Паука». Другие его работы включают его собственную серию Dragonrealm, «Войны минотавров» по Dragonlance, трилогию «Век Конана» и «Трилогию солнечного родника» - первую мангу по Warcraft.

Связаться с Ричардом можно через его веб-сайт: <http://www.richardaknaak.com>. Хотя он и не может ответить на каждое электронное письмо, он читает их. Подпишитесь на его рассылку уведомлений о выходящих книгах и появлениях на публике.

Только для ознакомительного чтения. Все права на книгу принадлежат её автору и компании Blizzard Entertainment.

Подготовил ExileLiNk(exilejude), специально для сайта:

<http://indiablo.ru/>

Автор перевода: D@mmу